

Ольга Обр

Брошки океан

18+

Ольга Обр

Вдохни океан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69351628

SelfPub; 2023

Аннотация

Красивая девушка и по совместительству журналистка Мари отправляется в страну из 1001 ночи, чтобы написать серию статей. Но вместо сказки находит там ловушку. Парень, что удерживает её молод, гораздо моложе её самой, притягателен и настроен никогда не отпускать. Но девушка хочет вырваться на свободу, где остались её родные и любимый жених. Каждый из них ведет свою игру. Она опытнее, но он хитрее. Выйдет ли у Мари сбежать, и если да, то не заработает ли она бонусом стокгольмский синдром? Кстати, да, во всей этой истории есть один нюанс – он не видит её. Сможет ли Кир поймать свою девочку в полной темноте?

Содержание

1	6
2	17
3	25
4	32
5	44
6	54
7	64
8	72
9	81
10	88
11	95
12	108
13	115
14	122
15	129
16	139
17	147
18	154
19	162
20	171
21	179
22	186
23	194

24	202
25	209
26	216
27	224
28	231
29	241
30	248
31	255
32	262
33	270
34	277
35	283
36	290
37	296

Ольга Обр
Вдохни океан

МАРИ

В себя приходиться оказывается больно до одури. Как же хочется пить! И голова раскалывается на части. Разлепить веки удаётся лишь со второй попытки. Открыв глаза, с облегчением выдыхаю. Слава всем богам – я лежу не в искорёженной машине посреди пустыни, а в самой обычной комнате. Обстановка скромная, но здесь прохладно и есть мягкая постель. А значит, самое главное, здесь есть люди. Очнуться одной в пустыне – это смерть. А так шансы есть. Долгое время ко мне никто не заходит, что даёт мне возможность худо-бедно совладать с бунтующим организмом. Я пытаюсь встать, но нереальная слабость не даёт даже оторвать голову от подушки. Когда я уже устала ждать и просто лежу, прикрыв глаза, и прикидываю перспективы, в комнату заходит мужчина средних лет, одетый в национальный костюм. Не говоря ни слова, осматривает мою голову. Он старается не смотреть мне в глаза и вообще выглядит весьма отстранённым.

– Здравствуйте. Простите, как вас зовут? – моя попытка выйти на диалог остаётся без внимания. – Где я? – но и в этот раз мужчина игнорирует мой вопрос. Молча протягивает мне стакан воды и так же молча выходит.

Теряясь в догадках, что происходит, и когда я увижу представителей властей, я провожу ещё несколько долгих минут. Немного отдохнув, всё же нахожу в себе силы встать. По стенке дохожу до двери, за которой скрылся мужчина. Провожу пальцами по затейливой резьбе, украшающей кусок выкрашенного белой краской дерева. Тяну за медную ручку, но дверь не поддаётся. И вот именно эта закрытая дверь вдруг всё мне разъясняет. Никаких представителей властей не будет. И выкручиваться мне придётся самой. Не зная языка и традиций. В глубоко патриархальной стране. Женщине. Одной. В шоке я сползаю по шершавой оштукатуренной стене и сижу так еще какое-то время. Но естественные нужды на то и естественные, что требуют своего в любой ситуации. Соседняя дверь оказывается открытой, и за ней обнаруживается небольшая уборная. Долго рассматриваю в зеркале глубокую ссадину с кровоподтёком на своём виске, недоумевая, откуда она там, ведь и справа и слева сработали подушки безопасности. После принимаю быстрый контрастный душ. Благодаря душе головная боль немного унимается, так что я могу мыслить более-менее здраво. Вернувшись в комнату, обнаруживаю, что там на низеньком столике у кровати уже стоит поднос со вполне съедобным обедом. Морить себя голодом в мои планы точно не входит, я у себя одна. Но ни вкуснейший острый рис с бараниной, ни восточные сладости настроение поднять не могут. За узким высоким окном, в которое было бы невозможно протиснуться даже с моей комплекцией,

виднеется лишь одинокая финиковая пальма и кусок высокой стены. Долеталась, птичка. Пока я медитирую на шелестящую за окном пальму, дверь в мою темницу открывается снова, и входит новый для меня персонаж. Этот мужчина старше, возможно ближе к пятидесяти, одет, в отличие от предыдущего, в привычные для меня брюки и рубашку всё того же белого цвета. Какое-то время мы, не стесняясь, рассматриваем друг друга. Потом незнакомец ухмыляется и говорит:

– Подойдёшь.

Не добавив ни слова, он покидает комнату, и раздаётся щелчок запираемого замка. Я так и замираю с открытым ртом и невысказанным вопросом.

Слабость никуда не делась, и я вынужденно возвращаюсь на кровать, вспоминая, как же прекрасно всё начиналось. Новая интересная командировка в Палеру. Я считала, что это огромная удача! Ещё бы – закрытая страна, куда редко допускают иностранцев, тем более журналистов! С каким энтузиазмом я бегала по нашей квартире в Аране и собирала вещи. А ведь Алекс просил не ввязываться в эту авантюру! Я же только смеялась в ответ, задабривая его поцелуями. Ну, подумайте сами, как я могла отказаться от такого шанса?! Вот и попалась как глупая муха.

Палера расположена почти у экватора, на побережье тёплого океана. Её скалистые берега гордо взирают на бесконечную морскую гладь, а пустыня, подобравшаяся со всех сто-

рон, надёжно охраняет от незваных гостей. Столица с одноимённым названием встретила мягким бризом, ярким солнцем и сказочной атмосферой узких улочек с высокими расписными заборами. И это всё после холодной, заметённой снегом, февральской Араны. Я была в экстазе. Со мной в группе оказалось ещё четыре репортёра, мужчины, все из разных стран. С одним из них, Райаном, мы даже были знакомы – он, как и я, родом из Кио. Причиной такого удивительного послабления послужило, как нам сказали, то, что эмир – правитель Палеры – решил налаживать международные связи и вести открытую внешнюю политику. А наши статьи должны были стать первыми ласточками по популяризации страны и продемонстрировать её открытость к контактам. Звучало обнадеживающе. К нашей группе был приставлен гид из местных – Салид, и два человека секьюрити. Я была однажды в зоне вооружённого конфликта, в частично оккупированном соседней страной Листане, где репортёрам полагалась военная охрана. Но тот факт, что вести нас будут и в мирной Палере, меня не насторожил, всё же закрытая страна со своими обычаями. А зря...

Первые три дня прошли весьма плодотворно и активно. Нам показывали самые значимые достопримечательности, знакомили с укладом жизни и местной кухней. Особенно мне понравился атмосферный рынок специй, насквозь пропахший шафраном, перцем и восточной сказкой. Меня, конечно, немного стесняло длинное светлое платье-паранджа,

называемое абайя, оставляющее открытыми лишь кисти рук и глаза. Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят, как известно. Да и служило платье моей же безопасности – за все три дня мы не встретили на улицах столицы ни одной женщины, позволившей бы себе иное одеяние. Ребята-коллеги подшучивали надо мной и советовали привезти подобное платье домой – порадовать жениха. Ага, можно подумать он бы обрадовался. Алекс известен всему миру своей любовью жить напоказ. Буквально недавно мы с ним участвовали в сумасшедшем реалити-шоу с немаленьким рейтингом, где Александр сделал мне предложение. И я, естественно, ответила «да». В общем, платье в качестве сувенира я покупать не собиралась.

На четвёртый день по плану стояла поездка в отдалённую деревню. Я проверила камеру, диктофон, планшет. Все было заряжено и исправно. Запасные аккумуляторы и карты памяти лежали на своих местах. Телефон оставила в своём довольно скромном, но при этом колоритном номере – в Палере мой оператор не работал, и связь с домом была только через стационарный телефон на стойке регистрации отеля. Что уже неплохо. Ещё с вечера я предупредила родителей и Алекса, что уезжаю, вероятно, до поздней ночи. Затемно нас рассадили по большим черным внедорожникам. Парни сели по двое, мне же досталась отдельная машина. Со мной были Салид и незнакомый водитель, оба впереди, так что я вольготно расположилась на заднем сидении в гордом оди-

ночестве. Через пару часов, когда вокруг окончательно рас-
свело, я начала увлечённо вертеть головой и щёлкать каме-
рой – утренняя пустыня завораживала своей графичностью.
А вот гид и водитель были напряжены.

– В чем дело, Салид? – не выдержала я.

– Надвигается буря, госпожа, – от волнения его акцент
стал ещё более заметен.

– Странно, небо совсем чистое...

Больше вопросов я решила не задавать, местным виднее.
Машины с безумной скоростью гнали по идеально ровной
трассе, а мои сопровождающие становились всё более обес-
покоенными. И вот буря налетела огромной стеной песка.
Совершенно неожиданно для меня небо и земля смешались
в адском хороводе. Сработали подушки безопасности, и я
потеряла сознание от сильного удара.

Тем не менее, я всё ещё отказываюсь верить, что дела мои
довольно плохи. Как минимум я жива, судя по всему, отно-
сительно здорова и рядом люди. Значит, смогу договориться.
Я ведь всегда считала, что родилась под счастливой звездой.
Мне сказочно везло в жизни с самого моего рождения и до
сегодняшнего дня. Мне посчастливилось появиться на свет
в более чем обеспеченной семье. Мои родители всегда бы-
ли и остаются любящими и понимающими, даже, несмотря
на развод и вечную занятость. Папа – владелец крупного ме-
диа-холдинга. Мама – известная в прошлом актриса. Когда
мне было около семи, они расстались, и даже тогда я не чув-

ствовала себя несчастной или ущемлённой. Мама полюбила другого мужчину и ушла к нему. Колин хороший, мы вполне ладим. Но на тот момент я выбрала остаться с отцом – ведь это он, а не мама, был брошенным и одиноким. Когда через год папа нанял мне новую гувернантку, я очень подружилась с Лиз. Видя, как она смотрит на моего отца, сделала всё возможное, чтобы заметил и он. Вуаля! У меня снова была полная семья, даже более чем полная! Далек не каждый может похвастаться двумя мамами и двумя папами. Скоро родился и Майк, мой сводный братишка по отцу. А вот у мамы с Колином детей так и не появилось. В общем, детство мое было безоблачным. Да и рядом всегда был Нейт, такой же энергичный и неуправляемый, как я. Мы дружим с пелёнок, ходили в один сад, затем в одну школу. И, сдаётся мне, за годы нашей безудержной дружбы выпили немало крови у родителей своими выходками. Такого сообщника для проделок ещё поискать. Мне всегда везло с людьми, встреченными на жизненном пути. Я имею возможность заниматься любимым и интересным делом и не думать о хлебе насущном. После окончания школы уехала учиться в Арану, на родину моей бабушки. Да, я променяла знойный Кио и ласковый океан на снега и холод, но там находится лучший университет по выбранному профилю, а с языками у меня проблем никогда не наблюдалось. Закончила факультет международной журналистики. Ещё будучи студенткой, начала писать для одного из изданий отца. Да-да, блат и всё такое. Но не найдется ни

одного человека, который, зная меня, не сказал бы, что я не вкалывала как проклятая. И теперь я езжу по разным странам в поисках интересных мест. Весь мир мой дом, ведь с самого раннего детства я много путешествую. Сначала с родителями в их деловых поездках и на отдых, потом с друзьями и самостоятельно. У меня есть любимый человек, Алекс. Он необыкновенный. Вспоминаю его сногшибательную улыбку и не могу не улыбнуться сама. Мы много времени проводим порознь: и его и моя работа требует быть постоянно в дороге. Но каждая встреча – незабываемый праздник. Недавно мы купили общую квартиру в Аране. И рано или поздно планируем осесть в ней. Завести детей. Да, я жутко удачливая. Я даже сладкое могу есть в любых количествах без ущерба для фигуры и кожи, в конце концов!

И не говорите мне, что моя чаша благополучия уже переполнена и судьба повернулась ко мне спиной. Я ещё поборюсь.

КИРАМ

Сегодняшний бой был стремительным и удачным, как, впрочем, и предыдущие. Мы только вернулись с отцом из столицы, где проходил полуфинал, и я немного устал с дороги – два часа без движения кого хочешь утомят. Надо бы отметить это дело с парнями. Джавад должен заехать за мной с минуты на минуту. Мой троюродный брат часто бывает в нашем доме, и мы дружим, сколько я себя помню, несмот-

ря на разницу в возрасте в несколько лет. Он старше, самостоятельней и резче в своих суждениях. Но он мой брат и я мирюсь с некоторыми его недостатками, зная, что он всегда прикроет мою спину. Кроме того, в силу непреодолимых обстоятельств отец готовит его в свои преемники. Джавад говорит иногда, что чувствует определённую вину передо мной, но это как раз то, что волнует меня меньше всего. Не хотел бы я стать наследником Самира, не моё. А вот встретиться сегодня с друзьями как раз хочу. В конце концов, имею я право на небольшие послабления? Уже послезавтра стану совершеннолетним.

– Господин, отец ожидает вас в кабинете, – входя со стуком, прерывает ход моих мыслей старый Раиф, служащий отцу дольше, чем я себя помню. Выбора нет, кроме как покинуть комнату и отправиться к нему. Встреча с друзьями никуда не денется, да и не думаю, что отец отнимет много времени. Спуститься вниз, пройти через дворик, свернуть налево. Путь знаком и не вызывает никаких проблем.

– Ты звал меня? – входить в святая святых без стука не позволено никому, даже мне и Азре.

– Да, Кирам, – отец выдерживает паузу, возможно даже крутит по привычке в руках золотую ручку, подаренную эмиром сто лет назад. Возможно, что-то дочитывает в своём планшете. Хотелось бы мне знать. – Кирам, послезавтра твоё совершеннолетие, мой мальчик, – неожиданно врывается в мои мысли голос отца. Перебивать старших дурной тон, и я

жду, когда он закончит свою речь. – Ты знаешь, что в восемнадцать лет мужчина должен покинуть родительский дом и начать свою жизнь. Это не касается лишь... убогих, – я слышу, как нелегко даётся ему это слово, это признание в том, что его единственный сын – калека. Горькая усмешка на моих губах. Как бы я не старался, каким бы сильным не стал, для этого мира я останусь «убогим». – Поэтому, – продолжает меж тем отец, – через день ты покинешь этот дом. Я купил тебе достойный риад и нашёл подходящую бейгали.

Я вскидываюсь, это звучит как насмешка и как... надежда. Отец признал мою силу, несмотря ни на что. Благодарю его кивком головы, просто потерял от неожиданности дар речи – ведь готовился к совершенно другой судьбе.

– В субботу вечером после праздника я отвезу тебя, дальше ты будешь жить самостоятельно. Как и договаривались, начнёшь работать в корпорации, посмотрим, что из этого выйдет. Но двери моего дома всегда открыты для тебя, сын! – заканчивает Самир Арафат, один из влиятельнейших людей юга Палеры. – Можешь идти и отпраздновать победу.

Мне есть, что обдумать, и встречаться с друзьями уже не хочется. Хочется провести эту ночь в стенах отцовского дома, там, где я знаю всё досконально, и придумать, как жить дальше. Что отец имел в виду, когда говорил, что нашёл подходящую бейгали? И ведь спрашивать бесполезно, в жизни не скажет больше, чем считает нужным. Бейгали – тихие незаметные помощницы, готовые исполнить любую

блажь господина, следящие за хозяйством, греющие постель. Без них не обходится ни один дом, это сердце. Но что, чёрт побери, значит «подходящую»? Обычно, мужчина выбирает бейгали сам из знакомых девушек. Только не в моём случае. Что ж, увижу послезавтра. Точнее, не увижу.

Задвигаю все свои восторги и страхи в дальний угол и всё-таки отправляюсь с парнями навстречу приключениям. Тем более что у меня столько поводов для хорошей вечеринки.

МАРИ

Ночь прошла беспокойно, уснуть удалось лишь под утро. Мысли об Алексее и родителях, ожидающих известий обо мне. Возможно, именно в эту минуту уже оплакивающих меня. Мысли о том, где я оказалась и как же выбраться из этой ловушки. Всё смешалось в голове. И слабая надежда, что это лишь недопонимание и завтра меня отправят домой. В общем, утром я проснулась совершенно разбитой. Завтрак уже ожидал на низеньком столике у кровати. На удивление сегодня меня не стали томить долгим ожиданием. Вскоре после того, как я приняла душ, в комнату забежали две тоненькие девочки в красивых национальных платьях, яркие как тропические птички. Они не разговаривали со мной и на все мои вопросы лишь качали головами в знак непонимания. И им явно пришлось по душе мои светлые, необычные для этих мест, волосы. Мягко, но настойчиво, меня причесали и переодели в платье наподобие их нарядов и верхнее платье-паранджу. Их глаза, наполненные жгучим любопытством, лучились смехом, но лица оставались серьёзными. Что ж, спорить и скандалить мне пока невыгодно. Подождём. К слову, ждать пришлось недолго. Вчерашний неразговорчивый знакомец жестом велел идти за ним. Мы про-

шли узкими и довольно мрачными коридорами на жаркий и душный задний двор, где нас уже ожидала машина. Может они отвезут меня в посольство? Надежда на благополучный исход вновь подняла голову. Я же Мария Бекероф, известный везунчик. Но поездка оказалась совсем недолгой. Пятнадцать минут попетляв по узким улицам, меня привезли в другой дом, возможно несколько меньше предыдущего, но такой же роскошный. На пороге ждал тот, кому я вчера «подошла».

– Доброе утро, Мария, – поприветствовал он меня на вполне понятном языке моей северной страны.

– Вчера вы были куда менее любезны и разговорчивы, – не сдержала свой острый язык и тут же об этом пожалела, заметив его взгляд в мою сторону. – Простите, это было невежливо с моей стороны. Доброе утро, господин... – я замолчала, ожидая, что мужчина представится.

– Меня зовут Самир, милое дитя, – усмехнулся он. Ну да, мы оба знаем, что на деточку я не тяну ни в коем случае. В мои-то двадцать пять. – Ты, вероятно, жаждешь узнать, что делаешь здесь и какова твоя дальнейшая судьба?

Я молчала, ожидая продолжения, молчал и он, пристально глядя мне в глаза. Так и подмывало снять осточертевший никаб, но я не рискнула злить его. Собравшись с мыслями, Самир всё же пропустил меня в дом. Внутри было сумрачно, прохладно, но помпезно.

– Тебе нравится этот дом, бейгали?

– Что значит «бейгали»? – отвечать вопросом на вопрос – моё любимое развлечение.

– Оно не имеет перевода на твой язык. Самое близкое, что приходит в голову, что-то вроде «любимая прислужница».

Заметив, как меня передернуло, Самир рассмеялся вполне себе искренне и непринужденно:

– Не так всё плохо, девочка. Бейгали – это любимая игрушка хозяина, с нее сдувают пылинки и берегут как зеницу ока.

Почему-то эти слова меня совершенно не утешили. Я резко остановилась:

– Мой отец весьма влиятельный человек, Самир. И богатый. Я думаю, мы сможем договориться. У меня есть жених, в конце концов! Чего вы хотите? Выкуп?

Я всё стояла, ожидая ответа, а Самир крутил в руках неизвестно откуда взявшуюся вычурную золотую ручку. Молчание затягивалось.

– Вы понимаете, что меня будут искать? Неужели вам нужны такие проблемы?!

Он всё-таки соизволил повернуться ко мне:

– В этой стране крепкие и высокие заборы, девочка. А люди стоят за своих до последнего. Тебя не найдут. Смирись.

Он снова неторопливо пошел вглубь дома. Дойдя до изящного бассейна, в залитом солнцем внутреннем дворике, Самир остановился.

– Я не прошу от тебя многого, чужеземка. Ты не ответила,

нравится ли тебе этот дом.

– Он красивый, но он не похож на то, к чему я привыкла, – интерьер действительно был роскошен. Ажурные решётки на выходящих во дворик окнах, золочёные светильники в глубине портика, многочисленные деревья в керамических кадках и мягкие диванчики создавали необыкновенную атмосферу. Бассейн, выложенный изумрудно-зелёной мозаикой так и манил окунуться в него.

– Человек ко всему привыкает. И ты привыкнешь, – он прищурился и словно забыл на какое-то время, что я рядом. Устав ждать его реакции, я опустила в резное кресло темного дерева и всё же позволила себе снять никаб. На душе скребут кошки. Если я останусь здесь пленницей, сбежать будет практически невозможно. В Палере нет выхода на международную сеть и международных телефонных линий. В Палере у женщины нет никакой возможности попросить помощи – просто не у кого, полиция вернёт посмевшуюся пожаловаться домой, а социальных служб нет и в помине.

– Самир, – предприняла я ещё одну попытку. Но он остановил меня резким взмахом руки.

– Просто выслушай, девочка. Возможно, ты не заешь, но в нашей стране есть такой обычай: мужчина в день совершеннолетия должен покинуть родительский кров и начать самостоятельную жизнь. У меня есть сын и завтра его совершеннолетие. Я купил этот риад для него. Но дело в том, что Кирам не сможет жить один. Он... – Самир прочистил

горло, – по традициям он должен остаться в моем доме как «убогий»! – последнее слово мужчина словно выплюнул. – Но мой мальчик гораздо сильнее, чем думают окружающие, и он сможет это доказать. Я намерен дать ему этот шанс. Кирам слеп. Попал в аварию, когда ему не было и восьми... Обычно бейгали мужчину выбирает сам, но у Кирама такой возможности нет. Поэтому за него выбрал я.

Я слушала, не перебивая. Да и что тут скажешь. Меж тем Самир продолжил:

– Он много времени провел за границей. Ему близки ваши порядки, так что, думаю, вы найдёте общий язык. Не удивляйся, при должном влиянии и количестве золотого запаса можно выбраться и из Палеры. Я возил его к лучшим врачам Араны и Кирии, но они не смогли помочь. И сейчас ему нужна помощница, которая станет его проводником в мире зрячих. Наши женщины не подойдут на эту роль, они зажаты в рамках традиций. Ты – нет.

– Постойте, Самир, – не удержавшись, вклинилась в его речь. – Вы могли выбрать любую другую мою соотечественницу. Многие из них согласились бы жить в роскошной золотой клетке. Я даже могу помочь в поисках.

– Ты не поняла, Анна Мария. Я выбрал. И ты здесь.

С этими словами мужчина развернулся и быстрым шагом покинул патио, но через минуту вернулся, чтобы бросить:

– Скоро придёт моя бейгали, она всему тебя научит. Завтра я привезу Кирама.

Сказав это, он ушёл окончательно. Я осталась одна в изумительно красивой клетке для глупой птички, что, сломя голову, сама залетела в ловушку.

КИРАМ

Весь день не нахожу себе места. Даже пропустил тренировку, что для меня неслыханно. Не могу представить, какой будет моя жизнь уже завтра. У меня даже нет необходимости собирать вещи – это сделают за меня, так что я не знаю, чем заняться. Отец сказал, что оборудовал спальню и ванную в купленном риале в точности как дома, чтобы мне было легче привыкать, это обнадёживает. Тураб так же остаётся со мной, так что я довольно много привычного забираю с собой в новую жизнь. Но я всё равно на взводе, хожу из угла в угол и вспоминаю. Вспоминаю страшные дни, предшествовавшие моей слепоте, слоняясь по своей старой комнате. Я ведь не перестал видеть в один момент. Казалось, сначала всё было хорошо. Переломы заживали, синяки сошли на нет. Но вдруг, проснувшись утром, я понял, что всё перед моими глазами стало неясным, размытым. Сначала отец возил меня к лучшим эскулапам Палеры, но те лишь разводили руками. Тогда Самир решил вывезти меня за границу. У него даже не ушло на это много времени на самом деле. Я помню, как поразил меня Давил, мегаполис, каким никогда не стать

Палере. Я с восторгом наблюдал за жизнью, несущейся с бешеной скоростью вокруг меня потоком бесконечных машин, монорельсов и людей. Это так отличалось от ленивого темпа Палеры, словно застывшей во времени. Как мне понравилась Арана с ее холодными и сказочными улицами, замётёнными невиданным доселе чудом – замёрзшей водой, снегом. А зрение ухудшалось неумолимо и с каждой новой клиникой и страной надежды оставалось всё меньше. И вот очередной приезд в Арану. Я уже почти ничего не видел, лишь размытые силуэты. Передвигался можно сказать на ощупь. И мне было страшно, всё время страшно. Там в больнице я познакомился с Мэй. Я долгое время думал, что мой новый друг – мальчишка. Такой же несчастный как я. Каково же было моё удивление, когда я узнал, что Мэй – девчонка! Никогда в Палере девочки не вели себя столь открыто и раскрепощённо. Не проказничали и не дразнились. Не давали сдачи. Это было так удивительно. Пожалуй, это главное, что вообще поразило меня во внешнем мире. Что женщины там не были теми женщинами, к которым я привык дома. Они не прятали своих лиц. Они могли быть врачами и полицейскими. Они могли говорить, когда им этого хочется, и ходить, куда им хочется, ни у кого не спрашивая разрешения. Странно и непривычно. За последние десять лет я много раз бывал то в Аране, то в Кирии и привык к этому, но тогда они, местные женщины, казались мне существами с другой планеты. А с Мэй я сдружился так крепко, что мы до сих пор видимся в

мои довольно частые наезды в Арану. Нам всегда есть, что обсудить, у нас довольно много общих интересов. К тому же мне с ней легко, ведь она, как и я, лишена главного из чувств человека – зрения, поэтому понимает меня как никто другой. И, да, эта девушка никогда не щадит моих чувств, прямо высказывая в лицо всё, что обо мне думает. Если бы моя бейгали была хоть вполовину похожа на Мэй, жизнь в одном доме с ней могла бы быть не столь и ужасна.

Хватит мечтать о несбыточном. Спать. Завтра новая жизнь.

МАРИ

Чтобы хоть как-то разогнать бегущие по кругу мысли, решила осмотреться в доме. Риад, правда, оказался не очень большой. По левую руку от дворика были расположены хозяйственные помещения, кухня с массивным дубовым столом и тяжёлыми коваными стульями, оснащённая всей необходимой современной техникой, довольно тёмная и мрачная, в коричневых тонах, а так же две небольших спальни, видимо для прислуги. По правую – шикарная гостиная с длинным, низким и комфортным диваном, заваленным огромным количеством пёстрых подушек, на столике перед диваном – золочёный кальян, а на стенах бесконечные завораживающие орнаменты. Так же тут был тренажерный зал, довольно просторный, с беговой дорожкой, боксёрской грушей и штангой, и небольшая гостевая спальня всё в том же восточном стиле. Главная спальня, на удивление лаконичная и просторная, совершенно не соответствовала антуражу дома и имела прямой выход во дворик, расположенный строго напротив главного входа в дом. Светлые стены без каких-либо украшений, встроенный шкаф и огромная кровать. Вот и вся обстановка.

В одной из комнат для прислуги я обнаружила свои

немногочисленные пожитки – камеру, планшет, диктофон и наушники. Долго медитировала над планшетом, не решаясь открыть галерею и нарушить хрупкое равновесие, воцарившееся в душе. В итоге решила, что предаться тоске-печали всегда успею, и решительно отложила его в сторону. Тем более, что времени на одиночество мне фактически и не дали. В ряд вошли две женщины. Одна из них, полноватая, с уверенностью крейсера подплыла ко мне, колыхая телесами. Я как раз сидела на краю бассейна, болтала ногами в воде и раздумывала, не искупаться ли. Когда женщина откинула никаб, на ее немолодом лице мелькнула высокомерная усмешка. Она молчала и возвышалась надо мной, как чертов памятник. А на меня напало какое-то жуткое ребячество, захотелось делать все наперекор. Посему я продолжила свое беззаботное занятие. Только бы не показать им все те эмоции, что раздирают меня изнутри. Вторая, та что повыше и постройнее, так же сняла никаб и оказалась гораздо моложе, нежели я ожидала. Лет тридцати пяти или около того. Она уродилась настоящей восточной красавицей, с прямым носом, золотисто-кариими глазами, густо подведёнными чёрной краской, и по сравнению со своей старшей подругой выигрывала однозначно. Но на ее лице так же не мелькнуло и тени приязни ко мне. Молчание затягивалось. Потом женщины перекинулись несколькими словами на своем языке, и молодая все же обратилась ко мне на ломаном аранском:

– Как тебя зовут?

– Мария, – не стала упираться я.

– Я – Джахиза, мать Кирама. Это, – женщина кивнула на свою спутницу. – Азра. Бейгали господина Самира. Мы пришли показать твои обязанности. Пойдем.

Подчиняться не хотелось до одури. Но и смысла в открытой конфронтации я пока не вижу. Поэтому медленно встала. Сначала меня повели на кухню. В дверях Джахиза неожиданно остановилась, бросила через плечо:

– Мой сын слепой. Он не может делать многие вещи. Тем более в незнакомом доме. Тебе придётся стать его глазами, – сказано было тоном, замораживающим всё в радиусе километра.

Боже, дай мне сил не сорваться. Это всего лишь женщина, переживающая за своего «малыша». Но саркастичную усмешку все же сдержать не удалось.

– Что? – требовательно спросила она.

– Я не просила об этой чести, не стоит так злиться. Уговорите вашего мужа отпустить меня и замените той, что вам придётся по душе. Я только спасибо скажу.

Ответом меня не удостоили. Битый час они объясняли, что и в какое время ест их драгоценная кровиночка. Как ухаживать за одеждой и мыть полы, меня тоже научили (не дай бог мальчик поскользнется). Показали, как должны быть расставлены флаконы в ванной и куда нужно класть носки и трусы. К третьему часу экзекуции я искренне ненавидела объект всей этой суматохи. Ещё только нянькой для избало-

ванного подростка я не была! Также выдали ежедневник, в котором было расписание дня и разных встреч на несколько недель вперед. Кажется, постарались именно для меня – все надписи были сделаны на аранском.

– Ты должна следить за временем и напоминать ему расписание. У Кирама есть свой водитель, но иногда и тебе придется куда-то отвозить его, – с этими словами к ежедневнику добавился новенький навигатор и ключи от машины.

– Машина во дворе. Сейчас мы поедem и покажем тебе ближайший магазин. За продуктами будешь ездить сама.

Ого, мне дают машину? И надеются, что я даже не попробую сбежать?! Словно прочитав мои мысли, Азра, до этого всё больше молчавшая, сказала:

– Даже не думай, тебя поймают задолго до границы. Самир влиятельный человек, тебя вернут быстро. Хуже своим побегом сделаешь.

О том, что без бесследно пропавших документов пройти границу мне не светит в любом случае, все тактично промолчали. Что ж, я подумаю, что с этим можно сделать, позже.

– И ещё, – снова вступила в разговор мать «моего господина». – Держи.

Мне протянули яркую упаковку. Надписи на коробочке были для меня нечитаемы, поэтому оставалось лишь гадать, что внутри.

– Это таблетки. Чтобы детей не было, – ответила на мой немой вопрос Азра. – Бейгали может родить только после

того, как появится наследник от жены.

Я просто потеряла дар речи. Родить? Секс? Вы серьезно?! С незнакомым слепым малолеткой? Господи, давно я так не смеялась. Женщины подождали, пока я успокоюсь. Затем Азра подошла вплотную ко мне и угрожающе прошипела в лицо:

– Ты сделаешь нашего мальчика счастливым. Иначе пеняй на себя.

И даже, несмотря на то, что женщина была ниже ростом и явно слабее, от её тона у меня появились премерзкие мурашки. В любом случае ЭТО я с ними обсуждать не намерена.

– Кажется, мы собирались в магазин, – я развернулась и уверенно пошла на выход, прихватив чёртов никаб.

КИРАМ

Паршивая выдалась ночь, уснуть удалось лишь под утро. Вот она – новая жизнь – на расстоянии вытянутой руки. Нетерпение смешивается с нервозностью в бурлящий коктейль. И хотя состояние довольно разбитое из-за недосыпа, проснулся я в прекрасном расположении духа. А почему нет? Мне восемнадцать и я начинаю самостоятельную жизнь. Страшно? Нет. Скорее волнительно, как оно все сложится. Так или иначе, пути назад нет, и не будет. Я должен справиться. Другого не дано. За завтраком мать начала было причитать, но отец довольно строго оборвал её, велел не портить

мне праздник.

Вскоре после завтрака за мной приехали Иса и Джавад: гонки по пустыне на восемнадцатилетие – это святое. Казалось бы, в чём для меня может заключаться интерес, если я не вижу ни черта? Но попробуйте закрыть глаза на огромной скорости, когда машина срывается с гребня бархана, чтобы рухнуть в пропасть, а потом снова взмывает вверх. Ощущения непередаваемые. Гул мощного мотора и шорох песка, вылетающего из-под колес, бешеная тряска и тягучие мгновения, когда кажется, что внедорожник вот-вот завалится на крышу, форсируя слишком крутой склон. Пару часов мы провели в пустыне, угробив одно колесо, но остались довольны. Потом большой праздничный обед в кругу друзей в ресторане. Хотя друзей у меня не так много. В основном это знакомые по клубу, где я тренируюсь, и пара ребят, с кем я был дружен в детстве, ещё до аварии, близких всего трое. Время пролетает незаметно за живой беседой, под крепкий кофе и хороший кальян. Мы вспоминаем разные проделки из своего детства, планируем, чем заняться завтра и обсуждаем мой выход финал, куда же без этого. День выдался бодрый, заряженный смехом. Но под конец шутки парней, которые к слову в основном старше меня, начинают напрягать. Ну, вот это всё: «Наконец наш малыш станет настоящим мужчиной», «Рассказать тебе, как обращаться с девушкой, мелкий?» и т.д. и т.п.

Под вечер друзья привозят меня домой, где ждёт шикар-

ный стол, и собралась вся родня. Тут уже не так весело и возникает огромное желание поскорее уехать. Традиционные застольные речи мало кого могут воодушевить. Когда слово берёт Рашид – двоюродный дед – это желание становится почти непреодолимым. Рашид умеет говорить долго и нудно. К тому же терпеть меня не может и постоянно норовит задеть. Но делает это так виртуозно, что подкопаться не к чему. Я выслушиваю одного за другим старших родственников, каждого благодаря за поздравление, а сам отсчитываю минуты до того, как смогу оказаться в своём новом доме и познакомиться со своей собственной бейгали.

Но и этому испытанию кровными узами приходит конец. Каким бы затянувшимся не был вечер, наконец выпита последняя далла кофе. И отец говорит: «Пора».

МАРИ

Женщины ещё вчера предупредили, что Кирам приедет ближе к ночи. Поэтому весь день я неприкаянно слоняюсь по риаду. Настроение скачет от «мы все умрем» до «я всё смогу». Я, то реву, листая фото на своём планшете, то, вдруг успокоившись, обдумываю свои шансы вырваться из Палеры. Пока дышу – надеюсь, а буду раскисать – точно ничего не выйдет. Будем откровенны, вероятность выбраться самостоятельно из переделки на данный момент весьма ничтожна. Одной мне точно не справиться, нужен союзник. Только где же его взять? Можно конечно попробовать надавить на Джахизу, ей ведь моя кандидатура вовсе не по душе. Но женщины здесь настолько бесправны, что вряд ли у неё получится помочь мне хоть чем-то. Однако и этот вариант сбрасывать со счетов не стоит. Оставим как запасной. А вот план с мальчиком гораздо более перспективный. Он ещё подросток, значит, им управляют гормоны, и он не так искушён в манипулировании людьми. А я умею быть ужасно милой. Надо всего лишь уговорить его вывезти меня из страны. Неважно куда. Не знаю, сколько времени это займет. Вполне возможно, что не один месяц. Но я жива-здоровая, у меня есть цель, и есть идея, как её достичь. Так что унывать рано. Главное ста-

раться поменьше думать о близких, о том, каково им сейчас. Эмоциональные качели мне совсем не помогут. Я вернусь домой, каким бы долгим и сложным не был путь.

Кажется, что день тянется бесконечно, но вот уже и закат. Палера близко к экватору, в семь вечера уже крошечная темнота. В ночи на меня снова накатывает беспросветное отчаяние, поэтому к десяти я не только жутко раздосадована, но и зла. Ничем хорошим такая первая встреча закончиться не может, нужно срочно успокоиться. А что может успокоить лучше, чем любимая музыка? Благо наушники мне вернули вместе с планшетом. Включаю плейлист для наведения порядка в мыслях и сама не замечаю, как начинаю подпевать медитативным песенкам, успокаиваясь потихоньку.

Вообще-то, Джахиза велела ждать мальчика у входа. Но я же не собака, посему с удобством располагаюсь у бассейна на мягком диване. Обложившись подушками, я почти засыпаю и чуть не пропускаю явление «великого белого господина». Повезло, что расслышала шум двигателя в перерыве между песнями. Когда выскакиваю во двор, Самир с сыном уже выходят из машины. Я встаю у самой двери, наблюдая, как они приближаются. В принципе, не зная я правды, в жизни не сказала бы, что парень слепой – так уверенно он идёт рядом с отцом. Он делает лишь на один шаг больше ко мне, когда отец уже останавливается. А в целом мальчишка двигается легко и решительно, глядя прямо перед собой. Самир говорит ему что-то на своём языке, они коротко обнимаются

и отец возвращается в большой чёрный автомобиль, вежливо кивнув мне на прощание. Пока провожаю его взглядом, тщетно пытаюсь выйти из ступора и вспомнить, как я хотела начать эту беседу. Но, как только гул мотора стихает за углом, парень заговаривает первым. И я ни черта не понимаю из той абракадабры, что он произносит. Звучание его речи завораживает, смахивая на замысловатое заклинание. Как-то я была уверена, что он говорит по-арански. А если нет, то зачем здесь я? На всякий случай уточняю:

– Я не говорю на языке Палеры. Но знаю кирийский. Ты понимаешь меня?

Он чуть разворачивается ко мне, губы трогает лёгкая усмешка, когда он непринуждённо переходит на аранский:

– Я – Кирам. А как твое имя? – аллилуйя, мы нашли общий язык! Пока лишь в буквальном смысле, но и это уже неплохо.

– Меня зовут Мари, – замолкаю, не зная, что сказать дальше. Не спешит продолжить беседу и он. Я рассматриваю парнишку в тусклом свете уличного фонаря и потихоньку начинаю понимать, что легко не будет. Во-первых, он выглядит несколько старше, нежели я предполагала, во-вторых, ощутимо выше меня и майка не скрывает стальных мышц. Если он вдруг решит применить силу, я с ним не справлюсь, это очевидно. Лицо его довольно угрюмо, как у человека не привыкшего смеяться, и вряд ли у меня получится пронять его моим излюбленным методом – юмором. Но договариваться

необходимо. Как сказал древний и великий царь, скульптуру которого Кирам чем-то неуловимо напоминает: нападение – лучшая форма защиты. Поэтому я спешу перехватить инициативу:

– Давай зайдём и поговорим. У меня есть предложение, от которого ты не сможешь отказаться, – я улыбаюсь во все тридцать два зуба, даже понимая, что мою улыбку он не увидит. Но, может быть, почувствует?

Надо очаровать противника, а потом уж выставлять свои требования. Кирам, неопределённо хмыкнув, всё же протягивает мне руку с открытой ладонью. Что ж, первый шаг сделан. Его рука твёрдая, сухая, горячая и касается моей осторожно, словно боясь спугнуть. Моё сердце начинает биться как сумасшедшее – страшно. Пусть и совсем молоденький, но это явно тренированный и крепкий мужчина, а бежать мне некуда. С трудом пересилив желание вырвать ладонь и отскочить подальше, я веду его в дом. Как и всегда бывает со мной в моменты дичайшего стресса, начинаю болтать без умолку, описывая окружающее пространство. Кирам же очень сосредоточен. К концу экскурсии по дому, просит повторить её еще раз, только медленнее. Окей, это я могу. В конце концов, наш променад заканчивается в гостиной. Парень садится на диван, я же стараюсь занять место как можно дальше от него – в кресле напротив. Снова повисает тишина. Я разливаю по стаканам ледяной лимонад, предусмотрительно захваченный мной с кухни, и подаю ему

один. Медленно цежу свой, снова забыв начисто всё, что собиралась сказать. На ярком свете мне удаётся рассмотреть Кирама получше. Темноволосый, с золотисто-карими глазами как у матери, прямым носом и высокими скулами мальчик просто до неприличия смазлив. Застарелый шрам на левой щеке удивительным образом не нарушает гармонии его лица. В моей старшей школе за таким бы увивались все девочки. Немного расфокусированный взгляд, устремлённый вперед, не портит, а наоборот добавляет образу некий ореол романтичности. У него нет косоглазия, которое часто встречается у невидящих людей. Собравшись с мыслями, я резко ставлю стакан на кофейный столик и даже уже открываю рот, чтобы заговорить. Но замечаю, как его взгляд метнулся вслед моей руке. Да ладно?

– Так ты видишь? – возмущенно вырывается у меня помимо воли.

– Нет, почему ты решила? – звучит удивлённо и, кажется, искренне.

– Ты следил за моей рукой, – ну, да, вышло грубовато.

Он улыбается уголком губ и отвечает спокойно:

– Я не вижу твою руку, но слышу движение. Это рефлекс – проводить взглядом, не более. Я слеп не с рождения, – он произносит это так буднично, словно говорит не о собственном увечье, а о погоде. Достойно, я бы сказала.

– Извини, – смущённо произношу в ответ. – Не хотела тебя обидеть.

– Всё в порядке, я давно привык. О чём ты хотела поговорить?

Ага, мальчик не любит ходить вокруг да около. Тем лучше, берём быка за рога:

– Ты знаешь, что я нахожусь здесь не по своей воле? – он отрицательно качает головой, но молчит, как бы намекая, что я могу продолжать. Я киваю, и слова льются из меня сплошным потоком. – Моё полное имя Анна Мария Бекероф, родилась в Кио, но сейчас живу в Аране. Я – журналист, приехала сюда по приглашению, чтобы написать серию статей о Палере. Мы были в пустыне, когда началась буря, машина перевернулась. От удара я потеряла сознание, а очнулась здесь. Вернее не здесь, в другом доме, но это неважно. Твой отец отказался отпустить меня домой. А мне нельзя не вернуться, понимаешь? У меня же дома родители, жених, друзья – они переживают. Ну и вообще, какая из меня бейгали!? Смотри, во-первых, я для тебя старая – мне двадцать пять, почти уже двадцать шесть. Во-вторых, я не говорю по-палерски, так что помощник из меня выйдет так себе. В-третьих, я отвратительно готовлю и об уборке знаю только, как запустить робот-пылесос. В-четвёртых, у меня жуткий характер. В-пятых,...

Тут он меня всё же перебивает. А зря, я только настроилась на сто и один пункт, почему я самая неудачная идея для домашнего питомца.

– Мари, – мягко говорит он, – а какого цвета твои волосы?

Я от неожиданности немного впадаю в ступор и на автомате отвечаю в своей излюбленной манере:

– А какие тебе нравятся?

– Мне нравятся светлые, почти белые, – на полном серьёзе заявляет Кирам.

– Спешу тебя огорчить – я брюнетка, – довольная собой я добавляю сто второй пункт в список своих недостатков. Вру, конечно, но на войне, как на войне.

– А глаза? Мне нравятся голубые. Дай угадаю, твои – карие? – он совершенно бесцеремонно раскусил мою игру! Ну, разве это честно? Я рассчитывала на неразумное дитя, но этот мальчик, похоже, несколько умнее, чем мне необходимо. Окей, вспоминаем уроки старины Нейта и держим покерфэйс:

– Карие, как ты узнал?

На мой взгляд, голос звучит совершенно искренне. Но гадкий мальчишка только смеётся на это заявление. Я хмурюсь – так мы далеко не уедем. Словно уловив перемену в моем настроении, Кирам прекращает смеяться и говорит:

– Я понял, как сильно не хочется тебе оставаться в этой стране и в частности в этом доме. Не скажу, что это мне приятно, но я тебя понимаю... Понимаю, но помочь не могу. Пока.

– Почему? Самир говорил, что вы довольно часто выезжаете из страны. Отправимся на какой-нибудь курорт, а там разойдемся...

Я замираю в ожидании ответа. Пятьдесят на пятьдесят – либо повезёт, либо нет.

– Понимаешь, я только покинул отцовский дом, вроде как уже самостоятелен, но недостаточно, чтобы делать некоторые вещи. В их числе поездки за границу.

– И... Когда ты станешь достаточно самостоятелен? – в горле першит, лишь бы не разреветься. Умоляю, только не говори в сорок лет!

– Не раньше, чем женюсь, – я только собираюсь попросить его жениться как можно скорее, желательно завтра, как он продолжает. – А жениться я смогу не раньше, чем через год самостоятельной жизни.

Тут, каюсь, я не могу сдержаться, и у меня вырывается словечко вовсе неподобающее для юной леди и профессионального журналиста. Но, другим словом ситуацию описать у меня не вышло бы при всём желании. Не в этот момент.

– Какие ещё у меня есть варианты? Ты можешь отправить меня из страны с каким-то поручением, например?

– Боюсь, что нет. Тебе придётся остаться здесь минимум на год. Скорее всего, больше, не думаю, что отцу будет легко найти мне невесту.

С минуту я перевариваю информацию. Год. Минимум. Это... убивает. Я словно выпадаю из реальности и, скорее всего, даже не желая этого, мы с Кирамом в этот момент немного похожи своими отрешёнными взглядами.

– Но потом, через год, ты поможешь мне уехать? – не стала

юлить.

– Помогу, – не раздумывая, отвечает он. – Но есть два условия. Первое – ты поможешь мне продержаться этот год, стать полноправным членом общества, не инвалидом, а это будет непросто.

Кир замолкает, и мне приходится подтолкнуть его:

– А второе?

– Ты всё ещё будешь хотеть уехать.

Не скажу, что ожидаемо, но логично. Я киваю. Потом, сообразив, что он не видит, говорю вслух:

– Договорились.

На какое-то время вновь повисает неловкое молчание. Затем Кирам встаёт:

– Проводи меня в спальню.

От наглости предложения у меня аж дыхание перехватывает:

– Эмм... Кир. Можно же тебя так называть? – он кивает в знак согласия, – Пойми меня правильно, но я не буду с тобой спать. По множеству причин никак не связанных с тобой. Без обид.

Он несколько хмурится:

– Да, я помню. Ты старая, у тебя есть жених и тебе нравятся блондины.

– Когда это я говорила про блондинов?! – не удерживаюсь от возмущения. Хотя да, Алекс – блондин у меня.

Кирам улыбается, на этот раз по-настоящему:

– Только что. Я слышу в твоём голосе гораздо больше, чем тебе хотелось бы. Уж такая особенность, лишившись одного органа чувств, начинаешь больше полагаться на оставшиеся. А вообще, я просто хотел, чтобы ты меня проводила. Буквально. Мне понадобится время, чтобы привыкнуть к дому.

И он протягивает мне руку. Похоже, что перемирие достигнуто.

Ещё раз показав ванную комнату и спальню, без единого намёка на продолжение знакомства, я спокойно отправляюсь к себе. Всё-таки, это будет очень долгий путь домой.

КИРАМ

После весьма познавательной беседы с собственной бейгали, наконец, остаюсь один. Хочется броситься на кровать прямо в одежде, но я всё же отправляюсь в душ. Ванная комната в точности повторяет ту, что осталась в отцовском доме, все вещи на своих местах. Так что проблем не возникает, делаю всё по инерции. Стоя под прохладным потоком воды, и потом, лёжа в кровати, размышляю о прошедшем дне и о своей помощнице. Казалось, от усталости меня вырубит на поллёте к подушке, но нет. Мысли бегут и бегут по кругу. Прокручиваю в голове все события последнего дня зимы. Улыбаюсь, вспомнив какие-то смешные моменты, особенно пространную речь Джавада, когда он понял, что лопнула покрывалка. Немного ностальгирую над тем, что больше не вер-

нуть к родителям, но быстро отбрасываю это чувство, пройденный этап. Снова и снова возвращаюсь к Мари. Неужели мечты, правда, порой сбываются? Так хотелось, чтобы в моём доме жила девушка из внешнего мира, и вот, пожалуйста. Мне импонирует её прямота и то, что она не скрывает своих намерений вернуться домой. Немного смешит горячность, с которой она доказывала свою профнепригодность в качестве бейгали. Для кого угодно, только не для меня. Это то, что нужно именно мне. Честность, отсутствие страха, дерзость. Как мило она соврала насчёт цвета волос и глаз. Более чем уверен, что отец, зная мои вкусы, выбрал то, что придётся мне по душе. Странно только, что она настолько старше. Но, полагаю, в этом тоже заложен некий смысл – она достаточно опытная и рассудительная, из неё должен выйти неплохой помощник. И очень сомневаюсь, что Мари девственница. Что мне, в общем-то, тоже только на руку – с раскрепощённой девушкой в постели куда как интереснее, чем с зажатой и целомудренной. Чего меня лишила Арана, так это предрассудков. Пытаюсь представить, как она выглядит. Судя по хрупкой ладошке, девочка стройная, да и ростом едва достаёт мне до плеча. Немного напрягает, что девушка похищена, наверное, стоит поговорить с отцом об этом. Её будут искать? И что написано в документах, которые он мне дал? Я думал, бейгали придёт в мой дом добровольно, но она стремиться сбежать как можно скорее, и это коробит. То, что она отказалась разделить со мной кровать, тревожит не сильно.

Тем интереснее будет её заполучить. Я вполне могу себе позволить растянуть удовольствие. И сделаю всё, чтобы к оговорённому сроку она не хотела возвращаться в свою Арану. Она не устоит, уверен. Скорее всего, мы действительно сможем съездить и навестить её родственников, но жить Мари будет здесь. А жених – не муж. К тому же за это время он, скорее всего, уже найдёт ей замену, я знаю нравы их страны. Надо обязательно завтра с утра обсудить с ней все нюансы нашего взаимовыгодного сотрудничества. Думаю, не стоит кому-то знать, в какие игры мы здесь играем. Даже друзьям. Пусть для всех Мари будет просто бейгали, приятная компания для томных ночей и не более. На этой мысли мозг, наконец, отключается, и я засыпаю.

МАРИ

Утро начинается бодро – расписание у Кира плотное и подъём весьма ранний. Даже, несмотря на то, что сегодня воскресенье, там значится утренняя тренировка. Стучусь к нему в дверь, чтобы удостовериться, что проснулся. Ответом мне служит тишина. Стучусь несколько громче, с тем же результатом. Чёрт, придется заходить. Кир спит, раскинувшись на кровати, и никак не реагирует ни на мои шаги, ни на свой будильник, жужжащий где-то в ворохе одеял. Слава богу, он хотя бы в белье, иначе вышло бы неудобно. Тихонько трясую его за плечо. И тут же оказываюсь прижата к смятой постели. Что за? Это вовсе не похоже на объятья с целью соблазнить, скорее на бойцовский захват. Кир потихоньку приходит в себя, но отпускать не спешит. Поза, где я лежу, уткнувшись носом в подушку, а он навалился сверху, радует своей откровенностью и не добавляет мне хорошего настроения. К тому же заломленная рука просто космически болит.

– Извини, – говорит хрипло со сна. – Ко мне не стоит подходить неожиданно. Не больно?

– Жить буду, – отвечаю, ужом выворачиваясь из-под мальчишки. На руке похоже останется синяк. – Ну и реакции у тебя... Пора вставать, через час приедет машина на трени-

ровку. И больше так не делай, пожалуйста.

– Зайди за мной, когда завтрак будет готов, – говорит Кир мне вслед. – Это только пока я привыкну к расположению комнат, – добавляет с милой улыбкой.

Выхожу за дверь и отправляюсь мастерить завтрак. И, похоже, это будет квест. Готовить я не люблю, потому что не умею. Или не умею потому, что не люблю? В путешествиях я обычно питаюсь в ресторанах и кафе, дома всегда готовили мама и Лиз. В те редкие дни, что мы жили вместе с Алексом, ответственным за завтрак был он, а в остальные приемы пищи мы шли в ресторан или заказывали доставку. Как говорит мой благоверный, «во избежание неприятных последствий». Перед глазами встаёт одно утро. Мы оба только вернулись в Арану из своих поездок, а до этого не виделись две недели. Ночь воссоединения выдалась бурной, но и этого нам было категорически мало. Мы продолжали обниматься на кухне, пока Алекс ваял какие-то чудо-бутерброды. Кидались друг в друга кусочками багета, много смеялись, целовались и вообще вели себя как два подростка. Закончилось всё тем, что завтрак мы ели уже совершенно раздетые. Ну вот, зачем я вспомнила про Алекса? Глаза тут же наполняются слезами, а на душе становится до противного тоскливо. Тряхнув головой, я смаргиваю непрошеные слёзы. Надо постараться выполнить условия нашей с Киrom сделки, это всего лишь работа, а заработная плата за неё – билет домой.

Джахиза говорила, что Кир любит на завтрак яичницу с

беконом. Я сотни раз видела, как делают яичницу, должно получиться. Но это не точно. Яйца не желают разбиваться так, чтобы на сковородку не попала скорлупа. Бекон ожидаемо подгорает. Ну, хоть посолила я вроде нормально. В целом не самый ужасный из моих кулинарных «шедевров». Запустив кофе-машину – эспрессо для Кира и капучино для себя, отправляюсь за своим ниндзя.

Кир уже вышел из душа и с кем-то разговаривает по телефону. Услышав, как открывается дверь, он поворачивается в мою сторону и протягивает руку. Так за руку мы и отправляемся на кухню, а мальчишка продолжает свой разговор. Он говорит по-палерски, так что я ничегошеньки не понимаю, но голос у него приятный, такой мягкий вкрадчивый тембр, которым стоило бы петь песни о любви для малолетних фанаток. Эта мысль снова возвращает меня к Алексу – фанатки по его части, он известный певец и я давно привыкла к стайкам девчонок требующих автограф. Я спотыкаюсь на ровном месте. Нет, я никогда не ревновала его к поклонницам, для этого я слишком самоуверенна. Но сейчас... Мне вдруг приходит в голову, что год – это достаточно долго. Особенно, если я для него буду мертва.

Кир ловит меня до того, как мой нос встретится с холодным белым керамогранитом. Оперативно завершает разговор и спрашивает, всё ли в порядке. Мне требуется время, чтобы осознать вопрос.

– И кто кого тут должен водить и спасать? – выдавливаю,

наконец.

Стараюсь отвлечься, пока накрываю на стол, но назойливая мысль уже прочно поселилась в моей голове: он меня забудет, забудет.

Едим мы молча. Парень никак не комментирует мои навыки повара, а я не спешу извиняться и оправдываться за отвратительную, честно говоря, яичницу. Ибо не за что, я не стремилась оказаться на этой должности. Но когда приступаем к кофе, он предлагает обсудить в деталях наше дальнейшее совместное существование.

– Я вся внимание, – отвечаю, чуть не подавившись горячим напитком, настолько неожиданно прозвучал для меня его голос.

Кир склоняет набок голову, чему-то усмехается.

– В этом доме ты – хозяйка, можешь делать всё по своему вкусу, менять, украшать. Но вся мебель должна всегда оставаться на своих местах, как и мои вещи, – киваю, его мать уже говорила об этом. Меж тем он продолжает. – Всё необходимое можешь оплачивать этой картой, – на стол передо мной ложится золотистый кусочек пластика. – Это, конечно, не безлимит, но в целом можешь ни в чем себе не отказывать. Кстати, отслеживать мобильный банк и докладывать мне о текущих расходах и доходах придётся тоже тебе. По понятным причинам. Если мне что-то понадобится купить, то мне так же нужна будет твоя помощь. Кстати, да, нужны новые боксёрские бинты, закажи, пожалуйста.

– Кир. С этим будут проблемы – я говорить по-палерски не умею, не то чтобы читать, – указываю на очевидный пробел в его плане.

Он запрокидывает голову и натурально рычит. Выглядит... жутко.

– Хорошо, я найду тебе самоучитель. И может кого-то, кто позанимается с тобой.

На этой познавательной ноте нас прерывает сигнал с улицы – подъехал водитель Кира. Парень встаёт и, молча, протягивает мне руку. Намёк понят.

– Сначала зайдём в спальню, мне нужно взять сумку.

С этим он справляется быстро, похоже, каждый сантиметр пространства в комнате выверен и знаком ему досконально. По дороге на улицу парень продолжает меня инструктировать:

– На тренировки я буду ездить с Турабом, это мой водитель. Там мне твоя помощь не нужна. А вот на бои тебе придётся отправляться со мной.

Мы выходим в залитый солнцем двор, где рядом с «моей» чёрной машиной уже припарковался белый внедорожник. Рядом стоит высокий мужчина средних лет, очевидно, это и есть Тураб. Кир что-то говорит ему, и водитель почтительно кивает мне, стараясь не смотреть в мою сторону.

– Здравствуйте, – приветствую мужчину по-палерски. Одно из немногих слов, что я выучила за несколько дней пребывания в стране.

Кир удивленно вскидывает бровь:

– Твой акцент не так уж плох. Я приеду через три часа, будь дома.

Он спокойно садится в машину и та задом выезжает со двора. Автоматические ворота бесшумно закрываются, а я остаюсь в одиночестве. И я вовсе не собираюсь намывать полы, как завещала незабвенная Азра.

Но как же бесит этот командирский тон в исполнении малознакомого мальчишки. Пыхтя от злости, словно закипающий чайник, я убираю в посудомойку тарелки и прочую посуду. Если честно, я специально распяляю себя, лучше уж злиться, чем лить слёзы и страдать. Справившись с посудой, я отправляюсь напрямиком в тренажёрку, выпустить пар на беговой дорожке. Поскольку спортивной одежды для меня никто не предусмотрел, а в длинном платье это делать как минимум опасно, занимаюсь я просто в белье. Всё равно никого нет. А даже если Кир и вернётся не вовремя, то ничего не увидит, не без ехидства думаю я. Закончив упражнения, и, наконец, успокоившись, принимаю душ и отправляюсь в бассейн. Люблю воду. Я бы даже сказала – обожаю. С детства пляж – моё любимое место. И я совершенно не понимаю местных, которые совсем не купаются в океане, раскинувшемся прямо под носом. Вспоминая ласковые волны Кирийского моря, я теряю счёт времени, и возвращение Кира застаёт меня врасплох. Мальчишка останавливается, не дойдя до воды только один шаг.

– Мари? – он стоит и прислушивается, ожидая ответа. И в этот момент мне становится так жалко парня, вынужденного зависеть от других по воле злого рока.

– Я здесь, плаваю, – откликаюсь чуть дрогнувшим голо-
сом.

Кир снимает чёрную плотную рубашку, аккуратно складывает её на краю бассейна, не менее щепетильно относится к таким же чёрным брюкам. Алекс просто раскидал бы всё в разные стороны и нырнул. Что это, врождённая педантичность или вынужденная манера поведения, вызванная необходимостью находить всё на ощупь? Кир не ныряет с борта, как делает большинство парней, а аккуратно спускается по лестнице. И я задумываюсь, как же это тяжело, вот так контролировать каждый свой шаг, не иметь возможности подурчиться. А ведь он всего лишь мальчишка, которому по возрасту положено совершать сумасбродные поступки, двигаться резко и быстро. Впрочем, долго думать он мне не даёт. Кир, подплыв близко ко мне, встаёт напротив и протягивает руку. Прозрачная вода совсем не скрывает, какие желания испытывает сейчас мальчик, и все мои сожаления смывает волной опасений.

– Сыграй со мной.

– Во что? – уточняю насторожённо прежде, чем подать руку.

– В «доплыви до борта», – с улыбкой отзывается он. – Я не знаю размеров бассейна, а стукнуться с размаху головой

не хотелось бы.

– Я могу просто сказать тебе, когда остановиться, – не спешу доверять человеку, весьма явно настроенному на более близкое знакомство.

– Я могу не услышать, или не сразу отреагировать, – спокойно объясняет Кир. Не нападает, что даёт надежду и на дальнейшее адекватное поведение.

– Ну, давай попробуем, – решаюсь я.

Мы проплываем туда и обратно, держась за руки, затем он меня отпускает, не предприняв ни единой попытки склонить к интиму. Пока Кирам плещется как дельфин, я считаю за лучшее покинуть бассейн и переодеться в сухое. Впереди ещё ждёт нелёгкий разговор.

КИРАМ

Жутко не хочется ехать на тренировку, а вместо этого остаться с Мари. Познакомиться получше. Узнать о ней как можно больше. Но нельзя терять форму – бои пока что мой единственный источник дохода. Отец, конечно, обещал начать вводить меня в курс дел в своей корпорации, но рассчитывать только на милость родителя я не собираюсь. Да и для приличной оплаты труда мне еще необходимо окончить университет. Отец никого за красивые глаза не держит и сразу предупредил, что работать и получать зарплату буду наравне со всеми. Мари же за завтраком какая-то зажата, не по-

хожа на себя вчерашнюю. Это на неё моё пробуждение так подействовало или есть другие причины? И она не врала, готовить не умеет, это факт, потому что с яичницей справлюсь даже я. Впрочем, не показываю вида, не желая обижать её, ведь старалась же. То, что она не говорит и не умеет читать по-палерски не стало сюрпризом, но я как-то упустил этот момент, рассчитывая скинуть на неё часть забот. Сам дурак. Надеюсь, она быстро учится. Потому что кто-то из нас должен этим заниматься, а я отпадаю.

Проведя положенные два часа в зале, стараюсь как можно скорее сбежать от парней и их поздравлений с прошедшей ночью. Было бы, с чем поздравлять. Но об этом я, само собой, никому не скажу. Вспоминается нежное девичье тело подо мной сегодня утром. Это было дьявольски приятно. Её запах взбудоражил. Так и тянуло поцеловать уже подмятую девушку и воспользоваться столь пикантным положением. Это было бы легко на самом деле, я умею целовать так, что у неё не нашлось бы сил на сопротивление. Ей бы понравилось, знаю точно. Но в то же время мне дико стыдно – ударить женщину, как я дошел до жизни такой? Хорошо, я её не ударил, конечно, но боль причинил. Надо как-то научиться контролировать свои рефлексy к тому времени, когда она будет оставаться на ночь со мной. В том, что будет, я не сомневаюсь. За такими размышлениями путь домой пролетает незаметно. Да и не такой уж большой наш городок, всё находится не больше, чем в пятнадцати минутах езды от

центра. Попрощавшись с Турабом, я захожу в риад и слышу плеск воды. Кажется, моя девочка в бассейне. Окликаю её, и она отзывается, действительно из бассейна. Стоит представить, в каком виде находится в воде Мари, желание нырнуть накрывает меня. И просто желание. Нырять, правда, не стоит, бассейн мелкий, они в риадах все такие. Интересно, она заметила, как сильно я хочу... поплавать? Надеюсь, что да. Мне скрывать нечего. Ты ведь именно для этого здесь, солнце, чтобы быть моей. Привыкай. Судя по дыханию, всё она заметила и опасается. Не спешит соглашаться на мою просьбу. Хорошо, я не буду давить. Дам тебе время. Всё, что мне позволено сегодня, лишь подержаться за руку. Мари сбегает со спринтерской скоростью.

МАРИ

Сбежав от Кира, рассматриваю свой скудный гардероб. Пять пёстрых закрытых и длинных платьев словно насмеются надо мной. И ни одно из них по-настоящему мне не идёт. Нижнее бельё фасона «прощай молодость» тоже не вызывает воодушевления. Интересно, можно впасть в депрессию от отсутствия комфортной и красивой одежды? Во всяком случае, это была бы уважительная причина. Со вздохом надеваю первое попавшееся платье и отправляюсь готовить обед. Кир окликает меня от бассейна, просит помочь сориентироваться и отправляется к себе после того, как я выдаю ему большое мягкое полотенце. Я же иду навстречу своему кошмару. Здравствуй, кухня.

Кажется, что готовка занимает вечность, но, в конце концов, и эта пытка окончена. Результат, конечно, еще предстоит съесть и выжить. Рис переварен, мясо жёсткое и выбранные приправы вовсе не скрывают весь ужас положения.

Сервируя стол, размышляю о родителях Кирама, может они ненавидят своего ребёнка? Хотят отравить его моими руками? Да и выбор нарядов говорит о том, что долгой и счастливой личной жизни они ему не желают. Усмехаюсь и собираюсь идти звать мальчишку к столу, но чуть не полу-

чаю сердечный удар, когда оборачиваюсь. Он уже стоит у меня за спиной. Как же бесшумно мальчик умеет двигаться, я совершенно не заметила его появления.

– Ты меня напугал, – выдыхаю где-то в районе его груди. Отойти мне некуда – сзади дубовый стол, справа и слева от меня тяжёлые кованые стулья. А он стоит слишком близко, чтобы я чувствовала себя комфортно. – Дай пройти, пожалуйста, я принесу рис.

Мерзавец стоит, не шелохнувшись, и как будто принимает ко мне. Не прикасается, но я каждым сантиметром кожи ощущаю близость хищника, способного сломать меня. Главное, не показать свой страх. Так ведь советуют обращаться с дикими зверями? А он сейчас как раз и напоминает насторожённого волка.

– Кир, – повторяю громче. – Дай мне пройти.

Он нехотя делает шаг в сторону, ждёт, пока я отойду, и садится за стол. Мы снова неловко молчим во время еды. По лицу его не скажешь, что предложенное блюдо годится на корм разве что свиньям. Не волкам. Кофе с восточными сладостями ощущается как блаженство, после всего, приготовленного мной. Наконец Кир прерывает затянувшееся молчание:

– Я сегодня поговорил с другом. Его жена знает аранский. Она придёт вечером, будет учить тебя языку. Покажет основные интернет-магазины. Ещё, думаю, тебе стоит поинтересоваться у нее, насчет кухарки, где её лучше найти. Готов-

ка отнимает у тебя много времени, на неделе его не будет.

Хмыкаю, так деликатно на мои таланты пока ни разу не намекали. Обычно люди говорят прямо: Мари не порти продукты, что они тебе сделали? Парень меж тем продолжает:

– У тебя, я так понимаю, совсем нет вещей, закажи всё, что нужно, сегодня. И про бинты не забудь. Вечером я встречаюсь с друзьями, так что не буду вам мешать. И, да, не говори никому, что не спишь со мной. Люди не поймут, – Кирам выжидает моей реакции, склонив голову. А мне, по сути, без разницы, что обо мне подумают совершенно посторонние люди, так что я соглашаюсь, и он расслабляется.

Воспользовавшись возникшей паузой, я набираюсь храбрости, и выдаю свою просьбу:

– Кир, я хочу знать, что происходит на родине. Мне нужен доступ в мировую сеть. Уверена, он у вас есть, раз уж есть возможность выезжать.

Молчание затягивается. Видимо, думает, как меня отшить повежливей. Я, затаив дыхание, жду, только скажи «да»!

– Это невозможно, Мари, – всё-таки снисходит до ответа.

– Почему?

– Ты не сможешь удержаться и не связаться со своими близкими, а это быстро вычислят и у нас с тобой будут проблемы. После такого не то, что тебя, меня из страны не выпустят.

– Я похожа на идиотку, Кир? Ради шанса вернуться до-

мой я на многое готова! – запальчиво выкрикиваю ему в лицо. Немного успокоившись, продолжаю. – Я всего лишь хочу быть в курсе новостей...

Закрыв ладонями лицо, тяжело вздыхаю. Вся эта ситуация выводит из себя. Кир, сидящий напротив, протягивает через стол руку и проводит по моим волосам, видимо, желая успокоить. Я же напротив моментально напрягаюсь.

– Хорошо, я дам тебе доступ, только не наделай глупостей, – он сглатывает. – Ты не представляешь, как у нас наказывают за такие проступки женщин.

– Так расскажи мне. Чтобы меньше было соблазна.

Замявшись, мальчишка выдаёт мне нелицеприятную правду. Надеюсь, что правду.

– Тебя, конечно, не закидают камнями, как в старину. Но могут обязать меня наказать тебя. И проследят, как я выполнил наказание, Мари. Обычно это розги. И из статуса бейгали тебя могут перевести в рабыни. Боюсь, тебе не понравится.

Мне уже не понравилось! Здесь есть рабство? Хотя о чем я, и свободные-то женщины здесь практически приравнены к рабыням. Как много еще мерзких тайн скрывается за этими красивыми заборами? Но мой журналистский ум требует критически подходить к любой поступившей информации – дели на два:

– Ты когда-нибудь видел такое наказание? Может это всего лишь страшилки, чтобы женщины были покорнее? – спра-

шиваю с отвращением.

– Нет, Мари. Не страшилки. Мой двоюродный дед собственноручно высек розгами свою жену. После этого у неё отказали почки, долго она не прожила, – он выглядит так, словно рассказывает о погоде, словно всё, о чём он говорит норма.

– И за какие же грехи? – в шоке выпаливаю я.

– Она изменила ему. С соседом, – как говорит один из моих самых любимых киноперсонажей, забавно до дрожи.

– И это законно?! – не могу не возмутиться порядками этой чёртовой страны.

– Что? Изменять? – с насмешкой спрашивает Кир. Но потом всё же отвечает. – Наказание назначает суд старейшин, а муж обязан выполнить. Да, это вполне законно.

Я сижу, как рыба, открывая рот. Во что я, дьявол побери, вляпалась? Вернусь домой, и всегда-всегда буду прислушиваться к мнению Алекса, он же предупреждал! Кир накрывает мою ладонь своей, а я настолько поглощена своими мыслями, что забываю отдёргнуть руку.

– Дай угадаю, соседу за то же самое преступление ничего не было, – горько усмехаюсь.

– Давай не будем о плохом. Мы со всем справимся, просто будь благоразумной. Только новости, музыка и кино, хорошо? – он поглаживает мою ладонь пальцами, и прикосновение становится слишком интимным. Спешу убрать руку, вызывая у него очередную усмешку.

– Хорошо.

– Пойдём ко мне в комнату, – вставая, говорит парень. И я снова напрягаюсь. После всех разговоров про измены, розги и рабство звучит угрожающе. Но он, кажется, абсолютно не замечает моих терзаний и уходит к себе. Как быстро он привыкает к пространству. Следую за Кирамом, обдумывая пути отступления на всякий случай. Он меня не видит и это преимущество, которым в случае чего я непременно воспользуюсь. Когда я захожу в логово зверя, Кир стоит ко мне спиной, рукой перебирая что-то в небольшой чёрной коробке.

– Иди, посмотри, – бросает мне через плечо.

В коробке лежат планшет, очки, микрофон и крошечный наушник. Не доумеваю, к чему мне этот шпионский набор. Но Кир рассеивает моё неведение.

– С завтрашнего дня я приступаю к работе в офисе. Незнакомое место, мебель, углы, люди и всё такое. В очках камера, она будет передавать тебе на планшет изображение, а ты по мере необходимости будешь координировать мои действия.

Не удержавшись, фыркаю. Бондиана какая-то.

– Давай потренируемся, – не замечая моего скептицизма, говорит мальчишка.

Вставляет наушник. Под волосами, достаточно длинными, он совершенно неразличим. Затем надевает очки, а мне протягивает планшет и микрофон. Когда картинка загружается, я вижу на экране себя.

– Давай, – отвечаю уже с интересом. По всему выходит,

эта игрушка в режиме живого времени станет моим увлечением на ближайший год.

Кир меж тем разворачивается и идёт в сторону кровати.

– Стой, кровать, – говорю в последнюю секунду. У него отменная реакция, он замирает, даже ещё не дослушав меня.

– Озвучивай всё, что видишь на экране, пожалуйста.

Он разворачивается и направляется в ванную комнату, где подходит к раковине. Я комментирую все его действия и окружающие предметы. Наблюдаю, как он, не задумываясь, берет мыло и так же легко возвращает его на место, намылив руки. Все движения отточены, и выглядят легко, как у зрячего. Кир возвращается в комнату.

– Там всё будет мне незнакомо, каждый предмет вне зоны досягаемости. Давай ты сейчас переставишь всё в ванной, и мы потренируемся ещё? А потом походим по дому.

И битый час я учусь управлять своим симпатичным аватаром. Надо отдать ему должное, это оказывается легко, настолько уверенно он владеет своим телом.

– Кир, неужели тебе не претит настолько близко впускать кого-то в свою жизнь? Я совершенно посторонний человек, а буду рядом с тобой постоянно.

– Ты даже не представляешь, насколько близко, – усмеяется в ответ. – Тебе придётся посещать со мной мужскую уборную.

– Нет! – выдаю тут же.

– Да, – без всякого стеснения парирует он. – Не пережи-

вай, в самых интимных моментах я буду отключать связь. Но это общественные туалеты, не хотелось бы зайти туда, где уже занято. И, нет, мне не претит впускать тебя настолько близко в мою жизнь. Ты здесь именно для этого, – что ж, логично. Похоже, с этим придётся смириться.

– Надеюсь, к концу года мы с тобой не срастёмся плавниками, – шучу не так уж и весело.

– Да ладно, это будет забавно, – бросает он. И выпроваживает меня из комнаты под предлогом, что ему надо собраться на встречу с друзьями. Чему я только рада.

КИРАМ

Оставшись один, размышляю о реакции бейгали на мой рассказ о наказаниях, принятых в Палере. Отвращение. И вызов. Не страх, что было бы логичным. Совершенно точно она не укладывается в рамки моего мира. Испытываю лёгкую тревогу – моя девочка довольно легко может подставиться, даже не осознавая этого. Но я не собираюсь выпускать Мари из вида, так что, думаю проблем быть не должно. Я понимаю, что она жила совершенно иной жизнью и хочу облегчить ей привыкание к реальности Палеры, надо прикинуть, как можно помочь в этом. Наверное, стоит созвониться с Мэй, может она что дельное посоветует.

Пока принимаю душ, обдумываю, не поторопился ли я, разрешив Мари доступ в сеть. Это, правда, опасно. С другой

стороны, необдуманными действиями она навечно привяжет себя ко мне. Я в выигрыше в любом случае. Вспоминаю её голос и мягкость волос под моей ладонью, бархатистую кожу. Тело обжигает острым желанием близости. Хорошо, что я в душе и эту проблему легко решить самостоятельно. Представляю, как она входит в кабину, прижимается ко мне обнажённой грудью и шепчет: «Я хочу тебя». Вспоминаю божественный запах её тела и почти чувствую его здесь, в ванной. Там на кухне я, как маньяк, не мог надыхаться своей жертвой. Кажется, она немного напугалась, но быстро смогла взять себя в руки. Храбрая малышка. Не бойся, моя девочка, тебе понравится. Да. Кончаю с глухим стоном. С ней хорошо даже в воображении, что же будет, когда моя крепость сдастся на милость победителя? Делаю ставку, что она станет моей уже к исходу марта.

Джавад должен скоро приехать за мной и заодно привезти Дину. Пока одеваюсь, всё же немного хмурюсь, думая о том, что именно она хочет найти в сети. Уж вряд ли новости мировой политики. Скорее всего, информацию о родителях и женихе. Впервые мысль об этом ублюдке немного кольнула моё сознание. Нет, это не ревность, просто нежелание отдавать своё. Как-то глупо получается, не могу поймать собственную бейгали из-за того, что она мечтает о каком-то постороннем мужике. Любой другой мужчина моей страны не потерпел бы подобного отношения и показал бы женщине её место. Но я на её счастье слишком много времени провёл за

границей, и слишком много общался с Мэй. Я потерплю, но приучу Мари к себе так, что она сама не захочет никуда никогда уходить. Не из боязни, а просто зная, что лучше, чем со мной, ей нигде и ни с кем не будет. Да, эту девочку надо приручить, мне нужен друг, а не просто секс.

МАРИ

Чёрт, ещё же надо навести порядок на кухне. Еле успеваю закончить к тому моменту, когда появляются друг Кирама с миниатюрной девушкой, укутанной с головы до пят в бежевый шёлк. Я не слышала, как они подъехали, и когда вышла в холл, очень удивилась гостям – не ждала так рано. Парень, такой же молодой как Кир, и чем-то на него неуловимо похожий, старательно отводит глаза, словно я голая. Это могло бы быть смешно, если б не было так грустно, господа. На мне глухое платье от шеи до пят, но непокрыты волосы и лицо – и вот я уже почти обнажена. Кир стоит рядом со своим другом и хмурится, но ничего не говорит мне. Зато говорит что-то ему и его спутнице, на своём языке. Это несколько задевает – больше двух, говорят вслух, разве не так? Девушка подходит ближе, Кирам меж тем отмирает и обращается уже ко мне:

– Мари, это Дина. Жена моего друга, Джавада. Думаю, вы найдёте, о чём поговорить. Буду поздно, не жди меня.

С этими словами парни ретируются, а я еле сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть. Как будто я собиралась его ждать. Как только они скрываются из вида, девчужка сбрасывает своё одеяние и остаётся пусть в длинном, до пола, но вполне современном и стильном платье. Что, так можно было? Это

только для меня подобрали костюм стареющей цыганки? Не могу удержать завистливый взгляд, заметив который, Дина мило улыбается.

– Покажешь риад? – спрашивает она.

– Да, конечно.

И я в очередной раз провожу экскурсию по дому, за исключением личных помещений. В конце концов, мы оседаем на кухне, дабы не бегать далеко за кофе и сладостями. Поначалу наша беседа не особо клеится, Дина стесняется, а я несколько не в духе. Но девушка кажется очень милой и нежной. Мы начинаем обсуждать палерский язык, она переводит для меня самые простые и необходимые слова, а я старательно записываю всё на планшет. Язык невероятно сложный, несравним ни с одним, из тех, что я знаю, и взрывает мне мозг. Особенно алфавит. Но красивый, этого я не могу не признать. Не зря в этих краях придумали столько волшебных сказок. Палерский звучит так, что на нём даже энциклопедия по микробиологии будет похожа на поэтичную сагу. Где-то через час голова уже пухнет от обилия информации, а рот вот-вот слипнется от сладкого. Впрочем, из других доступных продуктов у нас только овощи и фрукты, которые я и предлагаю Дине. Задаю ей, наконец, сакраментальный вопрос:

– Неужели у вас нет доставки из какого-нибудь ресторана? Мы с Киром просто умрём с голода рано или поздно – кулинар из меня отвратительный.

Девушка хихикает над моей прямотой, но отрицательно качает головой.

– В столице есть, конечно, но у нас город маленький и так не принято. По обычаю, женщина сама готовит для своего мужчины.

Мне хочется постучаться головой об стол. Мы все умрём. Не от голода, так от моей стряпни.

– Но можно же нанять повара, если случай совсем безнадёжный? Как у меня.

– Боюсь, это тоже не принято. Ты не переживай, через год Кир женится и его жена будет готовить, – утешает меня Дина, поглаживая по плечу.

Да что же так не везёт-то? Мне ничего не остаётся, как перевести тему, и я сворачиваю её на покупки через интернет. С этим, к счастью, в Палере проще. Интернет-магазины существуют и даже возможна доставка в наш крошечный, забытый богом уголок. Ещё пару часов мы проводим в этих самых магазинах, заказывая мне всё – от зубной щётки до кроссовок. Десяток симпатичных повседневных платьев, одежда для занятий спортом, всё это я выбираю довольно быстро. Немного спорим, когда доходим до нижнего белья. То, что предлагает Дина, очень откровенно, сексуально, безумно красиво, но не очень комфортно. Я с радостью покрасовалась бы в чём-то подобном перед Алексом, но на каждый день – увольте. Поэтому мой выбор падает на простые спортивные модели, на что девушка смотрит неодоб-

рительно и все же добавляет в корзину парочку развратных комплектов.

– То, что Кирам не увидит их, не значит, что не почувствует на ощупь! – добивает меня это развратное создание, маскирующееся под ангела. Я не спорю. О том, что между нами ничего нет, мы с Киром договорились не распространяться.

То же самое происходит и с обувью. Она настойчиво показывает мне туфли на безумном каблуке, увещевая, что так мои ноги станут ещё длиннее и мне будет удобнее целовать моего довольно высокого мужчину. Я уже готова рычать, но сдерживаюсь пока, понимая, что она хочет как лучше. Аргументирую свой отказ тем, что длину моих ног он всё равно не увидит, в туфлях или без оных, а целоваться удобнее в горизонтальной плоскости, чем отвоёвываю своё право на несколько пар кроссовок и простых сандалий. И одни смертоубийственные лодочки, конечно.

Дина предлагает посмотреть вечерние наряды и украшения, но я решительно отказываюсь, сил на это уже не осталось.

– А зачем в Палере вечерние платья и украшения? – не сдерживаю любопытство. – Вы же всё время в закрытых одеждах?

Дина смеётся над моим недоумением.

– Но мы-то знаем, ЧТО под паранджой, – объясняет она. И до меня, наконец, доходит. Это как у нас с нижним бельём:

никто, конечно, не увидит, но само осознание, что на тебе надето кружевное чудо, придаёт уверенности.

– Это аргумент, – не могу не согласиться.

– И потом, когда твой мужчина, снимает с тебя верхнее платье, этот восторг в его глазах, он дурманит, – добавляет девочка-незабудка. – Тебе, конечно, не так актуально из-за Кирама, ну, ты понимаешь. Но для себя ведь тоже хорошо знать, что ты красиво одета.

И я, само собой, снова с ней соглашаюсь. Не насчет Кирама, восторга в глазах и всего такого, а насчет осознания собственной красоты. Договариваемся с Диной купить мне что-то сногшибательное в следующий раз. Чуть не забываем про бинты для мальчишки. Посмеиваясь, выбираем те, на которых написано «секс-инструктор».

Я сохраняю все использованные страницы в закладки, делаю для себя пометки, как пишутся те или иные необходимые слова. Хорошо хоть цифры в Палере такие же, как у нас, не запутаюсь с ценами. К сожалению, возможности заказать продукты онлайн в этом райском местечке тоже нет. А это значит, что уже завтра мне предстоит поход в магазин.

Под конец вечера мы уже болтаем с Диной как старые подруги и мне впервые с момента похищения легко и беззаботно. Это очень светлая девочка.

– Мне бы хотелось, чтобы мы стали подругами, – искренне улыбаюсь ей. А она обнимает меня в ответ и шепчет: «Конечно».

Ближе к девяти вечера Дина вызывает водителя и уезжает домой, я же отправляюсь в душ. Долго ворочаюсь в кровати, не в силах заснуть. Но усталость всё-таки берёт верх и мне снится Алекс. Он обнимает и нежно шепчет, что ждёт меня. Слезы текут по моим щекам. Потом лицо Алекса размывается, он исчезает, и я исчезаю вместе с ним.

КИРАМ

С Джавадом я дружу, сколько себя помню. Неплохо знаю его жену – она милая и не станет чинить козней моей девочке. Поэтому со спокойной душой отправляюсь навстречу развлечениям. Мы едем в новый клуб, который так рекламировал вчера Иса. Брат говорит, что парни уже там. Мы находим ребят в кальянной, и атмосфера дружеских посиделок полностью захватывает меня. Мы долго веселимся, танцуем, мужики играют в бильярд. Но ближе к ночи, после пятого или шестого кальяна меня уже тянет домой, и я прошу Джавада о поездке.

– Что, стал домашним птенчиком, Кирам? – ехидно интересуется Рашид. – Смотри не превратись в нудного подкаблучника, – он смеётся довольный своей шуткой. Несмотря на всю его язвительность, он хороший друг, надёжный, поэтому просто не обращаю на него внимания, как обычно.

– Никогда, – смеюсь в ответ. – Просто завтра рано вставать и денёк обещает быть жарким. Знаешь же моего отца, он не

потерпит опозданий, и если я буду на работе клевать носом.

– Так и скажи, что сбегашь к своей северной красотке, – ухмыляется тот, не давая провести себя. Быстро же распространяются сплетни. – Только вот говорят, что северные женщины холодные как ледышки. Или врут?

Паршивец замолкает и я слышу, что уже все парни прислушиваются к нашему диалогу. Собственно, с палерскими женщинами я как раз дела никогда не имел, так что сравнивать не могу, но вот то, что про аранок безбожно врут, могу поклясться на священной книге. И я уверен, что Мари весьма и весьма горяча в постели, это чувствуется в каждом её движении.

– Тебе даже и не снилось, Рашид, тебе даже и не снилось... – моя улыбка не менее ехидна, чем его, я уверен. Поставив на место друга, ухожу из клуба, и Джавад подбрасывает меня до дома.

В машине он всё же не выдерживает:

– Что, правда огонь-девочка? – интересуется как бы невзначай. – Она конечно красивая у тебя. Прости, брат, не хотел смотреть, она просто неожиданно появилась. – Тут же извиняется друг.

А я открываю в себе совершенно новую черту. Мне нравится стиль жизни Араны, там много открытости, несмотря на холодный климат. И я никогда не понимал жажды наших мужчин спрятать женщину за семью замками, показывать только самым близким друзьям, как редкий бриллиант.

Но сейчас осознаю, что в этом плане я стопроцентный пале-
рец. Бесит тот факт, что Джавад, мой названный брат, кото-
рому я доверяю как себе, видел мою девочку и оценивал её.
В то время как я сам её увидеть не могу. Но я беру себя в
руки и отвечаю ему абсолютно спокойно:

– Она – мечта.

МАРИ

Новое утро не приносит облегчения. Может завести адвент-календарь и вычёркивать дни в ожидании праздника? Да только вот конкретной даты у меня нет. Все расплывчато и туманно. Так или иначе, надо идти и зарабатывать своё право на этот самый праздник. Нехотя выбираюсь из кровати, выключаю противный будильник и спешу навстречу новому дню. На этот раз Кир уже на ногах и весьма бодр. Съедает на завтрак бутерброд и, что-то мне подсказывает, ему он рад куда больше, нежели своей любимой яичнице в моём исполнении. Он как всегда не особо разговорчив, тем не менее, интересуется, как прошла встреча с Диной. Радует, что он вполне удовлетворяется коротким «всё окей». Чувствуется, что мальчишка напряжён, видимо переживает из-за первого дня на работе. Но я ему не мамочка и не жена, чтобы успокаивать, поэтому, молча, пью свой кофе. Надо не забыть сегодня купить зелёный чай, кофе скоро из ушей ползет. И побольше сыра, ветчины, хлеба и овощей. Это должно спасти нас от отравления. Жаль, на смену ему придёт гастрит, но из двух зол выбирают меньшее.

Кир переодевается в строгий костюм, который чертовски ему идет, и просит меня завязать галстук. Что-что, а это я

умею. Завязываю свой любимый узел и, поправив воротничок рубашки, с иронией говорю:

– Ну, вот мой малыш и готов к взрослой жизни.

Он тут же наклоняется к моему лицу и выдыхает на ухо, так что у меня бегут по позвоночнику мурашки:

– Не называй меня так никогда, – парень отстраняется, но говорит всё тем же голосом с лёгкой хрипотцой. – Иначе придется показать тебе, насколько я уже взрослый.

Я сглатываю. Вот только не надо мне угрожать.

– Взрослый, так взрослый, Кир. Не надо со мной играть в эти игры, я не поведусь, – в этом я уверена, до Алекса ему ой как далеко. Так что остынь, малыш, тебе сначала стоит подрасти.

Парень ничего не отвечает, но хитрая улыбка говорит о том, что он намерен и дальше придерживаться выбранной тактики. Да и чёрт с ним, лишь бы руки не распускал.

Вскоре приезжает машина и Кир отчаливает в офис, я же включаю планшет и жду начала увлекательного шоу. На деле всё оказывается довольно тоскливо. Кир знакомится с какими-то мужчинами, говорят по-палерски, от чего видео становится с каждой минутой всё скучнее. Находясь в своём кабинете, слушает через голосовой помощник какие-то документы. Пару раз отправляется в туалет, но, слава богу, быстро отключает меня от трансляции. Иногда в течение дня я не выдерживаю и выдаю довольно едкие комментарии, всему происходящему, на что он только хмыкает. В обеденный

перерыв я завидую ему чёрной завистью – у человека нормальная горячая еда, а я давлюсь остатками рахат-лукума. Пока Кирам добирается в ресторан и обратно в офис в компании отца, он меня отключает. И это прекрасно, игрушка оказалась вовсе не такой захватывающей, как рекламировали. Ближе к концу обеденного перерыва раздаётся звонок в дверь. Быстро выбегаю к воротам, ожидая увидеть Дину. Но это не она, а какой-то парнишка, глядящий на меня широченными глазами. А, точно, забыла надеть дурацкий никаб. Надо привыкать, пока меня не приговорили к розгам за нарушение традиций и бла-бла-бла. Всё же справившись со своими эмоциями, мальчик отводит взгляд и вручает мне большой бумажный пакет. Он горячий и ароматный. Пока я разглядываю пакет, парнишки уже и след простыл. Тем лучше. Возвращаюсь в дом и планирую предаться греху чревоугодия. Наслаждаясь нежнейшим фалафелем и тушёной бараниной, в приступе довольства и жизнелюбия прощаю Киру его утренний демарш. Вскоре возобновляется шоу «Из жизни офисного планктона» и первое, что я говорю мальчишке – это «спасибо». Он один в своем кабинете, поэтому просто отвечает мне: «Не за что». Потом добавляет:

– Я договорился в ресторане, еду будут доставлять два раза в день, обед и ужин.

Да это же чудесные новости. На радостях заранее прощаю ему три косяка. Нет, всё же два. Он же не только для меня старается, но и себя избавляет от страшных неминуемых бед.

Ещё пару часов помогаю Киру находить своё место в пространстве и рабочий день, удивительно короткий в Палере, неминуемо подходит к концу. Аллилуйя. Кирам сообщает, что сразу с работы поедет на тренировку, а это значит, что до вечера я свободна. Решаю провести время с пользой и съездить в магазин, запастись «долгопортящимися» продуктами и чем-то, что подойдёт для перекуса в течение дня. Поездка проходит быстро и без происшествий, купив всё необходимое, я осмеливаюсь доехать до побережья. Это же глупо, жить на берегу океана и даже не видеть его. Как только я поворачиваю в противоположную от дома сторону, раздаётся звонок. Естественно это Кир. Собственно, в моём телефоне только два контакта – он и теперь ещё Дина.

– Куда ты едешь? – мальчишка даже не планирует скрывать, что либо в машине, либо в телефоне есть датчики, отслеживающие мои передвижения. Скорее всего, и там, и там.

– А куда ты хочешь, чтобы я ехала?

Он не улавливает сарказма в моем голосе и отвечает: «Домой». У меня в голове мелькает сотня ехидных ответов, но нам надо ужиться вместе, поэтому отбрасываю их. Включаю режим хорошей девочки и объясняю, что всего лишь хотела прогуляться по пляжу. Кир отключается, а я с чистой совестью еду дальше. Не успеваю припарковаться на стоянке рядом с пляжем, как рядом с визгом тормозов встаёт знакомая белая машина. Он это серьёзно? С пассажирского сиденья выпрыгивает Кирам. Сложив руки на груди, он ждёт, пока я

выйду, и выглядит крайне недовольным. Я испускаю самый жалобный стон, на какой только способна, и покидаю прохладный салон.

– Ты решил составить мне компанию? – косить под дурочку удаётся с трудом. Гораздо больше хочется высказать всё, что я думаю о слежке и контроле.

– Мы едем домой, – огрызается в ответ. Нет, так не пойдёт, я уже настроилась на прогулку.

– Обязательно, как только погуляем, – продавливаю свое решение. – Что кстати с тренировкой? Отменилась?

Почти слышу, как он скрипит зубами, но отвечает спокойно:

– Вроде того. Тебе нельзя гулять одной.

– Конкретно мне или женщинам в принципе? – не могу не уточнить.

– Женщинам в принципе, – охотно соглашается он.

– В магазин можно, а на пляж нельзя? – все ещё пытаюсь найти логику в законах страны.

– Именно так. Либо со своим мужчиной, либо с другими женщинами, но не одной.

– Заранее надо предупреждать, – бурчу недовольно. Но затем возвращаюсь к нашим баранам. – Раз уж так замечательно совпало, что твоя тренировка отменена, а ты мой мужчина, то мы идём гулять!

Не дожидаясь отрицательного ответа, хватаю Кира за руку и тащу на пляж. Почему в этой стране все так не любят

прогулки и свежий морской бриз? Пройдя несколько шагов по инерции, парень останавливается как вкопанный. Но руку мою не отпускает. Притягивает меня ближе и говорит еле слышно:

– Раз уж так замечательно совпало, что я твой мужчина и тренировка отменена, нам, пожалуй, лучше отправиться домой. И заняться тем, чем занимаются мужчина и женщина, оставшись наедине.

Опций не так много на самом деле: ударить коленом по самому сокровенному, проигнорировать или свести всё в шутку. Первый вариант на самом деле вовсе не вариант, только ухудшит ситуацию. После секундного замешательства выбираю последний:

– В такой чудесный день смотреть кирийские сериалы? Нет, это без меня.

Но ему, кажется, вовсе не смешно. Я пытаюсь вырвать руку, и ничего не выходит – у мальчишки железная хватка. Начинаю нервничать и рассматривать первый вариант ответа, когда Кирам отпускает мою ладонь.

– Только недолго, – говорит он, медленно направляясь в сторону океана.

Настроение, и без того шаткое, падает ниже уровня моря и бродить по пляжу с этим хамом мне больше совершенно не улыбается. Но и соглашаться на его ультиматум я не собираюсь. Пляж окончательно утратил для меня всю свою прелесть. Поэтому около получаса мы бродим вдоль линии

прибоя, не разговаривая друг с другом и не касаясь. Потом мерный шум моря неизменно успокаивает меня, злость отступает. Я снимаю неудобные балетки и захожу по щиколотку в воду, а волны тут же подхватывают добычу, облизывают моё шёлковое платье, пропитывая солью. Безумно хочется скинуть сковывающий наряд, почувствовать брызги и ветер, нырнуть, уплыть далеко-далеко. Мокрые дорожки бороздят щёки, а я, наконец, понимаю, для чего местным женщинам никаб – чтобы никто не видел слёз. Минут пять спустя, совладав с ними и с голосом, сообщаю Кираму, что готова ехать домой. Мы бредём к машине, всё так же не затрагиваясь друг до друга, Кир подстраивается под мои шаги. Поездка до риادا проходит в гнетущей тишине.

КИРАМ

Я всё ещё продолжаю злиться, когда мы добираемся до дома. На Мари, что уехала без разрешения. На себя, что забыл предупредить её о том, что можно и чего нельзя делать ни в коем случае. На ситуацию в целом, из-за пропущенной тренировки. И на то, что не сдержался на пляже. Она испугалась и явно рассержена, что откатывает наши отношения к исходному состоянию холодного нейтралитета, если не хуже. Чтобы выпустить пар и хоть как-то компенсировать физическую нагрузку, сразу иду в тренажёрный зал. Но больше попусту колочу грушу, чем делаю что-то полезное. Когда,

наконец, выдыхаюсь и отправляюсь в душ, Мари нигде не слышно, видимо заперлась у себя.

Вскоре приходит посыльный из ресторана, приносит ещё горячий ужин. Есть в одиночестве не хочется, да и мир в доме стоит восстановить. Иду за Мари, но останавливаюсь в некотором замешательстве: я не знаю, в какой именно спальне она живёт. Она не показала, а я не стал давить. Стучусь наугад в первую дверь – никакой реакции, во вторую – так же без ответа. Неужели так сложно поговорить со мной? Рассердившись, толкаю дверь ладонью, и она открывается нараспашку. Прислушиваюсь, в комнате явно никого нет. Возвращаюсь к первой двери и снова стучусь. Безрезультатно. Тогда просто открываю и захожу, это же мой дом, имею право. Бесит, что я не могу увидеть, где она. Говорю в пустоту: «Привезли ужин». Слышу, что она здесь, но девчонка не устаивает меня ни единым словом. Определяю, с какой стороны раздаётся еле слышное дыхание, и осторожно подхожу. Коленки упираются в кровать – комната совсем небольшая. Неужели спит? Ещё рано. Склоняюсь над девушкой, легонько провожу пальцем по щеке. Мари резко поднимается, и мы сталкиваемся лбами с громким треском.

– Что ты здесь делаешь?! – возмущается, чем только забавляет меня.

– Я звал тебя ужинать, ты не откликнулась. Зашёл проверить, всё ли в порядке, – спокойствие даётся с трудом. Хочется показать ей, как стоит обращаться со своим мужчиной,

наказать за строптивость. Рядом с бейгали всю мою приобретённую в Аране выдержку и толерантность как волной смывает. А ещё хочется взять то, что моё по праву, прямо сейчас. Подчинить, зацеловать и заставить забыть обо всём. Но это не то, что мне нужно, так я только настрою её против себя. Я же никогда не реагировал так на Мэй, почему с Мари всё иначе? Я рассчитывал для начала просто подружиться с ней, а потом уже соблазнять. Но тело реагирует на неё невыносимо сильно. Мари вызывает просто бурю эмоций, казалось бы, даже ничего не делая для этого. Возможно, дело в том, что сейчас мы не в Аране, а она принадлежит мне по закону. А может, эта девочка просто идеально подходит мне. Впрочем, одно не исключает другое.

– Извини, я музыку слушала, – кается она, словно не замечая одолевающих меня сомнений.

Не удержавшись, забираю из её ладони крошечную каплю и вставляю себе в ухо. Интересно же, что слушает моя девочка. Эту песню я знаю, она из фильма о секретном агенте, Джавад в своё время был в восторге от него. «Я умру не сегодня», тянет не самый приятный женский голос. И я возвращаю наушник хозяйке. Встаю, сообщаю, что жду её на кухне и удаляюсь. Придётся привыкнуть давать ей личное пространство, ведь так делают на её родине?

МАРИ

Встаю и нехотя отправляюсь на переговоры с моим смазливym тюремщиком. Надо как-то донести до мальчишки, что между нами ничего не может быть в горизонтальной плоскости. Слишком явно сейчас читались на лице все его мысли, мне стоило большого труда сохранить беззаботный тон. И надо хотя бы попробовать выторговать себе максимально возможную для этой страны свободу. Он мягко стелет, да боюсь вот – спать будет жестковато. То и дело проглядывают замашки если не матёрого рабовладельца, то, как минимум, любителя тотального контроля. А там и до пятидесяти оттенков известного цвета недалеко. Или мне уже мерещится? В любом случае, надо расставить точки на «Ё». Мы знакомы всего два дня, но его уже так много в моей жизни, что в глазах рябит.

Когда прихожу на кухню, Кирам уже ест прямо из контейнера и рукой, не заморачиваясь поисками посуды. Я знаю, что это одна из местных традиций, сталкивалась уже в ресторанах, куда нас водили в первые дни. Но здесь мы с ним ели столовыми приборами, и в доме Самира мне их тоже принесли. Наблюдать за ним занимательно. Странно, что меня не смущает такой способ приёма пищи – Кир выглядит вполне

органично. Второй контейнер любезно подвигает в мою сторону. Присоединяюсь к трапезе, достав для себя вилку с ножом, но начинать беседу не спешу, поглядывая на него искоса. Вроде успокоился. Может он, когда голодный, неадекватный?

– Сделаешь кофе? – миролюбиво просит парень. Отодвигаю коробку с едой: вкусно, но ни аппетита, ни настроения всё равно нет. Запускаю кофе-машину, для себя включаю чайник. Пока соображаю нам напитки, краем глаза слежу за мальчишкой. Он сосредоточен и угрюм, то есть находится в обычном своём состоянии, насколько я успела его узнать за столь короткий промежуток времени. Когда ставлю перед ним чашку с кофе, не забыв добавить его любимый кардамон, Кир, не поворачивая ко мне головы, говорит:

– Прости. За то, что было на пляже.

Мне не хочется обсуждать эту тему, что было, то было. Но необходимо расставить приоритеты. Я возвращаюсь на своё место, делаю глоток освежающего зелёного чая, прежде чем высказать то, что думаю.

– Кир, объясни, чего ты добиваешься? Ты обещал отпустить меня через год, тогда к чему все эти намёки? Я честно показала тебе ситуацию со своей стороны. Я люблю другого мужчину и не собираюсь ему изменять. Если все твои слова про то, что я смогу уехать – ложь, так и скажи. Но учти, пожалуйста, что по доброй воле я в твою постель не лягу. Если в Палере насилие по отношению к женщине – это норма,

то у нас не так. Я понимаю, что ты молоденький мальчик, у тебя гормоны и всё такое. Ну, потерпи немного! Женишься и оторвёшься по полной. Это всяко лучше, чем спать с женщиной, которая тебя ненавидит! – заканчиваю с жаром.

Он сжимает губы в тонкую линию, а руки в кулаки:

– Нет... Нет, насилие – это не норма у нас. Женщин наоборот защищают и берегут чрезмерно, – он мотает головой, словно стряхивает навязчивые мысли. – И все эти правила, которые раздражают тебя, направлены именно на твою защиту и безопасность. Может ты и права и это всего лишь гормоны. Я постараюсь сдерживаться. Мне не нужен враг в собственном доме, скорее наоборот, хочу, чтобы мы стали друзьями. Я принимаю твоё право на личное пространство. Но взамен прошу соблюдать наши традиции, это сильно поможет в достижении нашей общей цели.

– Хорошо. Это уже больше похоже на честный диалог, – улыбаюсь в ответ. – Тогда расскажи мне побольше об этих самых традициях.

Кир объясняет, куда и как я могу или не могу ходить, в каком виде и какой компании. С кем и как я могу разговаривать, а где должна молчать как рыба. Из всего вышесказанного следует лишь один вывод – ближайший год мне лучше провести в затворничестве. Правда, оказывается, что женщина всё же может показывать лицо и говорить с посторонними мужчинами, при условии, что это официально дозволено хозяином дома и действует только по отношению к кру-

гу ближайших друзей. Под присмотром мужа и господина, разумеется.

– Со временем я познакомлю тебя со своими друзьями и их женщинами. Дина же тебе понравилась?

– Понравилась, – не отпираюсь. Не уточняя, что вовсе не горю желанием вливаться в его жизнь. Я люблю узнавать новых людей. Боже, да у меня знакомых по всему миру больше, чем можно вообразить, а в соцсетях не всегда могу найти нужного человека, потому что его тёзок в моих контактах несколько десятков. Но здесь и сейчас я не хочу ни с кем общаться и дружить. Меня тошнит от Палеры.

– Всё наладится, Мари, ты привыкнешь. Мы привыкнем друг к другу.

– Помнишь, ты просил не называть тебя малышом? – Кир возмущённо выдыхает, очень ранимо относится к своему юному возрасту, смешной. – Так вот, сейчас ты говоришь как старый, потерявший интерес к жизни дед.

И мы вместе смеёмся над этой, в общем-то, несмешной шуткой. Сбрасываем стресс.

– «Мой мужчина» мне понравилось больше, – нагло ухмыляется, отсмеявшись.

– Ты опять начинаешь? – хмурюсь я.

Он выставляет вперед руки в защитном жесте:

– Ни в коем случае. Это просто констатация. Ну, по закону Палеры я же твой мужчина и господин, – он понимает, что зарывается глубже и умолкает.

– Мне кажется, пора спать, – пытаюсь съехать с неудобной темы. – Завтра снова рано вставать.

И мы расходимся по своим комнатам, пожелав друг другу спокойно ночи.

КИРАМ

Хрупкое перемирие достигнуто, но на душе всё равно скребут кошки. И гадать, в чём причина, не имеет смысла – ответ очевиден. «Я не лягу в твою постель по доброй воле» – сказала она. Я снова злюсь. Да чем я хуже? Отмахиваюсь от её слов о любви, это что-то мифическое, из девчачьих сказок. Есть реальная жизнь, а в ней хорошие отношения и забота играют первостепенную роль. Всегда так считал. Меня жутко раздражает, что Мари постоянно упоминает мой возраст, считает мальчишкой. Может я и моложе её, но позаботиться о своей семье могу. И как бы она это не отрицала, мы теперь одна семья. И я знаю, что она действительно не реагирует на меня физически – дыхание её не учащается при моих прикосновениях, если только наоборот испуганно замирает. А хочется, чтобы она загоралась тем же огнём, что сжигает меня при каждом прикосновении. Наверное, ей просто нужно время, чтобы образ того мужика стёрся из памяти. А я просто буду рядом и заменю его, как только это станет возможно. Но ждать адски не хочется. Мысль, что она сейчас в своей кровати думает не обо мне, а о каком-то постороннем

парне, выводит из себя. Надо выяснить, что это за тип. Может как-то дискредитировать его, ускорить процесс забывания?

Не откладывая в долгий ящик, звоню отцу и прошу скинуть мне всё, что у него есть на Мари. Он усмехается, говорит, что я поразительно торможу, если требую эту информацию только сегодня. Но скидывает на почту личное дело. Запускаю голосовой помощник и слушаю красивую сказку на ночь. Она о девочке, что жила у тёплого океана, но уехала в холодную суровую страну, где встретила своего принца и планировала жить долго и счастливо. Выходит, в этой сказке я – злобный дракон. А драконы хорошо охраняют свои сокровища от посторонних. Узнаю о ней всё возможное – от даты рождения, до полного состава семьи. Тут есть и краткая медицинская справка, сообщающая, что моя девочка полностью здорова. Беременна ни разу не была, это радует. Краткий список её передвижений только за последний год впечатляет – семь стран, не считая собственно Араны и Палеры. Не любит сидеть на месте. Ничего, пусть потерпит годик, а там я организую ей путешествие и не одно. Информации о её возлюбленном не так много: Александр Эванс, уроженец Араны, известный музыкант, на год старше Мари. О помолвке они объявили не так давно, буквально несколько месяцев назад, хотя вместе уже четыре года. Да, у них нормально жить вместе до брака, но он странный, такую девушку я тащил бы под венец через неделю знакомства. Кто не успел,

тот опоздал, Эванс. Слушаю парочку его ноющих песенок, противных до зубовного скрежета. На третьей, очевидно записи с какого-то концерта, которая начинается с обращения к слушателям, я не выдерживаю и швыряю со злостью в стену подушку. «Эта песня для тебя, малыш. Люблю безмерно». И дальше следуют слезливые сопли о любви. И вот из-за этого придурка она динамит меня?! Прости, «малыш», но теперь тебе петь буду только я.

Полночи ворочаюсь, продумывая план действий. И когда он окончательно оформляется в моей голове, засыпаю со злорадной улыбкой.

МАРИ

На следующий день за завтраком мы дипломатично обмениваемся ничего не значащими фразами. Напоминаю Киру, что он обещал мне доступ в сеть, но тот утверждает, что пока нельзя, что он обо всём помнит и обязательно организует мне интернет, как только это станет возможно. И с этого момента мы впадаем в рутину престарелой семейной пары, держим нейтралитет и почти не общаемся. Я по-прежнему днём удалённо сопровождаю его в офисе, и понемногу начинаю понимать отдельные слова на палерском, благодаря постоянной практике. По вечерам он обычно уезжает на тренировки, а я предоставлена сама себе. От скуки я, возможно, скоро полюблю уборку. Но это маловероятно, пока есть спортзал и бассейн. К тому же у меня имеется захватывающая книга – палерский букварь с пометками Дины. По воскресеньям Кирам встречается с друзьями, я же мечусь как зверь в клетке по шикарному, но такому чужому дому, разбавляя замкнутое пространство моей новой жизни поездками в ближайший продуктовый. Одна за другой так проходят три недели. За это время я успеваю получить все заказанные вещи, и жизнь становится чуть более комфортной. Тем более дома я, никого не стесняясь, могу ходить в спор-

тивных вещах – гостей у нас не бывает, а Кир не видит, что на мне. Печалит, что вместо купальника приходится использовать бельё – местные купальники больше похожи на водолазные костюмы и не прельщают меня. Но уже через пару таких заплывов я прихожу к выводу, что с тем же успехом могу плавать и нагишом – нет же никого и так удобнее. Пару раз меня навещает Дина, но приходит буквально на два слова – у её маленькой дочки режутся зубки и девушка не хочет надолго оставлять малышку одну. Я же словно нахожусь в анабиозе. Моё существование предельно комфортно и смахивает на отдых в хорошем отеле, но это не моя жизнь. Месячные приходят и уходят, оставляя за собой мысль: не пора ли начинать пить таблетки. Я реально опасаюсь быть изнасилованной в один из дней. Киру я не доверяю ни на йоту – он похож на затаившегося зверя, не верю, что мальчишка так легко отступится. Голова звеняще пуста и это радует. Я знаю, стоит чуть подтолкнуть меня, и я свалюсь в пучину тоски и страданий. Плохой вариант, необходимо сохранять ясное сознание, если хочу выбраться из этой истории с минимальными потерями. Постоянно нахожусь в напряжении. Ощущение, что вот-вот произойдёт что-то плохое, не отступает ни на минуту. Хотя, казалось бы, жизнь стабилизировалась и физически мне никто не угрожает, всё время ощущаю себя под прицелом.

И плохое, конечно, происходит. Как может быть иначе? За окном уже на исходе март, сезон песчаных бурь подходит

к концу, когда Кир приносит мне планшет. Напоминает, что писать, кому бы то ни было, строго запрещено, регистрироваться в соцсетях тоже, и оставляет один на один с гаджетом. Долго не решаюсь загрузить браузер, пальцы противно дрожат, и я не с первого раза попадаю по иконке. Казалось бы, я так долго ждала возможности узнать, как дела у моих родных, а теперь оттягиваю неизбежное, листая новостные каналы. В Давиле энергетический кризис. В Кио приплыли морские крокодилы, чего не случалось уже сто лет. Умер известный актёр. Президент Араны поехал в отпуск. И прочее, прочее, прочее. Нет, так никуда не годится. Надо просто сделать это. Набираю в поисковике свою фамилию. Среди множества ссылок на мои статьи находится лишь одна короткая заметка о том, что известная журналистка пропала без вести в пустыне. Наверное, это должно меня обнадѣжить. Возможно, родные ещё считают меня живой и ищут? Так же быстро по очереди забиваю в строке поиска имена моих родителей. Ничего нового не выпадает и это радует – отсутствие новостей уже хорошие новости, так ведь? Значит, они живы, никто не получил инфаркт при известии о моём исчезновении. На секунду замираю над экраном, прежде чем написать «Алекс Эванс». Первая же ссылка вводит меня в состояние глубокого шока: Алекс Эванс в рехабе. Захожу на страницу, но ничего конкретного не узнаю:

11 марта текущего года известный певец Эванс лёг на реабилитацию в частный медицинский центр в Аране, где ра-

нее проходили лечение от зависимости Мия Грай и Томас Джоуэлл. По словам инсайдеров, причиной послужило сильное алкогольное отравление. Официальный представитель музыканта от комментариев воздержался.

Снова и снова перечитываю четыре короткие строчки. Они не укладываются в голове. Алекс, конечно, не святой, но и алкоголем не злоупотребляет. Бывало, мы с ним хорошо отрывались на вечеринках, но он всегда знал свою норму и никогда не напивался до животного состояния. Он всегда спокойно добирался до дома на своих двоих и к тому же находил силы на приятное продолжение вечера в моей компании. И вдруг – рехаб. Пытаюсь найти ещё какую-то информацию, тщетно. От переживаний за него сердце сжимается в тугую комок. Как ты там, мой хороший? Дождись меня, пожалуйста, я вернусь!

То, чего я так боялась, происходит. С сознания словно сдирают плёнку, удерживающую поток отрицательных эмоций. Тоска, страх, отчаяние, жалость к себе, переживание за близких – всё это накрывает нескончаемой волной и затягивает на глубину, откуда не видно солнца. Я реву белугой, откровенно некрасиво, с подвываниями, как не ревела никогда в жизни. Слезы льются сплошным потоком. Сворачиваюсь комочком на кровати и никак не могу успокоиться. Думаю об Алексее, как он там сходит с ума от мыслей о моей предполагаемой смерти и находит утешение в бутылке. О родителях, у которых вполне вероятно начались проблемы со

здоровьем, из-за моей пропажи. Представляю, как Нейт выпивает за меня заупокойную, не чокаясь. И с каждой новой картинкой жалею себя всё больше. И всё больше ненавижу себя. Во всей этой ситуации вижу только свою вину. Если бы я только послушала Алекса и отказалась от поездки. Если бы не повелась на эксклюзив...

Кажется, так проходит вечность. В какой-то момент замечаю, что я уже не одна. Кир лежит возле меня и крепко обнимает со спины. Он ничего не говорит, никак не пытается успокоить, просто находится рядом. А мне так хочется обычного человеческого тепла. Я поворачиваюсь к нему лицом и, уткнувшись носом в его футболку, продолжаю плакать. Но уже не так безутешно и сопливо. Постепенно напряжение отпускает, и я засыпаю в руках мальчишки, который и есть первопричина моих слёз и бед.

КИРАМ

Целых три недели изо всех сил стараюсь как можно меньше беспокоить Мари, давая ей время привыкнуть к новому порядку вещей. И, несмотря на то, что я максимально ограничиваю наше общение, с каждым днём мне всё больше хочется проводить время в её компании. А ей – нет. Понимаю, что моей девочке совершенно безразлично, есть я рядом или ушёл. Это бесит, сводит с ума. Она поймала меня безоговорочно, зацепила, не соскочить. Может этим своим равноду-

шим и зацепила и это просто спортивный интерес, который пройдет, стоит заполучить добычу? Надеюсь. Как бы то ни было, мы общаемся днём, пока она на связи, и я кайфую просто от звука её голоса. Мари умеет быть ироничной и поднимает мне настроение, тонко подмечая происходящее вокруг. Порой и вовсе весьма жёстко высмеивает кого-то из моих коллег, но это мне тоже нравится, потому что никогда не делает этого попусту, только если человек действительно заслужил. Она же потихоньку учит палерский. Довольно неплохо справляется даже.

Когда мне, наконец, доставляют заказанный для Мари планшет, решаю, заканчивать с её адаптацией. Пора приучать её к себе. Она благодарит за интернет и прячется в своей комнате, а я извожусь мыслями, что сейчас на мною в данном девайсе она наверняка грузит видео со своим грёбанным певцом.

Не знаю, зачем пошел к ней, просто так и тянуло проверить, всё ли в порядке. Словно она может просочиться через экран и исчезнуть. Звуки, доносящиеся из-за двери, мне категорически не понравились. Я и сам чуть меньше десяти лет назад точно так же ревел, когда осознал, что зрение утрачено безвозвратно. Потом уже привык и научился жить с этим. Усвоил, что парни не плачут в любой, даже самой паршивой ситуации, а просто делают всё возможное, чтобы исправить её. Хотя бы пытаются. Но сначала потеря ошеломила меня. И Мари сейчас точно так же оплакивает что-то.

Или кого-то. Что она там вычитала? Не надо было давать ей чёртов доступ! Без спроса захожу в комнату и обнимаю свою девочку. По себе знаю, что в таком состоянии любые слова бессильны. Необходимы просто дружеское плечо и время. И она постепенно успокаивается и засыпает в моих объятьях.

Наконец, я могу беспрепятственно насладиться запахом её кожи и теплом. Невесомо целую её волосы и таю. Неожиданно для себя понимаю, что испытываю не физическое влечение, а какую-то щемящую нежность. Совершенно новое для меня чувство. И тут же рядом с нежностью в моем сердце заворчалась алчность – это моё сокровище и я не отдам его без боя.

МАРИ

Всю ночь во сне я брожу по раскалённым солнцем барханам и умираю от жажды. А вдалеке, чудесным миражом маячит, манит меня заснеженный лес. Там мягко падают огромные пушистые хлопья снега и исполинские сосны, укутанные белым одеялом, приветливо машут ветвями. Здесь же в лицо летит лишь горячий острый песок. Избавляясь от сна, испытываю огромное облегчение, но не тороплюсь открывать глаза. Так приятно нежиться в сильных и надёжных руках. Я почти мурлычу как кошка, потираясь об Алекса, выпрашивая ласку. Целую его шею, требуя активных действий. Он тянет вверх бесконечно длинную сорочку, почему-то надетую на меня, и никак не доберётся до нужного места. Чувство какого-то диссонанса мешает получать удовольствие. Что-то не так. Запах. Когда это Алекс успел сменить туалетную воду? Осознание происходящего прошивает меня как молния. Резко отскакиваю от Кира.

– Ты... Ты... – не могу найти подходящих слов, для описания ситуации.

Он ложится на спину и закидывает руки за голову, явно не собираясь покидать мою кровать.

– Ты хочешь меня, – констатирует просто, без какого-либо

злорадства или самодовольства.

– Нет, – заявляю категорично. – Не тебя. Я думала это Алекс.

Этот непрошибаемый гадёныш только хмыкает на мое заявление:

– Что бы ни происходило в твоей голове, тело среагировало на меня. Не отрицай.

Он прав и это бесит. Но и не прав одновременно.

– В моей голове, – акцентирую я, – я не могу представить себя с тобой, и пока она работает, ничего не выйдет. Может для мужчин это и не так, но у женщин основной центр удовольствия всё же в мозгу.

– Может иногда стоит отключать голову? – спрашивает риторически. – Просто расслабиться и получить удовольствие?

Оставляю его слова без ответа. Вместо этого пихаю нагнца в бок, требуя освободить помещение. Пытаться вытолкнуть его из кровати всё равно, что двигать гранитную плиту – бесполезно. Выругавшись, выбираюсь из кучи одеял сама, радуясь, что уснула прямо в платье. Ужасно хочется пойти в душ, но в этом идиотском риаде ни на одной двери нет замка. В данный момент Кир не вызывает доверия, особенно с учётом того, что его возбуждённое состояние четко обрисовывается тонкой тканью домашних штанов. Вместо такого желанного душа иду на кухню и варю себе кофе. Двойной эспрессо, черный как моя жизнь с некоторых пор.

Кир присоединяется чуть позже, никак не возвращается к произошедшему в спальне. Он – сама любезность. Улыбается мне, ведёт себя исключительно по-джентельменски и явно пытается очаровать. Извини, малыш, не в этой жизни.

С этого злополучного утра наши отношения снова меняются. Не могу сказать в лучшую или худшую сторону – просто они другие. Он больше бывает дома и чаще разговаривает со мной. Выпытывает, какая музыка мне нравится, какая любимая игрушка была в детстве и ещё тысячу мелочей, из которых состоит жизнь. О себе рассказывает тоже, хотя я не спрашиваю. К чему мне информация, что у него в детстве была собака, огромная мохнатая кавказская овчарка с кличкой Дар, а любимый его писатель – фантаст Векинс? Неинтересно. Я вежливо улыбаюсь, отвечаю, но в душе зияет чёрная пропасть. Всё время хочется плакать, закрыться в комнате и не вылезать из-под одеяла. К планшету с настроенной сетью я больше не прикасаюсь – читать нет настроения, смотреть фильмы не хватает концентрации, я постоянно отвлекаюсь, теряясь в пространстве и времени, и упускаю сюжетную линию. Пока Кир находится на своих тренировках, я бесконечно плаваю в бассейне – вода хоть немного размывает приклеившуюся намертво безысходность. Но всегда стараюсь выйти заранее, дабы не провоцировать его. День идёт за днём, и я просто надеюсь, что рано или поздно это закончится. Когда-нибудь я буду сидеть на своём собственном диване в Аране и рассказывать нашим с Алексом внукам о при-

ключениях в экзотической Палере, как о чём-то захватывающем. Только эта мысль и удерживает меня на плаву.

Две недели спустя меня навещает Дина. Пытается уговорить на покупку шикарного вечернего наряда и «вот этого милого колье». Я только закатываю глаза и отказываюсь наотрез. Дина же рассказывает, что она с мужем только вернулась из поездки в Давил. Взахлёб делится впечатлениями от увиденного, ведь она впервые была в этом городе. А Давил может впечатлить даже искушённого путешественника своими небоскрёбами, разветвлённой системой монорельсов, проложенных на высоте десятого этажа и выше, огромным количеством развлечений на любой вкус.

– Жалко только на концерт не попали, – сокрушается она.

– Что за концерт?

– Давно хотела сходить на Эванса. А его отменили. Но зато, вместо концерта мы пошли на ледовое шоу, и это было потрясающе! – восклицает девушка, не замечая моего состояния. А я лихорадочно размышляю. Алекс попал в клинику одиннадцатого марта, сейчас уже середина апреля. Неужели он до сих пор на реабилитации? Или что-то ещё случилось? Не обращая внимания на удивлённую моим поведением Дину, срываюсь за планшетом. Лихорадочно листаю ссылку за ссылкой прямо в спальне, напрочь забыв о подруге. И снова никакой конкретики. Только информация об отмене ряда концертов без объяснения причин. Что с тобой, мой мальчик? Как же мне узнать? Откидываюсь на кровать

и безучастно смотрю в потолок. Дина заходит в комнату. Она очень тактичная девушка, поэтому никак не комментирует моё бегство с кухни, где мы сидели до этого. Поднимает упавший на пол планшет, хочет положить на крошечный туалетный столик, но передумывает, заметив, что открыто на нём. Я наблюдаю за ней: догадается или нет?

– Мари, – нерешительно начинает она. – Этот Александр, это кто-то важный для тебя?

Хочется крикнуть: ты даже не представляешь, насколько! Но я упорно молчу. Смысла в этом не больше, чем в утолении жажды колодой. Дина вздыхает, садится рядом со мной и тихонько гладит по плечу. Спустя какое-то время беру себя в руки и предлагаю вернуться на кухню. Девушка с улыбкой кивает и ведёт меня обратно как маленького ребёнка. А ведь она гораздо младше, осеняет меня.

– Сколько тебе лет? – интересуюсь впервые с момента нашего знакомства.

– Девятнадцать, – отвечает тихо. Всего лишь девятнадцать, а она уже три года замужем, дочке скоро годик и ведет себя так спокойно и мудро, словно не знает, что такое молодость и страсти. Насколько же мы разные.

Дина проводит со мной ещё, по меньшей мере, час, стараясь отвлечь и заболтать. Но в итоге ей всё равно приходит время возвращаться домой. А я остаюсь со своими переживаниями один на один. И, слава богу, что Кир на тренировке, только его присутствия мне сейчас не хватало для

полного счастья. Беру планшет и иду в зал. Но я не собираюсь тренироваться. Сейчас душа просит того, чем я не занималась ни разу с тех пор, как оказалась в Палере. Я хочу танцевать. Выплеснуть всю накопившуюся боль в движении. Включаю одну из последних песен Алекса на повтор и танцую, танцую, танцую... Мой танец не похож на танец в общепринятом смысле слова, это скорее трепыхания бабочки, попавшейся в сачок. Движения слишком дёрганные, рваные. Но ведь и не в этом смысл. Мне необходимо избавиться от дикого напряжения, сковывающего меня вот уже полтора месяца. Я прерывисто дышу, силы отказывают и на словах «я готов к тебе лететь» обрушиваюсь на пол. Командую помощнику выключить музыку – теперь хочется тишины и умереть. Слышу шорох одежды у себя за спиной, оборачиваюсь и вижу, что в дверях, облокотившись о косяк, стоит Кирам. Не знаю, как долго, но это и не важно.

– Я бы хотел увидеть, как ты танцуешь, – говорит он. А мне нечего ему ответить, да и дыхание всё ещё не могу поймать. – Поговорим? – после минутной заминки предлагает парень, и я нехотя встаю на ноги.

Мы идём в гостиную, что странно. Мы вообще там редко бываем. В основном проводим время в своих спальнях, тренажёрном зале или на кухне. Со вздохом облегчения буквально падаю на мягкий диван. Кажется, завтра всё тело будет нещадно болеть. Но я не забываю, выбрать место посадки как можно дальше от мальчишки. Всё ещё ему не доверяю.

– Я чувствую, что тебе плохо и не знаю, что сделать, чтобы это исправить, – начинает Кир. – Помоги мне, расскажи, чего тебе не хватает.

Он сидит, облокотившись на колени локтями, руки сцеплены в замок, лицо опущено вниз и я не вижу его выражение. Слышно, что слова даются ему нелегко. Но никто и не обещал, что это будет увеселительная прогулка. Я бы много что могла ему предъявить. Что мне нужна свобода передвижения и джинсы, что я хочу плавать в море, а не в бассейне, и доску для сёрфинга, что хочу ужинать в ресторане и сделать татуировку «ненавижу Палеру». И ещё миллион вещей невозможных здесь. Только толку в этом ни на грош. Единственное, чего по-настоящему хочу – убраться из этой страны и стереть её из памяти. Но именно этого он мне дать не может. Или не хочет.

Молчание затягивается. Надо что-то сказать, причём так, чтобы не разругаться в пух и прах.

– Я чувствую себя как заключённый в тюрьме, всегда в четырёх стенах, – выдаю, наконец, самое безобидное, что приходит в голову.

Он вскидывается:

– Но ты же едешь по магазинам! – я издаю глухой стон, он не воспринимает меня совершенно. – Извини, – говорит покаянно. – Я не понимаю, объясни.

Я тщательно подбираю слова, чтобы не нагрубить и при этом донести до него суть моих пожеланий:

– Это не одно и то же. Я хочу гулять по пляжам, паркам и просто улицам. Тогда, когда я этого хочу, а не тогда, когда у тебя вдруг найдётся на меня минутка. А магазины – это суррогат свободы. Скорее опротивевшая обязанность. Ты же должен понимать. Вспомни, когда ты ослеп и больше не можешь идти туда, куда тебе хочется, без посторонней помощи. То же самое, Кир.

– Прости, в моём расписании не предусмотрено много времени на пляжи и парки, – язвит парень. – Я вкальываю, чтобы ты могла ни в чём себе не отказывать.

– А ты меня спросил, надо ли это мне? – нет, я не наезжаю на него, спрашиваю скорее печально, чем резко.

Он вскакивает и нависает надо мной, опираясь на спинку дивана по бокам от меня. Его ноздри раздуваются. Дипломат из меня вышел хреновый.

– А что тебе надо?! – Кирам почти срывается на крик. – Чего ты хочешь, Мари?! Я тебе не нужен и не интересен, это я прекрасно понимаю. Так дай мне заботиться о тебе так, как я считаю нужным!

Он практически выбегает из комнаты, давая мне пространство, чтобы отдышаться. Вот и поговорили.

КИРАМ

Благими намерениями выстелена дорога в ад – и это истина в первой инстанции. Я выкладываюсь по полной, что-

бы обеспечить нас – днём в офисе, вечером на тренировках перед важным и очень дорогим боем. А ей, чёрт побери, не хватает прогулок! Никто так не умеет доводить до белого каления, как эта девчонка. По ощущениям кровь в венах обрательлась ртутью и выжигает изнутри. Но это не ртуть, а чистый, ничем не замутнённый гнев. Сейчас я жалею, что в моём доме не поселился кто-то вроде Дины – тихий, незаметный и благодарный. Если бы у меня была возможность, она уже сейчас сидела бы в самолёте в Арану! Она динамит меня раз за разом, но при этом предъявляет какие-то претензии! Я не знаю, как мне успокоиться. Мысль, что это всего лишь глупая женщина, о которой я обязан заботиться, не успокаивает. Потому что эта мысль была бы верна для Дины и других знакомых мне девушек, но не в случае с Мари. Вдруг меня осеняет: мне просто нужно поговорить с Мэй. Я давно не звонил ей, надеюсь, подруга не в обиде. Может она сможет что-то мне посоветовать, всё-таки они землячки. И Мэй, наверное, лучше поймёт, чего от меня хочет Мари.

Спустя несколько долгих гудков слышу в трубке хриловатый голос подруги:

– Неужели сам господин Арафат снизошёл до меня? – издевается зараза.

– Да, знаю, был не прав, пропал, каюсь – грешен, – выдаю скороговоркой. – Мэй, мне нужна твоя помощь.

На том конце удивлённое молчание.

– С этого места поподробнее, – собирается с мыслями де-

вушка.

– Мэй, мне очень нужен твой совет. У меня есть бейгали. Она из Араны, как ты. И, кажется, она терпеть меня не может, – я пыхчу как старинный паровоз, всё ещё не в силах успокоиться.

– Ничего не понимаю, – говорит подруга. – Как она стала твоей бейгали, если она отсюда и терпеть тебя не может? У нас, знаешь ли, не принято спать с тем, кого не хочешь, – на это замечание я фыркаю, а-то я не был в Аране и не знаю о квартале продажных девиц. – Ну, в основном, – заметив мою реакцию, исправляется она.

– Я не могу рассказать тебе всё, Мэй. Но вводные такие: она хочет вернуться домой, я этого устроить, пока не могу. И не хочу. За ближайший год мне надо убедить её остаться со мной. А ещё в Аране у неё остался жених, – при воспоминании об Эвансе злость возвращается, заставляя почти ненавидеть Мари. – И она немного старше меня, всё время твердит, что я мелкий. Ей сложно привыкать к нашим порядкам. Сегодня хотел узнать, чем могу её порадовать, ну, что вы девушки любите, может какие-то украшения, наряды. И я же остался крайним, потому что не гуляю с ней. Она, видите ли, устала сидеть в четырёх стенах, – вываливаю на подругу поток дерьма, в последнее время ставший моей жизнью. – Я тоже устал, Мэй, ужасно.

– Кир, ты её любишь? – тихо интересуется собеседница. – Иначе, зачем тебе всё это? Просто отпусти.

– Нет! – выкрикиваю в трубку.

– Что «нет»? – не отстает она. – Нет – не любишь или нет – не отпустишь?

– И то и другое, Мэй. Она просто нужна мне, и мне надо её приручить. Помоги.

Подруга тихонько вздыхает:

– Это не самый лучший твой поступок, Кир.

– Так ты поможешь?

– Когда я могла тебе отказать? Тут всё просто – ей не хватает общения. Зная тебя, ты завернул её в пуленепробиваемый кокон и держишь на расстоянии вытянутой руки. Заперти, – хочу возмутиться, что всё совсем не так, но она не даёт мне шанса. – Вопреки расхожему мнению о девушках и бриллиантах, больше мы любим внимание и романтику. Даже самые отъявленные стервы. Надеюсь, ты не такую выбрал?

– Нет, Мари не такая, – гнев отступил, и Мари больше не видится такой уж стервой.

– Женщины любят ушами, Кир. Завали её комплиментами, цветами, прогулками. Это же не сложно. У нас принято понравившуюся девушку завоёвывать. Ты справишься. И потом, как она может отказать от тебя? Таких оргазмов как с тобой, я ни с кем больше не ловила, – припоминает былое Мэй.

– Ты мне льстишь.

– Вовсе нет, констатирую. Лучше любовника у меня не

было. Ты что, совершенно не заботишься о её удовольствии? Разве я этому тебя учила? – да, в своё время Мэй стала моей первой девушкой, но это было, как говорят у них, в дружеской зоне.

– Да не было между нами ничего пока, – ей-то я могу сознаться. Мэй поражённо молчит.

– Ты дурак, Арафат, просто покажи ей, на что способен и никуда она от тебя не денется.

– Но ты же делась, – возмущаюсь.

– Это другое, – отмахивается от моего возмущения подруга. – Меня ты не любил никогда. А я не дурочка, чтобы желать невозможного.

– Я и её не...

– Рассказывай свои сказки кому-нибудь другому, Кир. В противном случае ты давно переспал бы с ней и не заботился бы о том, чего она хочет и о чем переживает. Давай, не пропадай, мне пора идти, – и паршивка бросает трубку, оставляя меня в полном раздрае.

Я стараюсь успокоиться, вспоминаю, как волшебным было проснуться рядом с Мари от её весьма недвусмысленных прикосновений. Как она ласкалась ко мне, требуя любить себя, припадала жадно губами к моей шее. Хочу просыпаться так каждое утро. И чтобы в голове её при этом был я, а не левый мужик. Хорошо, будут ей цветы, комплименты и прогулки. И решившись раз, я уже не сворачиваю с пути.

МАРИ

Несколько дней после нашего «удачного» разговора мы почти не общаемся. И это меня вполне устраивает. Но вот наступает воскресенье и Кир удивляет меня снова. Во-первых, он возвращается с тренировки раньше, чем обычно. Во-вторых, вернувшись, он не уходит сразу к себе. С загадочным видом появляется на кухне и объявляет, что я должна собираться. На сотую долю секунды я верю, что сейчас меня посадят в частный самолет до Араны. Но, конечно же, это не так.

– Тебе понравится, – уверяет Кир. И мне сложно сдержать свой скептицизм по этому поводу – мне давно уже ничего не нравится.

Куда именно мы отправляемся, он не говорит. Уже в машине запускает навигатор и велит следовать маршруту. Мы выезжаем из города на трассу, протянувшуюся вдоль побережья. Виды открываются поразительные: белые скалы, бирюзовый океан и голубое безоблачное небо. Может мальчик и прав, как минимум дорога мне понравилась. Еще с полчаса мы плетёмся вдоль линии моря и достигаем точки назначения ближе к обеду. У дороги нет никакой парковки, лишь небольшой карман на трассе. Выходим из машины, я озира-

юсь, не особо понимая, для чего мы здесь.

– Среди скал должна быть лестница вниз, – говорит Кирам, подходя ко мне.

При более детальном рассмотрении и, правда, обнаруживаю крутую металлическую лестницу, ведущую на крошечный пляж. Мы спускаемся на небольшой клочок песка, зажатый между известняковых скал изрытых причудливыми пещерами. Здесь красиво, миниатюрный залив усеян округлыми валунами, которые торчат из воды как спины огромных черепах. Песок на пляже белый и мелкий как мука. Я тут же разуваясь, и он приятно холодит ноги. Оглядываюсь на Кира, гадая, для чего мы здесь. Тот стоит, подставив лицо ветру, и впервые за то время, что мы знакомы, выглядит умиротворенным.

– Это пляж дивов, – говорит он. – Отец иногда привозил меня сюда до аварии. Камни в воде – это их спины. По легенде дивы решили создать среди этих скал свой сад, но идея не понравилась горному царю, у которого здесь были охотничьи угодья. И он скинул дивов в море и держал их под водой, пока те не закаменели.

Я разглядываю камни в воде и сочувствую мифическим существам, пострадавшим за любовь к красоте. Волны облизывают берег, пенятся в образованных валунами маленьких природных бассейнах. Это картина, на которую можно любоваться бесконечно. И мне жаль, что Кир больше не видит всей прелести этого места.

– Здесь редко бывают люди, можешь снять верхнее платье. Если кто-то придет, мы услышим, и ты успеешь одеться.

Киваю. Можно было бы снять и нижнее платье и искупаться, но вход в море каменистый, неровный и очень скользкий – слишком велика вероятность сломать ногу. Поэтому снимаю только верхнее и никаб, а юбку нижнего обматываю вокруг талии, создавая экстра-мини. В таком виде вполне удобно сидеть на камнях, болтать ногами в воде и подставлять обнаженные ступни набегающим волнам. Кир всё так же стоит у самой лестницы.

– Ты не хочешь освежиться? – спрашиваю неожиданно для себя. – Окунуть ноги в воду, – уточняю тут же во избежание недопонимания.

Он кивает и медленно идёт в мою сторону, приходится встать и помочь ему преодолеть ухабистый и мокрый кусок пути. Пока он усаживается на камень, нечаянно задевает рукой мое оголённое бедро, вздергивает брови, но ничего не говорит. Я сажусь чуть поодаль, но в том же бассейне. Долгое время мы молчим. И это молчание, помноженное на сверкающие брызги прибоя и освежающий ветер, объединяет нас куда больше, чем все слова, сказанные за полтора месяца жизни под одной крышей. Всё плохое остаётся там, за скалами и я не могу надышаться воздухом пропитанным йодом и свободой.

– Я постараюсь сделать тебя счастливой, – вдруг прерывает тишину Кир. – Ты только мне подсказывай, что для этого

нужно. В чём-то ты права, мне всего восемнадцать и у меня совершенно нет опыта в ухаживаниях и совместной жизни. Но я готов учиться.

Он поворачивается ко мне лицом, словно хочет увидеть. Ждёт ответа.

– Кир, – так не хочется снова ругаться. – Я с радостью приму твою дружбу, но вот ухаживать за мной не надо. Подожди, не обижайся. Ты же всё знаешь. Да и к чему тебе я? По сути, мы едва знакомы. Чужие люди.

– А если я не хочу, чтобы мы были чужими? – он явно манипулирует мной, этот грустный тон из кого угодно вышибет слезу.

Закрываю глаза. Как же с ним сложно. В этот момент он одним слитным движением пересекает бассейн, вздёргивает меня на ноги и целует. Его губы, твёрдые и нежные, захватывают мой рот. В первую секунду я теряюсь, но затем стараюсь увернуться. Он же крепко обхватывает одной рукой мой затылок, второй прижимает к себе за талию. Свободной рукой стучу его по плечу, извиваюсь в попытке вырваться, но его руки словно стальные канаты. И, похоже, чем больше я вырываюсь, тем больше он заводится. Осознав это, расслабляюсь, перестаю трепыхаться. Но и отвечать на поцелуй не намерена. Впрочем, он прерывает его сам.

– Ты как наваждение, – шепчет мне прямо в губы. А я просто стою и жду, когда же он меня отпустит. – Дай мне шанс. Один. Обещаю, больше так не делать. Только, если са-

ма захочешь.

И столько в его голосе отчаяния. Это рвёт сердце. Но и согласиться я не могу, ни к чему питать ложные надежды. Поэтому просто качаю головой. Кир прижимает меня к себе еще крепче, словно боится, что я исчезну, стоит лишь отпустить. Хотя так и есть, я выжидаю момент, чтобы рвануть прочь.

– Я не отступлюсь.

И мне нечего на это сказать. И некуда сбежать. Горько вздыхаю. Мы стоим так еще какое-то время. Поездка безвозвратно испорчена, никаким умиротворением больше и не пахнет. И самое паршивое, что я больше не могу с чистой совестью сказать, что мне неприятны его объятия. Потому что это не так, совсем не так. Кир невесомо целует меня в висок, наконец, выпускает из кольца своих рук и говорит: «Поехали домой».

КИРАМ

Идея с пляжем дивов пришла в голову спонтанно сегодня утром, до этого я планировал отвезти мою девочку на городской пляж, на котором мы были в один из первых наших совместных дней. Но так интереснее. Я и сам соскучился по этому месту, в детстве любил бывать здесь. Есть в нашем с отцом тайном уголке какая-то неподдающаяся описанию магия. К тому же здесь Мари сможет раздеться, знаю

прекрасно, что её тяготит необходимость носить абайю и никаб, особенно никаб. Мне тоже не нравится, хочу иметь возможность целовать её в любой момент. Не то чтобы она мне это разрешала. Но разрешит. Удивляюсь, когда она предлагает окунуть ноги в воду, словно мы маленькие дети, но почему бы и нет? Тем более, если это подразумевает, что она будет прикасаться ко мне. Когда помогает сесть на камни, я случайно задеваю её ногу, и по пальцам словно пробегает электрический разряд – она и платье сняла? Не стесняется меня совсем? Зря.

Опять срываюсь и пересекаю все мыслимые границы. Мне не нужна твоя дружба, Мари. Точнее нужна, но не только дружба. Этого мало, хочу тебя всю. Рядом с тобой мне сложно оставаться трезвомыслящим человеком. И Мари, по крайней мере, перестает рваться из моих рук, хоть и не отвечает на поцелуй. А я тону в ощущениях – её мягкие и податливые губы словно созданы для меня, хочется прикасаться к ним снова и снова. Но я не углубляю, а напротив, заканчиваю поцелуй, надо приучать её к себе постепенно. И мне жаль, что она всё же не сняла платье, ощутить её кожу под ладонями было бы волшебно. Один бог знает, как нелегко мне выпустить мою девочку из рук.

Мы едем домой, и она снова молчит. Опять сейчас напридумывает глупостей. Почему с женщинами так сложно? Особенно с теми, что не воспитаны в наших традициях. Поэтому я спешу нарушить тишину в салоне. Предлагаю включить

что-нибудь послушать с её планшета. Понял уже, что музыка её успокаивает. Заодно выясню, что она сейчас чувствует. Не знаю, как у других девушек, а у моей по плейлисту сразу понятно, злится она, грустит или ей весело. Она останавливается на обочине, подключает планшет к бортовому компьютеру и запускает что-то мелодичное и нежное. Салон заполняют тягучие звуки, настраивающие на релакс, и я понимаю, что Мари на меня не сердится. В ином случае включила бы что-нибудь рвущее уши на части, с грохотом барабанов и дикими криками вместо вокала. Как она вообще это слушает, мне непонятно.

Кажется, Мэй была права. Надо просто уделять ей больше времени. И, наверное, давить на жалость. Это конечно не то чувство, которое я хотел бы, чтобы она испытывала ко мне, но это уже эмпатия. Думает, что она опытнее и обыграет меня на моём же поле. Прости, солнце, у меня для тебя плохие новости. В моем увечье есть и свои плюсы. Не только сверх меры развитая реакция на движение, но и способность отличать тончайшие оттенки эмоций в словах людей. А когда знаешь, с чем работаешь, управлять людьми так же легко, как персонажем в компьютерной игре. И ты поведёшься, Мари, никуда не денешься.

МАРИ

Всю неделю, стоит Кираму уехать в офис, мне привозят огромные охапки цветов. Теперь, вызнав, какие мои любимые, он не делает промахов и заказывает исключительно то, что придётся мне по вкусу. Он слишком явно игнорирует мою просьбу о нейтралитете. К счастью, его тренировки стали более интенсивными и возвращается Кир очень поздно, мы практически не встречаемся вживую. Лишь перебрасываемся парой слов за завтраком. Но днем, как только остается один в своем кабинете, он норовит сказать что-нибудь, что выводит меня из себя. Compliments, что он говорит, далеко не банальные. И, хотя мне этого не хочется признавать, они цепляют. Потому что это комплименты не внешности – странно было бы. Обычно он восхищается моей язвительностью и повышенной вредностью, но подмечает и другие черты характера. Порой хочется его прибить, за комментарии о том, чем я занимаюсь, оставшись дома одна. К примеру, в понедельник он встал перед зеркалом, висящим на стене у двери в кабинет (как только узнал, что оно там есть?), расстегнул рубашку и вполне невинно предложил мне ни в чем себе не отказывать, поласкать себя и кончить, глядя на такого красивого него. На мое справедливое «Иди к чёрту», га-

дёншш невозмутимо заявил, что нельзя так долго обходиться без секса, это вредно для моей психики. А раз уж такая злая я не даю ему меня удовлетворить, он готов пожертвовать своим временем и послужить картинкой из журнала PlayGirl. Не могу не признать, что этим кубикам пресса самое место на обложке известного издания. И пускай это до ужаса раздражает, но одновременно это было и смешно. Во вторник он в красках расписывал, как я, по его мнению, в данный момент загораю во внутреннем дворике в костюме Евы. Откуда узнал только, мелкий засранец? В среду очень артистично исполнил для меня композицию Кэсси «Я и ты». Когда он пел «Нравится ли это тебе, детка?», я уверенно заявила: «Нет и нет». Он лишь коротко рассмеялся, и как ни в чем не бывало, продолжил напевать: «Я знаю, что делать, только позволь...» Дьявол, себя-то не обманешь, я больше никогда не смогу слушать эту песню, не представляя его соблазняющий голос. В четверг он со мной на такие темы не разговаривал, но весьма красноречиво продемонстрировал, от какого чудесного образца мужественности я отказываюсь. Ничего такого, он просто скинул рубашку, положил очки на пол напротив себя и отжимался. При этом рассказывал какие-то истории и даже не сбился с дыхания. Я не могу не признать, что мальчик идеально сложен и так же идеально упрям. В пятницу он предложил мне пройти в его спальню, якобы он забыл там телефон. Я, естественно, сразу заподозрила подвох, но Кир был дико убедителен. Когда пришла в его ком-

нату, этот нехороший человек заявил, что искомый телефон лежит под средней подушкой. Для полноты картины надо понимать, что по сравнению с его кроватью, кингсайз – это узенькая койка в захудалом хостеле. В общем, пока я ползла, чтобы проверить, что там под подушкой, мне в красках поведали, как идеально я смотрюсь в этой кровати. Телефон, кстати, действительно оказался под подушкой.

Все эти подкаты... Скажем так, нервируют. Но и заводят. И от этого я злюсь еще больше на него, на сложившуюся ситуацию и особенно на себя. Он приручает меня как дикое животное, приручает к своему телу и голосу, я прекрасно отдаю себе в этом отчет. Припоминаю лекции по нейропсихологии в попытке отыскать для себя метод сопротивления такому натиску. Всё, что приходит на ум, так это то, что необходим якорь, который удержит моё сознание. Таким якорем мог бы и должен быть Алекс. Но моё собственное тело меня предаёт, несмотря ни на что. И я сотни раз говорила себе не дразнить голодного волка, но в этот раз, разозлившись из-за истории с кроватью, не смогла удержаться:

– И правда хорошая кровать, – заявила с придыханием. – Ты же не против, если я немного полежу здесь? Подумаю о... – тут я сделала продолжительную паузу. – Об Алексе, – закончила, издавая весьма убедительный, на мой взгляд, стон.

Кир, который уж было задышал чаще, зарычал:

– В этой кровати ты будешь думать только обо мне! – бросил со злостью. Упс, кажется, я перегнула палку.

– Хочешь реально помочь, подари вибратор, – выпалила, не подумав.

И конечно уже в субботу мне продемонстрировали распаковку подарка. Кир провел пальцами, ощупывая агрегат, и самоуверенно заявил:

– Не такой большой, как у меня, конечно, но пока тебе хватит. Сегодня вечером привезу, жди. Если хочешь, даже могу помочь в использовании.

Я покраснела с головы до пят. От ярости, само собой.

– Не хочу даже думать, как ты его покупал, Кир, – сказала злорадно. Но ему мои колкости, что мёртвому припарка.

Это всего лишь физическое влечение, у меня слишком давно не было мужчины – убеждаю себя в который раз. Просто надо воспринимать происходящее как некий эротический фильм и не более того. Главное, чтобы он не перешёл в категорию жёсткого порно, тут же добавляет, порядком подросший этой весной, внутренний скептик. Я ласкаю себя пальцами, вспоминая Алекса и его нежные губы, в попытке сбросить накопившееся напряжение, прогнать из головы образ чужого и ненужного мне мальчишки. Представляю, как он томно шепчет: «Принцесса», – прямо мне в ухо. Но у меня не так хорошо с воображением, как хотелось бы. Виртуальный Алекс только распалает меня ещё больше, но не дарит разрядки. Мне нужен живой мужчина, не фантом, и не собственные неумелые пальцы. Я злюсь невероятно. И виноват во всём мальчик, который с фантазией подошел к моим

развлечениям на этой неделе. Я с ужасом жду воскресенья, когда нам придется надолго остаться один на один.

КИРАМ

Всю неделю упыхиваюсь на усиленных тренировках перед боем с Шакаром. Когда прихожу, Мари уже спит, да я и сам замертво падаю в кровать. Ранним утром перед работой с трудом собираюсь с мыслями, так как до одури хочу спать. Но днем стараюсь порадовать свою девочку, пусть привыкает к моему вниманию. Меня забавляет, как она возмущенно пыхтит в ответ на все мои проделки. Но теперь я знаю, что нравлюсь ей, что-то изменилось с поездки на пляж дивов. Её дыхание изменилось. Теперь она реагирует правильно на мои провокации, хочет меня. Предчувствие близкой победы будоражит. И я сам не ожидал, что попаду в точку, когда предположил, что она в моё отсутствие плавает и загорает без одежды. Как же теперь хочется сбежать с работы, чтобы удостовериться. В пятницу же мне не до смеха, когда Мари в открытую заявляет, о ком все её влажные фантазии. Я тут стараюсь, а у нее на уме один придурок с микрофоном. Думаю, пора привести в исполнение план по очернению ее кумира. Займусь этим сразу после боя, благо он уже в воскресенье. Пока же стоит запастись терпением, хоть это и сложно. Уже которую ночь я вижу мокрые сны, с Мари в главной роли. Во сне я всё время стараюсь разглядеть её лицо, но

оно прячется от меня за копной светлых волос, ускользает. И пусть я не увижу его никогда, я знаю, что оно прекрасно.

В субботу у меня, наконец, небольшая передышка – не стоит забивать мышцы накануне. И я возвращаюсь домой гораздо раньше обычного. С подарком само собой. Уверен, она оценит. Потому что мы стоим друг друга: она вредина и язва, но и я не ангел. Очень удачно застаю Мари в своей спальне – она как раз меняет постельное бельё. Слышу, как хмыкает, сдергивая простынь. Я и не думаю смущаться: смотри, девочка, это ты со мной делаешь. Она совсем не замечает моего присутствия, борясь, по всей видимости, с пододеяльником. Потом, ойкает, увидев, что стою в дверях. Я, не в силах ждать, протягиваю ей приготовленную коробку, купленную, кстати, Джавадом. Она же не торопится брать ту в руки, и я подхожу ближе, вынуждая принять презент.

– Это была шутка, – заявляет гордо.

– Это всё ещё шутка, – парирую. – Но в каждой шутке есть доля шутки, а остальное правда. Тебе нужна разрядка, – провожу ладонью по её щеке, но она дёргается словно от удара. Обидно.

О том, что разрядка не помешает и мне самому, стараюсь не думать. Всё ещё будет. Мари выбегает из комнаты, и я не вижу её больше в этот день, она не выходит даже на ужин. Надеюсь, занята тем, что использует мой подарок по назначению. И представляет меня, не зря же я так старался всю неделю, правда?

МАРИ

Вчера просидела весь вечер в своей спальне. «Подарок» был решительно заброшен в соседнюю комнату – спасибо, обойдусь. Чтобы как-то отвлечься, включила свой любимый фильм про мальчика, родившегося стариком, и с годами только молодеющего. Смотреть, правда, толком не получалось – мысли то и дело возвращались к Киру и его выходкам. Что же он такой непрошибаемый? Из миллионов девушек, согласившихся бы на всё и сразу, выбрал меня. Мне далеко не пятнадцать, и я прекрасно понимаю, что им управляет смесь из гормонов, невозможности выбора и дикого упрямства. А вовсе не любовь, как можно было бы подумать. Я же со своей стороны никогда бы и близко не подпустила к себе подобного человека в нормальных условиях – совершенно не мой формат. Дело даже не в возрасте. Вернее, не только в нём. Он скрытный, довольно агрессивный, упёртый и, самое главное, совершенно не считающийся с мнением окружающих. Боже, как я скучаю по Алексу! Он полная противоположность Кирама – всегда спокойный и рассудительный, уважающий личное пространство других людей. Кому-то на первый взгляд Алекс может показаться излишне мягким человеком, но внутри него стальной стержень. Иначе как он

добился бы таких высот? С последнего прихода Дины по несколько раз в день проверяю новости – и всё так же переживаю от их отсутствия, люблю его так же сильно, как и два месяца назад, это не изменилось. Но при всём том я хочу Кира, к чему отрицать. Теперь хочу. Этот мальчик выглядит слишком соблазнительно, тянет ко мне свои руки слишком настойчиво. Я понимаю, то, что происходит – морок, желания тела, помноженные на стресс, непомерное давление с его стороны и то же отсутствие выбора. Но понимание причин не облегчает ни физического влечения, ни, тем более, душевных терзаний – я предаю Алекса, уже просто испытывая эти чувства, отчего на душе горько и противно от самой себя. Ночь проходит не лучше вечера. В моих снах Алекс и Кир всё время меняются местами и я, вконец запутавшись, уже не понимаю, кто из них мой жених, а кто тюремщик.

С утра пораньше нарезаю бутерброды на завтрак и обдумываю, как заставить этого несносного мальчишку оставить меня в покое. Поэтому, когда он заходит на кухню, не особо задумываясь, выдаю то, что крутится на языке:

– Кир, в Палере есть проститутки?

– Не понял вопроса, – в некотором замешательстве отвечает он.

– Продажные женщины, Кир, не тупи, – он садится за стол, не отвечая, и выглядит весьма мило, растрёпанный такой. Стоп, хватит разглядывать его. – Так есть? – настаиваю я.

– Ты что, решила снять стресс с девочками? – язвит зараза.

– Что за дурацкая манера отвечать вопросом на вопрос?

– Мне есть с кого брать пример, – кидает камень в мой огород. Я тяжело вздыхаю. Очередной план псу под хвост. – Так для чего тебе проститутки? – не унимается мой оппонент.

– Мне хватит и одной, – закатываю глаза. – Точнее тебе, – Кир чуть не подавился только что откушенным яблоком и возмущённо засопел. – Не пыхти, – продолжаю свою мысль, нарезаю сыр. – Я тут подумала о твоих словах, что мне нужна разрядка, и пришла к выводу, что тебе она необходима гораздо больше. Всё просто, трахаешь какую-то постороннюю девушку и тебе больше нет нужды подкатывать ко мне. А если ты не будешь провоцировать моё либидо, то я уж как-нибудь протяну ещё годик без секса, никого не убив, – говорю нарочито грубо, чтобы оттолкнуть его.

Но этого мальчика так просто не смутить и с ответом он находится довольно быстро:

– Я не хочу постороннюю, хочу свою, – говорит уверенно. Только вот в твоих словах есть нехилая промашка, мальчик, я не твоя.

То, что я собираюсь сказать, звучит жёстко, даже жестоко, но мне, пожалуй, как раз пора становиться жёстче:

– Какая разница, Кир? Ты никогда не видел меня и не увидишь её. Просто представляй, на её месте меня.

На секунду его лицо искажается в гневе, но потом он расплывается в иезуитской улыбке:

– Ты, правда, считаешь, что это сработает? – как-то чересчур уж вкрадчиво интересуется.

– Почему нет? – спрашиваю насторожённо, печёнкой чувствую, что сейчас ляпнет какую-нибудь гадость.

– Тогда у меня предложение на миллион, – ой, что-то мне подсказывает, не понравится мне это предложение. – Мы завяжем тебе глаза и ты, так и быть, можешь представлять на моём месте своего жениха. Обещаю быть нежным.

От такой наглости я просто теряю дар речи. Не дождавись ответа, парень со злостью швыряет в меня словами:

– Это так не работает, Мари. Я потерял зрение, а не разум. У любой другой женщины, пусть даже самой красивой на свете, не будет твоего голоса, твоего запаха и вкуса. Я хочу ИМЕННО тебя. И я знаю, что ты меня хочешь тоже. Так что же тебя останавливает?

– То, что я не хочу предавать того, кого люблю? – отвечаю тихо.

– Да брось, – говорит зло. – Он же не узнает никогда. Получай удовольствие от жизни, пока можешь, в любой момент можно лишиться этой возможности, – так и хочется сказать, что я уже заметила. Уже лишилась. И это ещё не повод предавать себя, потому что, обманув Алекса, я, безусловно, изменю и себе. Но он не поймёт, я уверена. Может ещё не дорос.

– Ты рассуждаешь как избалованный ребенок. Привык получать все, что захочешь, на золотом блюде. Я не желаю больше это обсуждать.

Ставлю перед ним тарелку с бутербродами и сажусь на свое место. Мы молча жуём свой нехитрый завтрак, и ни один из нас не спешит идти на мировую.

– В Палере нет продажных женщин. Мы вас для этого слишком бережём, – уже гораздо более миролюбиво говорит Кир, когда я ставлю перед ним чашку кофе и сладости.

Ну да, усмехаюсь горько, как бы с ума не сойти от такой бережности. Больше мы к этой теме не возвращаемся и спокойно заканчиваем утренний приём пищи. Под конец Кирам говорит мне быть готовой к двенадцати часам, мы едем в столицу на бой. Недоумеваю, почему на этот раз должна везти именно я, а не Тураб, но объяснений не получаю.

КИРАМ

Пока собираюсь в дорогу, продолжаю возмущённо сопеть. Её «гениальная» идея с проститутками вымораживает. Настолько хочет избавиться от моего внимания? Вообще, сама формулировка, что слепому без разницы с кем спать, не видно же... Это за гранью добра и зла. Хочется пойти и сейчас же доказать ей, что разница есть. И я, конечно, соврал, что позволю ей мечтать о ком-то другом в моих руках. Она должна кричать только моё имя.

Я серьёзно не понимаю, чем я так плох для неё. Цветом волос, твою мать, не вышел или рожей? Что не так? Сказала бы прямо. Только прикрывается своим женихом всё время, и ни одного вразумительного ответа. Может Мэй и права, надо просто затащить её уже в постель, а потом она просто не сможет дать заднюю, не позволю. На секунду мелькает мысль, что она не хочет меня потому, что в её голове музыкант засел так же прочно, как сама Мари в моей. Но я отгоняю её, уверен на все сто в том, что моя девочка меня желает, уж такие вещи я могу определить. Воздух между нами дрожит от напряжения, а её дыхание с головой выдаёт, как сильно ей нравятся мои прикосновения.

С трудом отгоняю от себя ворох злых и развратных мыслей, сегодня очень важный бой за чемпионский титул. Ну и гонорар, конечно. Так что надо собраться и не думать о всякой чепухе вроде глупых болтливых женщин. Она хотела меня уязвить – и у неё получилось, но показывать, как сильно меня задело, я не намерен. Поэтому выхожу к машине с каменным лицом.

Какое-то время мы едем в тишине, но Мари не выдерживает первой:

– Почему ты берёшь меня с собой? Я думала бои – это что-то вроде исключительно мужского клуба.

Пытается сделать вид, что всё как обычно. Сейчас мне это тоже выгодно, так что поддерживаю ее игру в милые дружеские отношения:

– Нет, это же спорт, женщинам не запрещено присутствовать, но в сопровождении родственников, разумеется.

– Понятно. Но почему ты не едешь с Турабом или друзьями?

«Потому что не хочу никому показать свою слабость, ходить с поводырём – это унижительно». Но это не тот ответ, который можно выдать своей женщине.

– Мне будет приятно, если ты будешь со мной и поболешь за меня, – выдаю полуправду.

– Ясно, – удовлетворившись моим объяснением, Мари включает музыку и оставшиеся два часа дороги мы проводим в молчании.

МАРИ

Никогда бы не подумала, что окажусь на подобном мероприятии. Не понимаю я этой мужской тяги наносить увечья и калечиться самим. Ради чего? Выплеснуть излишки энергии? Так есть множество гораздо более приятных способов. Но, для разнообразия, опыт конечно интересный. Мы проехали на небольшой паркинг для участников, где нас уже ждали Дина, Джавад и незнакомая мне девушка. Удивлённо отметила для себя, что начала отличать друг от друга укутанных донельзя, и ранее казавшихся абсолютно одинаковыми, женщин. Я с радостью обнимаю подругу, а она представляет мне свою спутницу – это бейгали Джавада, Мириам. Смотрю, как мило они общаются между собой, и недоумеваю – никакой ревности или конкуренции между ними нет и близко. И это так странно для меня, недопустимо даже: только я и никто больше. Либо без меня, ребят. Кстати, это еще одна из миллиона причин, почему не стоит поддаваться очарованию Кира, гарем – это совершенно не моё.

Тем временем Кирам что-то говорит другу по-палерски, хотя до этого все общались на аранском, ради меня, я так понимаю. Я вопросительно смотрю на Дину, в надежде услышать перевод, явно же это что-то не предназначенное для

моих ушей и тем более интересное. Дина проверяет, не глядят ли в нашу сторону парни, и шепчет на ухо:

– Кирам оказал Джаваду честь войти в ближний круг семьи, – ну да, вот теперь всё ясно. Заметив по моим глазам, что понятнее не стало, Дина объясняет. – Это ритуальная фраза, означает, что Джавад, как близкий друг и родственник, может теперь видеть твоё лицо и говорить с тобой. Так же он должен нести ответственность за тебя, если Кирама не будет рядом. Ему же придётся оставить тебя одну на время поединка.

– Разве они родственники? – удивляюсь я.

– Да, троюродные братья. И названные братья к тому же.

Никогда бы не подумала. Впрочем, какая разница. Мы заходим в довольно большое и потрёпанное здание клуба. Дина со своими скрывается в направлении зала, где будет происходить само «шоу», мы же с Киром идём в индивидуальную раздевалку. Администратор, встретивший нас, объясняет, куда и во сколько Кирам должен подойти. Кир синхронно переводит, я же стараюсь ничего не упустить, так как коридоры здесь извилистые и запутанные, а вижу из нас двоих только я.

Раздевалкой оказывается крошечный чулан с небольшим диванчиком. Но в нём есть такая же крошечная душевая, в которой тут же скрывается мой спутник. Выходит он оттуда уже в спортивных трусах, перчатках и... шлёпанцах?

– Почему ты в тапках? – не могу сдержать любопытства. –

Я думала, боксёры носят кроссовки.

Он удивлённо поворачивается ко мне, словно вообще забыл, что я здесь.

– Это бои без правил, не бокс. Они проходят босиком.

У нас есть ещё полчаса, прежде чем надо будет выходить, поэтому снимаю никаб. Необходимость постоянно носить его для меня сушая пытка. Кир немного на взводе, разминается. Я же стараюсь отвлечься от такого совершенного тела прямо перед моими глазами и пытаюсь читать статью про эти самые бои. Чтобы хотя бы отдалённо понимать, что происходит. Выходит, честно говоря, так себе. Мои глаза живут своей собственной жизнью и то и дело перебегают с экрана на мальчишку. Кир, наконец, заканчивает с разминкой и садится рядом на диван. Слишком близко, как по мне.

– Ты пожелаешь мне удачи? – спрашивает неожиданно.

– Разве тебе она нужна? Ты и без удачи двигаешься как демон.

Он ухмыляется:

– Признайся, ты подсматривала за мной в тренажёрном зале?

– Вовсе нет, – отвечаю вполне себе хладнокровно. – Но то, как ты реагируешь на движения, о многом говорит. Да и не вышел бы ты в финал, не будь таким суперкрутым, – да, сегодня от Дины я с удивлением узнала, что мальчишка не просто какой-то там спортсмен, а целый без пяти минут чемпион и гений. – Нам пора, – говорю, бросив взгляд на

планшет.

Кир встает, протягивает мне руку, чтобы помочь подняться, и я, сама не знаю зачем, принимаю её. Вместо того, чтобы отпустить меня, притягивает ближе, вызывая вихрь мурашек вдоль спины. Это и чувство опасности, и восторг раздирают меня на части. Он же проводит ладонью по моей щеке, коротко целует в губы и велит надеть никаб. Я в очередной раз разочаровываюсь в себе и своей стойкости. Потому что хочется продолжения. И хочется больше не видеть его никогда. Но предаваться душевным мукам мне попросту некогда, Кирам берёт меня за руку, и мы отправляемся искать дорогу в зал.

В зале шумно, ярко и воздух перенасыщен тестостероном. Я с любопытством оглядываюсь вокруг. Любопытство, знаете ли, одна из важнейших черт журналиста. Наравне с хорошо подвешенным языком. Замечаю в первом ряду Джавада и его девушек и направляюсь к ним. Мы всё так же держимся с Киром за руки, как сиамские близнецы, право слово. Когда подходим к его друзьям, Кирам тут же утаскивает Джавада на ринг. Но последний почти сразу возвращается, передав Кира его помощнику. Или как называется тот парень, что подает воду и полотенце? Неважно, в общем-то. Я сажусь рядом с девушками и жду начала действия.

На ринге, меж тем, появляется второй участник боя, и я начинаю сомневаться в победе Кирама. У парней схожая комплекция, но вот выражение лица у второго бойца такое

агрессивное, что мне становится не по себе. Заметив, как я вздрогнула, Джавад склоняется к моему уху и говорит:

– Не переживай, Кирам круче.

– Если честно, я не понимаю, как это может быть. Он же не видит ничего, – говорю вполне искренне, потому что реакция у мальчишки какая-то нечеловеческая.

– Этого никто не понимает, – коротко смеется парень. – Но одно очевидно, у моего брата дар. Он чувствует движение еще до того, как противник начинает его.

Больше мы с Джавадом не разговариваем, так как начинается поединок. Парни скачут по рингу, нанося друг другу удары руками и ногами, и я понимаю, что Джавад был прав, Кир ловко уворачивается от противника. И хотя Шакар, как представил его судья, нападает активнее, видно, что Кирам двигается гораздо более непринуждённо. Толпа вокруг возбуждённо гудит, подбадривая то одного, то другого бойца. Но вот проходят три минуты, и они расходятся по своим углам. Должна признать, что в этом зрелище всё-таки присутствует некая воинственная красота. Красота силы и превосходства одного человека над другим. Грубая и непонятная мне, но как уж есть. Один за другим пролетают двенадцать раундов. К концу ребята двигаются уже не так легко как в начале. В одном из раундов Кир всё же оказывается на полу, но быстро вскакивает. В целом, я совершенно не понимаю, каким образом начисляются очки и кто побеждает, но в последней схватке Кир одерживает невероятную и очевидную

даже для меня победу, отправив Шакара в жёсткий нокаут.

Зал беснуется, комментатор заливается соловьем, видимо восхваляя Кирама – моих знаний палерского пока недостаточно, чтобы вычленить из речи что-то кроме его имени и «да». Джавад рядом аплодирует стоя. Кирам же стоит на ринге с абсолютно дьявольской усмешкой, он явно наслаждается моментом. И он это право стопроцентно заслужил. Джавад встречает нашего мальчика с ринга и передаёт мне – перед вручением кубка Киру надо привести себя в порядок, поэтому мы отправляемся обратно в раздевалку. На всё про всё дают пятнадцать минут. Как только за нами закрывается дверь, он хватает меня за талию, сдирает надоевший до чертиков никаб и крепко целует, прижимая спиной к стене. Я замираю в замешательстве и упоении. Адреналин от боя ещё бурлит в крови, и у меня видимо ничуть не меньше, чем у самого победителя. Потому что я отвечаю ему. Провожу языком по зубам, нежно посасываю нижнюю губу и тону в моменте. «Я просто не хочу портить ему мгновения триумфа», – уговариваю сама себя. Но это ложь чистой воды.

Кир всё же отрывается от моих губ, но продолжает удерживать в тисках своих рук. Дышит тяжело. Он словно не намерен возвращаться в зал за заслуженной наградой.

– Нам надо идти, – выдыхаю еле слышно. И мне ужасно не хочется этого делать. Потому что здесь и сейчас я отпустила себя, но впредь подобного допускать не должна.

Он словно понимает это, сжимает ещё крепче на долю се-

кунды, но всё же дарует мне свободу и направляется в душ. Очень короткий, надо сказать, душ. Я едва успеваю привести себя в порядок. Одежду, но не мысли. Теперь точно ни единого шанса, что он отстанет так просто, доходит до меня с опозданием. Мы не разговариваем друг с другом, возвращаясь в зал. Я, чтобы не портить ему минуту славы, он по каким-то своим причинам. Церемония награждения проходит на удивление быстро. Кир, стоя на пьедестале, улыбается как чеширский кот, которого так и хочется почесать за ушком. Но теперь я точно знаю, как смертельно опасен этот «котик». Во всех смыслах: и физически, и для моего душевного спокойствия.

Когда Кирам спускается с пьедестала и вполне уверенно идёт в нашу сторону самостоятельно, к нам подходят его отец с Джахизой и Азрой.

– Добрый вечер, господин Арафат,– приветствует его Джавад по-палерски, и я понимаю. Так же понимаю, что впервые за всё это время слышу фамилию своего похитителя.

Они о чем-то беседуют, а я наблюдаю за Киром, прокладывающим себе путь через толпу. К нему подходят какие-то люди, жмут руку, похлопывают по плечу, а он реагирует с такой естественностью, словно видит их. Он подходит к нам и, остановившись в нескольких шагах, чего-то ждет. Видимо, пока отец обратит на него внимание. И вот они уже обнимаются и смеются. Женщины стоят поодаль и позволяют

себе только коротко обнять мальчишку после того, как делает шаг в сторону Самир.

Распрощавшись со всеми, мы снова идём в раздевалку. Уже не торопясь. Кир договорился с Джавадом, что сегодня у нас дома будет вечеринка в честь его победы, и тот уехал, обещав купить всё необходимое, поэтому нас никто не ждет. А я опасаясь снова оставаться с ним наедине. Момент упущен.

КИРАМ

Уже настроившись на бой, я не думаю ни о чём другом кроме победы. Почувствовать соперника, опередить и победить. Всё просто и очевидно, так же, как и всегда. Всё сложно при этом, Шакар хорош в своём деле и победа даётся мне нелегко. Но лишь услышав, как его тело ударяется о ринг, я понимаю, что это триумф, определяю по дыханию противника, что это нокаут. Да! Я сделал это! Когда судья поднимает вверх мою руку, я не могу удержаться от ликования: смотрите все, что может «убогий», чего никогда не сможете вы. Смотри, отец, я смог. Смотри, Мари, как тебе повезло, у тебя никогда не было и никогда не будет никого лучше меня.

А потом мы идём в раздевалку, и я не могу не поддаться искушению. Пусть оттолкнет, наругается, но сейчас мне просто необходимо почувствовать её рядом. И я улетаю, когда она отвечает на поцелуй, потому что эта победа не ме-

нее сладкая, чем та, что на ринге. Губы Мари дразнят меня, обещая неземное блаженство, её руки несмело ложатся на мою обнажённую и потную грудь, вызывая восторг. Нехотя отпускаю мою девочку, знаю прекрасно, что легко не будет, и сейчас она выстроит между нами еще с десятков заборов. Но так же знаю и то, что теперь точно смогу их сокрушить.

Во время награждения чувствую себя счастливейшим человеком из ныне живущих. И упиваюсь этим чувством. Отец будет мной гордиться. Раньше именно он всегда сопровождал меня на бои, но сейчас это было бы глупо. И я точно знаю, что он где-то в зале вместе с матерью и Азрой, и безмерно благодарен ему за то, что позволил мне добиться всего этого.

Приняв поздравления от родных, и договорившись с Джавадом насчёт вечера, снова отправляюсь вместе с Мари в раздевалку. С одной стороны, так и тянет соблазнить её прямо там, пока свежи впечатления от боя, но с другой, моя малышка заслуживает гораздо большего, чем быстрый секс в грязной общественной комнатке. У нас впереди всё время мира. К тому же начинают ныть ребра, этот гад Шакар приложил меня слишком крепко, кажется. Но я, конечно же, не могу устоять перед соблазном подразнить ее. Поэтому, заперев дверь, передеваюсь прямо в комнате. Когда начинаю стаскивать трико, Мари возмущенно шипит на меня:

– Что ты делаешь?

– А на что похоже? – мне смешно от её реакции.

Она же пыхтит как сердитый ёжик и, судя по всему, отворачивается от меня к стене. Не удержавшись, подхожу и обнимаю её сзади. В чём мать родила. Прижимаюсь крепко, пусть почувствует, насколько хочу её. Её волосы сегодня весьма удачно убраны наверх, обнажая шею, и я припадаю губами к её основанию, с ликованием отмечая, каким учащённым и напряжённым становится её дыхание. Она дёргается резко, требует:

– Отпусти.

И я подчиняюсь. Сейчас не время и не место. Но ты запомнишь эти ощущения, моя сладкая, я уверен.

МАРИ

В машине Кирам откидывает спинку сиденья на максимум и засыпает, стоит мне только выехать с парковки. Чему я только рада. Пока мчу по трассе через пустыню, меня охватывает иллюзорное чувство свободы – полузабытое и от этого сладкое вдвойне. Скорость, ночь, запал от просмотра поединка и эйфория от прикосновений Кира складываются в пьянящий коктейль. Искоса поглядываю на парня. Во сне лицо его разглаживается, теряя следы извечной угрюмости, и он выглядит почти ребенком. Докатилась, мать, мало того, что изменяешь своему жениху, так тебя ещё и потянуло на малолеток. Усмехаюсь про себя. Но, правда в том, что здесь и сейчас мне не стыдно ни за то, ни за другое.

Когда подъезжаем к риаду, Кир просыпается, спрашивает, на месте ли мы уже. И выглядит при этом ужасно мило. «Прекрати», – одергиваю себя. Но не могу остановиться. Мы идём в дом вместе. Прежде, чем мы разойдёмся по своим комнатам, он предупреждает, что сегодня я могу не надевать никаб и верхнее платье.

– Почему? – удивлению моему нет предела. Так как из разговора парней я поняла, что кроме Джавада будут и другие мужчины.

– Это сложно, – говорит Кир, но я настаиваю на объяснении. Сначала мне проедают плешь необходимостью носить эту броню, а теперь оказывается, что это вовсе не обязательно.

– Понимаешь, – продолжает он. – Соберётся тесный круг, мы с парнями давно знаем друг друга. И, да, мы иногда нарушаем некоторые правила. Сегодня будут те, в ком я уверен.

– К чему тогда был этот ритуал с Джавадом, про то, что ты принимаешь его в ближний круг?

Кир удивлённо изгибает бровь, не ожидал, видимо, что Дина объяснит мне.

– Это скорее дань уважения традициям. Этими словами я как бы дал понять, что доверяю ему и попросил позаботиться о тебе.

Со вздохом понимаю, что всё больше запутываюсь в местных обычаях. Категорическое «нельзя» здесь с лёгкостью превращается в «можно», когда этого хочется. Или выгодно. Размышляю, что вероятно молодые люди меньше привержены старинным устоям из-за возможности покинуть страну. У нас говорят о Палере как о полностью закрытой и глубоко патриархальной стране. А жители её, как минимум самые обеспеченные, оказывается, довольно часто бывают у нас, «на гнивающем западе». И даже слушают нашу музыку, смотрят фильмы, знают наш язык. Похоже, здесь всю процветают двойные стандарты.

Мне не хочется никакой вечеринки, но Кир лично удосто-

веряется в том, что я готова к приёму гостей. Вообще-то я уже в пижаме, но он крайне настойчив и порывается переодеть меня лично, так что приходится сменить удобные пижамные брюки и рубашку на закрытое наглухо платье и даже нанести лёгкий макияж. После чего он конвоирует меня в гостиную. Вскоре приходят его друзья. Кроме Джавада это ещё два парня со своими девушками. Иса и Рашид, представляет их Кирам. Те в свою очередь знакомят меня с жёнами и любовницами. Ребята приносят гору закусок, несколько ящичков газировки, заправляют кальян и вечер начинается вполне дружелюбно. Все поздравляют Кира с победой, веселятся и очень громко общаются. Парни, конечно. Девушки ведут себя гораздо тише. На этой тусовке нет никакого алкоголя, он в Палере под запретом. Но это не мешает всем присутствующим получать удовольствие от встречи, скорее наоборот. Даже Дина сегодня на удивление раскрепощена и активно общается с друзьями. Все стараются говорить по-арански, но с течением вечера всё чаще сбиваются на свой родной язык. Я незамеченной выхожу на кухню. Накатывает острое чувство моей неуместности на этом празднике жизни. Нет, я вовсе не хочу стать здесь своей. Люди, окружающие меня сегодня, мне совершенно не близки: они гораздо младше, их круг интересов никак не пересекается с моим, а самое главное, я просто не желаю ничего узнавать об их жизни. Не похоже на меня, обычно мне интересно общаться с представителями других культур. Но сегодня я просто, хо-

чу вернуться к своим. Я не плачу, все слёзы давно уже выплаканы, просто мрачно пью чёрный кофе в темноте неосвещённой кухни. Тонкая фигурка в светлом струящемся платье нарушает моё уединение.

– Почему ты прячешься здесь? – спрашивает Дина.

– Я не прячусь, – отрицаю очевидное. Есть тысяча вопросов, которые мне хочется ей задать, тем не менее, я не решаюсь. Дина же тащит меня назад в гостиную. Там уже включили музыку и танцуют под песню, навевающую мысли о пустынях и восточных сказках. Подружка присоединяется к танцующим, я же предпочитаю наблюдать со стороны. Девушки двигаются с какой-то неземной пластикой. Если бы не чрезмерно скромные наряды, это было бы крайне соблазнительное зрелище. Но надо учитывать, что по местным меркам, без своих тысяч одежек они, наверное, итак выглядят как стриптизёрши. Парни танцуют куда резче, но это тоже весьма интересное действо. У нас зажигают совершенно иначе. В танце мужчины и женщины никак не взаимодействуют и стараются не прикасаться друг к другу. Я смотрю на Кира,двигающегося под музыку, и не могу не признать, что он хорош. Если захочет, он может быть идеальным любовником, с его уровнем владения своим телом. Мысли снова уходят не в ту сторону, и я залпом осушаю ближайший стакан. Горло обжигает такой узнаваемый вкус виски с колой. Вот и ещё один стереотип о Палере разбит вдребезги. Что ж, виски – это как раз то, чего мне сейчас не хватает. Рядом приземля-

ется Рашид, смотрит на стакан в моих руках с хитрым прищуром.

– Ещё? – коротко интересуется он. Утвердительно киваю, и он как фокусник достает откуда-то из-под низкого столика бутылку с весьма узнаваемой этикеткой. Смешивает для меня коктейль. Вечер перестает быть томным, когда рядом со мной материализуется Кир. Берет из моих рук стакан, принохивается к содержимому и что-то зло говорит Рашиду по-палерски. Тот лишь ухмыляется в ответ и уходит танцевать. Я тянусь забрать свою добычу, но Кир зловредно отставляет стакан как можно дальше от меня.

– Тебе это ни к чему, – заявляет уверенно.

– Хотелось бы самой решать, что пить, знаешь ли, – отвечаю сердито. Но вместо желанного виски получаю порцию чистой колы.

– Напоить тебя и затащить в свою кровать очень заманчиво, – вкрадчиво говорит мальчишка. – Но я хочу, чтобы ты пришла ко мне сама. Не под воздействием алкоголя.

– У тебя все мысли об одном, – обвиняю его не на пустом месте.

– Рядом с тобой по-другому не получается, – отвечает невозмутимо.

Моя любознательность берет верх над здравым смыслом, и я спрашиваю:

– Как вообще это работает? Я имею в виду, мужчины же любят глазами, увидел, понравилась, сработал рефлекс. Ты

же не видишь меня. И мы не прикасаемся другу к другу, по большей части.

Он наклоняется к моему уху и шепчет с жаром:

– Мне не надо видеть, я чувствую тебя. Твой запах, твои движения.

– Стоп, – говорю, отстраняясь. – Ну, допустим. А тебе не приходило в голову, что я могу быть страшна, как смертный грех?

– Нет, – ухмыляется он. – Не можешь.

– Окей, не страшна, но, скажем, старовата. Мне не восемнадцать, знаешь ли.

– Сколько глупых мыслей бродит в твоей голове, – отвечает Кир. – Когда ты перестанешь тыкать в меня моим возрастом? – и он слишком близко, его рука на спинке дивана позади меня нервирует, его бедро тесно прижатое к моему вызывает совсем ненужные мне чувства.

Вопрос явно не подразумевает ответа. Посему я встаю и иду танцевать, оставив Кира наедине с его фантазиями. Выпитый виски делает своё дело и я, наконец, расслабляюсь. В итоге, вечер проходит не так уж и плохо...

КИРАМ

Гулянка удалась на славу. За исключением инцидента с Рашидом. Когда Джавад шепнул мне на ухо, что он наливает Мари, я знатно разозлился. Но позже тот извинился, сказал,

что лишь думал, для неё это обычный напиток, всё-таки она не наша. Сам я никогда не брал в рот этой дряни, и уж тем более не позволю опаивать мою девочку. Чему сама спасаемая, кажется, вовсе не рада. Мари снова твердит, что я для неё слишком молод, и это бесит. Она сбегает от меня в очередной раз, но теперь точно не убежит далеко, почти поймал.

Когда довольные и уставшие друзья разъезжаются по домам, мы идём в риад. Остановившись перед своей дверью, не могу не поинтересоваться:

– Зайдёшь? – спрашиваю с многообещающей улыбкой. За что получаю легкий тычок по рёбрам. И, похоже, что с ними всё гораздо хуже, чем я предполагал, так как я не могу удержаться от болезненной гримасы от этого невесомого, в общем-то, удара.

Мари тут же бессовестно задирает на мне рубашку.

– Даже не думал, что ты так просто согласишься, – пытаюсь перевести тему и дыхание. Но она не ведётся, едва касаясь пальцами, ощупывает меня.

– Кир, ты больной! – заявляет безапелляционно. – А если там перелом? Тебе надо в больницу.

– Что, всё так плохо? – интересуюсь.

– Ну, кровоподтёк просто огромный. Странно, я не заметила его там, в зале.

– Ерунда, – отвечаю как можно беззаботнее. – Я давно привык к травмам. Надо просто намазать мазью от ушибов.

Она гневно фыркает, берёт меня за руку и ведёт в мою

же спальню. Да, не ожидал такого быстрого эффекта. Не совсем, правда, то, на что я рассчитывал. Мари оставляет меня стоять посреди комнаты, идёт открывать шкаф и достаёт аптечку. Велит снять рубашку.

– Мне нравится, когда ты командуешь, это очень соблазнительно, – комментирую, стягивая одежду. Вместо ответа она начинает наносить мне на рёбра охлаждающую мазь. Даже нежнейшие прикосновения отдаются внутри противной болью. Может и придётся завтра поехать в больницу.

Покончив с этим, она убирает всё по местам и явно спешит уйти.

– Остайся, – прошу тихо. Делаю шаг к моей девочке, обнимаю так нежно и аккуратно, как только могу. Чему весьма способствуют больные рёбра. Кладу голову ей на плечо и наслаждаюсь мгновением тихого счастья. И она всё-таки обхватывает руками меня за талию. Мы стоим, не разговаривая, несколько минут. Затем Мари со вздохом отстраняется и решительно покидает комнату.

МАРИ

Утром я принимаю душ и делаю кофе, всё как обычно. Но что-то неуловимо тревожит. Что-то помимо рутинных уже переживаний об Алексее и родителях. Когда Кир не выходит в привычное время к завтраку, решаю проверить его. Стучусь в дверь, он не отвечает. Может, конечно, отсыпается после вчерашнего, сегодня у него заслуженный выходной. Но зудящая тревога заставляет меня приоткрыть дверь и заглянуть в комнату. Мальчишка, ожидаемо, спит, но что-то в его облике настораживает меня. Подойдя ближе, понимаю, что он весь покрыт бисеринками пота, а дотронувшись, фиксирую чрезвычайно высокую температуру. Чёрт, вот только этого не хватало. Легонько трясусь его в надежде добудиться, но Кир не реагирует. И как мне транспортировать его в больницу? Сама не дотащу до машины. Да и опасно это, видимо с рёбрами всё же что-то серьёзное. Есть ли здесь скорая помощь и уж тем более её номер, я не знаю. Из доступных опций только позвонить Дине и попросить о помощи их с Джавадом. Что я и делаю. Дина на удивление быстро берёт трубку. Выслушав, в чём дело, велит ждать и сбрасывает звонок. Буквально через пятнадцать минут я слышу знакомые звуки сирены экстренных служб. Почти одновременно со скорой приезжает и

Джавад. Я рада, что он здесь, так как моих познаний в языке явно не хватит для объяснений с врачами. Осмотрев парня, они кладут его на носилки и грузят в реанимационный автомобиль. Нахожу документы, в спешке накидываю одеяние мученицы и вместе с другом Кира отправляюсь в госпиталь вслед за скорой. По пути Джавад звонит кому-то, как я предполагаю его родителям. В больнице, само собой, нас не пускают дальше приёмного покоя. Вскоре приезжают отец и мать Кирама. Пытаются узнать у Джавада, а потом и на рецепции, что с их мальчиком. Но ответов нет ни у нас, ни у дежурного медбрата.

Минуты ожидания складываются в часы, а нам не приносят никаких новостей. Мне в голову закрадывается подлая по своей сущности мысль, что если он умрёт, то меня отправят домой. Наверное. И она настолько шокирует, что я отрециваюсь от неё всеми силами. Не такой ценой. Когда от кофе уже кружится голова, к нам, наконец, выходит врач и что-то долго объясняет Самиру.

Новости не самые утешительные. На ребре трещина и ночью открылось внутреннее кровотечение. Сейчас уже опасности для жизни нет, лишнюю кровь откачали, прооперировали. Врач сказал, что Киру необходимо остаться в больнице на несколько дней, побыть под наблюдением. Но, скорее всего, он быстро пойдет на поправку, организм молодой и сильный, справится. Прогноз благоприятный.

Нас пускают к нему в палату, наказав сильно не трево-

жить. Выглядит Кир не очень, честно говоря. О чем он беседует с родными, я не понимаю и скромно стою в сторонке. В итоге переговоров родители покидают палату, попрощавшись со мной и поблагодарив за своевременно вызванную помощь.

– Здесь не за что благодарить, – говорю уверенно.

Джавад предлагает отвезти меня домой, отдохнуть и пообедать. Но тут вмешивается сам виновник торжества:

– Остайся, – просит Кир точно так же, как сделал вчера. И я думаю, что всё могло быть гораздо лучше, если бы я действительно осталась накануне. Быстрее сообразила бы, что нужно в больницу. Тряхнув головой, отгоняю эту мысль. Не я заставляла его заниматься этим опасным видом спорта, и мы не в тех отношениях, чтобы я оставалась на ночь. Моей вины в произошедшем точно нет.

Тем не менее, я сажусь рядом с его кроватью, беру за руку и никуда не ухожу. Джавад, задумчиво кивнув каким-то своим мыслям, оставляет нас одних. Только обещает на прощание, что пригонит мою машину ближе к вечеру.

Видно, что мальчишке очень плохо, язык еще заплетается после наркоза, но он остаётся верен себе:

– Я тебя поймал, теперь никуда не уйдёшь.

– Не уйду, – обещаю. – Поспи, во сне быстрее выздоравливаешь.

День тянется бесконечно. Кир то спит, то бодрствует, но мы особо не общаемся в эти периоды, он слишком слаб.

Заботливый персонал приносит мне нормальный обед, в то время как Кираму достаётся жидкий бульон. Мальчишка недовольтно фыркает, пытается выпросить у меня мясо, а, не добившись успеха, обзывает жадиной. Ближе к вечеру Джавад приносит ключи от машины, и я отправляюсь домой, пообещав прийти завтра утром. Так тоскливо, по-больничному, проходит неделя. По просьбе Кира я читаю ему свою любимую книгу, а он язвительно комментирует каждую страницу, уличая персонажей в неправдоподобности. Рассказываю о некоторых своих путешествиях. Особенно его интересует моя поездка в Листан, и кто вообще меня туда отпустил. А меня никто и не отпускал, спонтанно вышло. Просто знакомые ребята поехали с гуманитарной миссией, а я увязалась с ними. Родители и Алекс, узнали о моём приключении уже постфактум. Родители мне потом долго ещё читали нравоучения о моей глупости и безрассудности. Но ведь не зря же всё было, хорошему человеку помогла. А Алекс, он только грустно посмотрел и попросил больше так не делать. При воспоминании об этом, сердце обливается кровью. Вот и не сделала. Но кто же знал, что мирная Палера окажется опаснее охваченной войной страны? К концу заключения в палате Кир, которому всё ещё не разрешают вставать, изводит меня по-полной. Он капризничает как маленький ребёнок, требует внимания и развлечений. На мои закономерные слова, что он ведёт себя как младенец, мальчишка лишь надувает губу и требует наклониться поближе. Чтобы немедленно

доказать, что он никакой не малыш. Не получив требуемое, ругается и грозит страшными карами, как только сможет ходить. А я вдруг задумываюсь о том, что захоти он, мог бы уже сто раз причинить мне вред. Но нет, Кир не трогает меня два месяца. Почти не трогает. И я действительно не боюсь его больше. Точно не в том плане, в котором боялась изначально. Уверена, что насиловать меня мальчишка не будет, бить тоже. Но вот пытаться залезть мне под юбку, это сколько угодно. А как его убедить перестать, я не знаю.

В конце концов, его выписывают домой, со строгим наказом не заниматься единоборствами ближайшие два месяца. Еще неделю он спокойно сидит дома, следуя наставлениям врача, но уже в середине мая не выдерживает и выходит на работу. Правда, от тренировок всё же пока воздерживается.

После больницы Кирам гораздо более задумчив, чем раньше. Хотя, казалось бы, куда уж больше. На какое-то время он перестаёт донимать меня со своей неудавшейся половой жизнью и я выдыхаю. Только, боюсь, надолго его не хватит.

КИРАМ

Я не помню, как оказался в больнице. По словам Джавада, Мари позвонила Дине, обнаружив меня без сознания и с высокой температурой. Всё-таки беспокоилась, и это греет душу. Рёбра адски болят, лежать надоело до ужаса, а не

встанешь. Может, я и капризничаю, но совсем немного. И потом, имею право. Мари приходит каждый день рано утром и остаётся со мной до вечера. Её тихое присутствие скрашивает черный кошмар нахождения в клинике. Мне интересно слушать истории моей девочки, из неё хороший рассказчик. Поражает, как много она путешествовала и в каком количестве переделок побывала. Я воспринимал её как хрупкую девушку, но сейчас понимаю, что Мари гораздо сильнее, чем кажется на первый взгляд. И, наверное, именно поэтому я проиграл сам себе тот глупый спор о том, что она станет моей к концу марта. Уже май, а я так и не преуспел. Как-то раз ближе к вечеру, она заявляет, что устала быть моей Шахерезадой, и у неё пересохло горло. Я знаю эту историю, и знаю, что Шахерезада в итоге стала женой Шахрияра. Нет, моё сердце, ты будешь рассказывать мне сказки всю жизнь, наша тысяча и одна ночь только начинается.

Дома становится гораздо легче, но всё равно долгое время, пока я нахожусь на больничном, не знаю, куда себя деть. Без тренировок тоскливо. Да и в целом как-то невесело. Однажды ночью, когда трещина ноет особенно сильно, меня посещает мысль, что Мари могла и не успеть. И не было бы больше на свете Кирама. Дыхание прошедшей так близко, уже в который раз, смерти, замораживает что-то внутри и я много рефлексирую о бренности бытия. Даже оформляю завещание, в котором отписываю всё моё состояние, немаленькое теперь за счет победы в чемпионате, моей девочке.

Так же наказываю Джаваду позаботится о ней и вывезти в Арану или любую другую свободную страну, если со мной что-то случится. На что брат обзывает меня идиотом, велит выбросить из головы дурные мысли и взяться за ум.

Постепенно раны заживают, и чем дальше, тем больше я возвращаюсь в норму. Не бывает худа без добра: с изумлением понимаю, что мы смогли найти общий язык с Мари. Мы почти не язвим друг другу и, кажется, вышли на какой-то новый уровень отношений. Когда говорю ей об этом, она смеётся и заявляет:

– Ага, мы теперь как престарелые супруги, которым скучно вместе, потому что один знает наперёд, что скажет другой. А вообще, – добавляет после небольшой паузы. – Давно надо было тебя стукнуть, как следует, – я слышу улыбку в её голосе и не обижаюсь. Всё-таки она у меня редкая ехидна.

МАРИ

Май проходит в пустых делах, Кир почти не беспокоит меня, замкнувшись в себе, и я радуюсь затишью. Никогда бы не подумала, что буду жаждать одиночества, раньше я не могла его переносить просто на физическом уровне. Но ведь лучше одному, чем с кем попало. Весна заканчивается и наступает день, который я раньше так сильно любила. Первый день лета. Мой день рождения. Проводив Кира на работу, предаюсь воспоминаниям, от которых подозрительно щиплет глаза, но я уже не могу остановиться. С самого раннего детства мы с родителями неизменно отмечали мой день рождения на пляже. Где бы ни были мы до этого, но первого июня все встречались в родном городе и днём ехали на Небесный пляж в пригороде Кио. Когда подросла и стала отмечать этот праздник с друзьями, то под встречу с ними обязательно отводила вечер. Традиция «деньрожденного» пикника была нерушима все двадцать пять, теперь уже двадцать шесть, лет моей жизни. Представив в красках, как сейчас чувствуют себя мама, папа, Лиз и Колин, я не смогла сдержать слёз.

Кир как раз доехал до офиса и вышел на связь. Услышав всхлипывания, которые никак не удавалось остановить, стал допытываться, что произошло. К счастью, его доволь-

но быстро отвлекли. Я же тем временем умылась и смогла взять себя в руки. День тянулся как обычно, но на душе было муторно. А ведь он всегда приносил мне только положительные эмоции, день моего рождения. В обед, когда Кирам отключился, зная, что у меня есть минимум час свободного времени, я схватила ключи от машины и поехала прочь из дома. Оставаться там сегодня было невыносимо. Я ехала практически на автопилоте, хорошо, что этот городок такой крошечный и сонный, машин на дороге почти не было. Стоило мне уехать с привычного маршрута, тут же раздался звонок. Разговаривать с ним не хотелось до одури, но, исходя из предыдущего опыта самостоятельной прогулки, я решила, что гораздо выгоднее взять трубку.

– Да, Кир, – ответила не глядя. Совершенно не сомневаюсь, кто звонит.

– Куда ты? – коротко спросил он.

– На пляж дивов, – честность, как известно, лучшая политика.

– Что случилось?

– Ничего, просто захотелось, – услышав скрип зубов, решила сильно не нарываться. – Всё будет в порядке, если там кто-то есть, я тут же уеду.

– Мари, естественно там никого не будет. На улице плюс сорок два, никто в здравом рассудке летом не выходит из-под кондиционеров до вечера. Это опасно, ты можешь получить тепловой удар.

– Мне приятно, что ты за меня волнуешься, правда, Кир. Но мне надо на пляж именно сегодня, сейчас. Я ненадолго. Ты же сможешь пережить остаток дня без меня?

В ответ раздаётся какое-то рычание вместо слов, и он сбрасывает звонок. На самом деле он уже вполне обходится без моей помощи в офисе, привыкнув к пространству и окружению. Коллеги же, зная о его особенности, сами убираются с его пути. Нет, за мальчишку я не переживаю.

Вот и пляж. Солнце печёт нещадно, но я с упёртостью мазохиста преодолеваю крутые ступени. Шёлк платья хоть немного холодит, и по здравом размышлении, я решаю не снимать его и никак – обгореть не лучшая идея. Я приехала к морю, но это не то море. Не тот пляж. Всё не то. И облегчения, на которое надеялась, я не испытываю. Только удрушающую жару. Всё же климат Кио хоть и жаркий, но гораздо более благоприятный, там никогда не бывает такого зноя. Вечные комфортные двадцать восемь градусов. Подойдя к самой кромке воды, шепчу волнам отнести мой привет близким, передать, что я люблю и скучаю. Но это всё, конечно, сентиментальные глупости. Не пробыв на пляже и пятнадцати минут, я возвращаюсь в машину.

Решив хоть чем-то побаловать себя сегодня, заезжаю в магазин и набираю разных сладостей. И тут меня осеняет. Бутылка в руках Рашида. Он ведь поставил её за диван. И я более, чем уверена, что она всё ещё на месте. Если этот день уже ничем не исправить, тогда хотя бы расслаблюсь, решаю

я. И, выложив из тележки уже непривлекательные для меня лакомства, отправляюсь добывать закуски и колу.

Бутылка находится на своём законном месте. Ого, как тут пыльно, видимо, робот до этого места не добирается. Но я тут же забываю об этом, как о чем-то совершенно незначительном. Включаю глупый сериал и занимаюсь тем, чем никогда не занималась раньше – напиваюсь в гордом одиночестве. Всё когда-то бывает впервые.

К моменту, когда мой надзиратель возвращается домой, мне уже достаточно весело и море по колено. Видимо, у Кира не только тонкий слух, но и нюх. Едва зайдя в гостиную, он морщит нос и спрашивает, по какому поводу вечеринка.

– Как ты мог забыть о дне рождения своей любимой наложницы, мой великий господин? – потеряв всякий стыд, кривляюсь я. Мальчишка выглядит ошеломлённым, только непонятно, моим нетрезвым состоянием или днём рождения. Скорее всего, и то, и другое.

– Мари, – начинает было, но тут же умолкает, ибо, что тут скажешь.

– Не переживай, Кир. Откуда тебе было знать? – иду на мировую. Но тут же снова нападаю. – Ты же не моя семья. И даже не друг.

Вижу, как раздуваются его ноздри. Никто не любит слышать правду. Склонив голову к плечу, наблюдаю за ним. Все происходящее жутко веселит и вызывает пьяные смешинки. Смотрю, как Кир медленно приближается ко мне, но не де-

лаю попыток удрать. Почему-то в данный миг не ожидаю от него подвоха. Он же хватает меня, закидывает на плечо и выходит из гостиной. Торча попой кверху, я совершаю увлекательнейшее путешествие в... душ. Его душ. Поставив меня на ноги, Кир врубает холодную воду. А я, вместо того, чтобы возмутиться творимым произволом, начинаю хохотать. Вид злого и мокрого Кира ужасно меня веселит. Он же спокойно стоит и ждёт, когда меня отпустит, впрочем, не убирая рук с моей талии. Наконец, отсмеявшись, я понимаю, что ледяная вода мне не нравится категорически и меняю режим. Подставив лицо тёплым уже струям, от беспричинного смеха перехожу к таким же беспричинным слезам. Хотя нет, вот как раз для слёз у меня причин, пожалуй, хватает. Видимо, уловив перемены в моём настроении, Кирам обнимает меня и крепко прижимает к себе.

– Никогда так больше не делай, – говорит мне на ухо. – Это не достойно тебя, ты же гораздо выше этого, Мари.

– Да что ты вообще обо мне знаешь! – возражаю запальчиво и выкручиваюсь из его рук. Кир отпускает, хотя для него не составит труда удержать меня. Мне не хочется идти через весь дом в мокром, противно облепляющем ноги, платье, поэтому просто снимаю его прямо в душе и бросаю на пол. Туда же отправляются бра и трусики.

– И только поробуй ко мне прикоснуться, – шиплю злобно, заметив, как Кир провожает глазами сброшенную одежду. Бесстыдно протиснувшись мимо него, гордо удаляюсь в

свою спальню. По дороге бурчу себе под нос, что даже напиться спокойно не дадут.

КИРАМ

Господи, дай мне сил остаться адекватным человеком. С такой ненормальной бейгали это почти непосильная задача. Когда Мари разделась и, абсолютно обнажённая, протиснулась мимо меня, сбегая из душа, я еле сдержался, чтобы не схватить и не зацеловать поганку. Но я не хочу и не могу воспользоваться её состоянием, всё должно быть по-честному.

А с днём рождения я, конечно, облажался. Может, есть ещё шанс что-то исправить? Вспоминаю, что давно не дарил ей цветов, с момента как попал в больницу, и тут же заказываю несколько букетов. Но за одни только цветы мне прощения не видать. Да и не только в прощении дело. Хочется поднять её настроение, порадовать. Эти слёзы утром, дурацкая поездка на пляж и неизвестно откуда взявшийся алкоголь говорят только об одном – моей девочке весьма и весьма паршиво. Как она привыкла отмечать свои праздники? Наверняка, в компании друзей на весёлых вечеринках. Мои друзья пока не стали её друзьями, без сомнений, такие гости не поднимут Мари настроения. Даже думать не хочу, что кроме друзей ей нужен ещё и Эванс. Меня достаточно. Должно быть. Мне нужен идеальный подарок, чтобы отвлечь её, убедить, что в Палере, и со мной в частности, не так уж и плохо.

Знаю, что у Дины спрашивать бесполезно, они слишком разные. Дозвониться до Мэй не выходит. Тогда залезаю в международную сеть и задаю в поиск ее имя. Что-нибудь должно же вылезти. И вылезает. Лучше бы я посоветовался с Диной, сберёг бы нервные клетки. Среди статей, написанных Мари, мне попадаетея её видео-интервью. И дает это интервью она вместе со своим женихом. Весёлым и беззаботным голосом, какой редко слышу от неё, она обсуждает с девушкой-репортёром и своим придурком предстоящую свадьбу. Место, количество гостей, наряды, угощение и прочие мелочи, что так волнуют девушек. Голос её парня вызывает глухое раздражение. Уже собираюсь прекратить издеваться над собой, как слышу то, что приносит идею подарка. Если заказать прямо сейчас, то можно ещё успеть.

Сделав все необходимые приготовления, отправляюсь за именинницей. Она не спит, как можно было бы подумать, исходя из её состояния буквально час назад. Сидит на кухне, пьет кофе и, даже не видя, понимаю, что девушка очень расстроена.

– Мари, – окликаю её тихонько. – У меня есть для тебя сюрприз. Но он не здесь.

Выжидаю, как она отреагирует. Ведь может и послать, и тогда придётся уговаривать. А выезжать лучше прямо сейчас, чтобы успеть до заката. Она же в который раз удивляет меня, ломая шаблоны. Подходит, берёт меня за руку и просто говорит:

– Поехали.

Когда приезжаем на пляж, всё заказанное уже там. Нас встречает представитель агентства и проводит к палатке, в которой и находится до поры до времени сам сюрприз. Увидев его, Мари замирает, надеюсь, что радостно.

– Как ты догадался? – спрашивает изумлённо. А затем бросается мне на шею и крепко обнимает. И это гораздо приятнее любых слов благодарности.

Затем Мари скрывается в палатке, где она, как я знаю, переодевается в закрытый традиционный купальник. Потом уходит в воду с девушкой-инструктором. Я не могу видеть, что происходит там, в море, но очень надеюсь, что сейчас моя девочка счастлива. Воображение рисует, как она седлат волны на своей доске, а закатное солнце подсвечивает светлые волосы. Но должен признать, что моя картинка далека от реальности – воображаемая Мари одета лишь в крошечный купальник, а не скрывающий даже причёску буркини.

Пока она развлекается, я наслаждаюсь тишиной и покоем дикого пляжа, дышу морским воздухом и удивляюсь, почему мои соотечественники так не любят проводить время на побережье.

Спустя два часа, абсолютно счастливая, она подходит ко мне и говорит: «Спасибо». А я улыбаюсь, зная, что она улыбается мне.

МАРИ

На следующее после дня рождения утро мне ужасно стыдно за вчерашнее поведение. Особенно за провокацию в душе. Ведь Кирам вполне мог повести себя иначе, и перекалвалифицировалась бы я в статус любимой наложницы господина по-настоящему. Но долго терзаться я совершенно не намерена, это не в моём стиле. Что было, то было. Берём на заметку и больше таких ошибок не совершаем. Тем более и алкоголь мне взять больше негде – остатки элитного виски были нещадно вылиты в раковину ещё вчера. Воспоминания о его подарке приносят массу позитивных эмоций и начисто смыывают покаянные мысли. Снова встать на доску было так здорово, ощутить под собой движение волны и свободу стихии – бесценно. Никогда бы не подумала, что это возможно здесь, тем более инструктором была девушка. Видимо, как и во всех мирах, с определённым количеством денег можно получить всё, что угодно.

Я рано встаю, как и всегда, и начинаю свой обычный день. Довольно быстро можно привыкнуть ко всему, оказывается, даже к неволе. За завтраком Кир не упоминает ни мое отвлечённое поведение, ни свой подарок, и я безумно рада этому. Когда я сочувственно говорю ему, что ходить в такую

жару в костюме – это пытка, он улыбается и заключает меня в объятия. Чмокает в нос и уходит. Ну, да, на улице он почти не бывает, из машины сразу в здание, всегда под кондиционером. Об этом я, конечно, не подумала. Кажется, я уже совершенно свыклась со всей этой рутинной – с завязыванием его галстука по утрам, с уборкой и стиркой, с необходимостью выходить из дома в броне. Я на секунду замираю, любуясь присланными вчера цветами. Они шикарны, но это совершенно не то, что подарил бы мне Алекс. Скорее всего, вместо красных помпезных роз были бы пышные белые пионы, вместо лилий с удушающим запахом – нежные тюльпаны. Сколько всяких «бы».

В обед отправляюсь в магазин, в разгар дня там пусто из-за жары – местные отсиживаются по домам. Но не в этот раз. Встречаю в кондитерском отделе Амину, одну из девушек, с которыми познакомилась в день боя – бейгали Рашида. Она мило щебечет, как рада встрече, и знакомит со своей подругой – Газаль. Меньше всего мне сейчас хочется общения, но и просто уйти, свернув разговор, не выходит. За кукольной внешностью и сладким голоском меж тем скрывается настоящая сука.

– Кирам так сильно экономит на тебе, да? – спрашивает паршивка, а ее подружка «сочувственно» кивает.

– Почему ты решила? – интересуюсь холодно.

– Ну как же? У тебя совершенно нет никаких украшений, – наигранно всплёскивает руками. – И платье верхнее

все время одно и то же! – я в замешательстве. Эти хламиды ещё и должны быть разными? Как они их вообще различают?

– Я предпочитаю получать подарки яхтами, – отбрываю нахалку.

– А это правда, что твой господин совсем не балует тебя? – неожиданно спрашивает её не менее наглая подружка.

– В каком смысле? – не понимаю вопроса.

– Он же убогий, – поясняет «добрая» девушка. – А все знают, что они в постели не сильны.

Хочется рассмеяться от такой дремучей глупости, что я, в общем-то, и делаю. Юная хамка смотрит на меня непонимающе. Не могу же я уронить авторитет «своего господина»? Явно вся полученная от меня информация будет многократно обсуждаться и в гипертрофированном виде дойдет до ушей друзей Кира.

– О, нет, – отвечаю с воодушевлением. – Кирам просто бог в постели, – я чуть наклоняюсь к ней и «доверительно» шепчу. – Ты разве не знала, что у слепых «там», – киваю вниз, – намного больше, чем у обычных парней.

Когда смотрю в ее расширившиеся от удивления глаза, понимаю, что все мои слова были приняты за чистую монету. Наскоро распрощавшись с девушками, спешу завершить покупки и только в машине позволяю себе от души расхохотаться. Боже, боюсь представить, какие милые слухи теперь будут ходить про моего мальчика. Я в шоке замираю от этой мысли. С каких пор он «мой мальчик»?

За ужином, внимательно разглядывая мальчишку, замечаю, что ему пора бы постричься. Он кивает на мое предложение и просит записать в салон. Потом, немного подумав, выдает:

– Ты, наверное, тоже хочешь?

– Чего хочу? – не совсем понимаю ход его мыслей.

– Вот этого всего – хамам, стилист. Вы же, девочки, это любите.

– Любим, конечно. А с чего вдруг такая забота?

– Почему вдруг, Мари? Это звучит обидно, – он отбрасывает с лица порядком отросшую чёлку и продолжает. – Я хочу, чтобы у тебя было всё самое лучшее, просто как-то не задумывался об этом. Только сейчас понял, что ты не ходишь в такие места.

– Как-то, знаешь, не до этого было, – хмыкаю, не в силах сдержать свою повышенную вредность.

– Ты посоветуйся с Диной, она подскажет, где лучше всего. А ещё лучше, сходи вместе с ней, – игнорирует мой скепсис Кир.

– Я подумаю, – отвечаю расплывчато. – А как ты бреешься? – спрашиваю неожиданно даже для себя, что уж говорить про мальчишку. Ну, да, странный вопрос, мы уже не первый месяц живём под одной крышей, а я до этого не интересовалась, как он проделывает такие вещи.

– На ощупь, – отвечает, ни капельки не смутившись.

– Так гладко. Если бы я брилась на ощупь, точно половина

волос осталась бы на месте, – шучу я.

– Могу предложить свои услуги, – глумится Кир. – Где тебя надо побрить? – в этот момент он похож на довольного кота, облопавшегося сметаны, и жутко хитрого.

– Спасибо, я справляюсь, – фыркаю в ответ. И на этой веселой ноте мы расходимся по своим комнатам.

Остаток вечера мы проводим порознь. Но уже в ночи, когда я собираюсь ложиться спать, только завершив вечерние процедуры, раздаётся стук в дверь.

– Открыто, – усмехаюсь. Сама же размышляю, что ему могло понадобиться так поздно. Он же не пришёл меня домогаться? В таком случае не стучал бы, правда, ведь?

Кирам выглядит несколько взбудораженным и нервным.

– Что случилось? – задаю вопрос, так и не дождавшись какого-либо объяснения его неожиданному появлению в моей спальне.

– Что ты им сказала? – несколько резковато спрашивает он.

– Кому им? – искренне недоумеваю.

– Амине и ее подруге, – уточняет парень.

– Вроде ничего такого, – всё ещё не понимаю, к чему он клонит. – Что случилось?

– Мне звонил Рашид, спрашивал, когда же будет вечеринка на яхте?

– На какой яхте, какая вечеринка? – всё ещё туплю я.

Потом до меня доходит, и я просто умираю от смеха.

– Что смешного? – не выдерживает пребывания в неизвестности Кирам.

С трудом проглатывая смешинки, все же рассказываю ему, как было дело:

– Они очень интересовались, почему ты не покупаешь мне украшений, намекали, что ты жмот, а я нелюбимая жена. Ну, я и сказала, что предпочитаю получать подарки яхтами. Боже, – снова не выдерживаю и срываюсь на смех. – Они совсем не знают, что такое сарказм, да?

Вместо того, чтобы посмеяться вместе со мной, Кир подозрительно интересуется, говорила ли я им что-нибудь кроме этого.

– Ты только не ругайся, ладно? – уточняю сразу на всякий случай, парень же от моих слов лишь напрягается. – В общем, они интересовались, насколько у нас все плохо с сексом. Кстати, странные у вас поверья, что «убогие» в постели просто ноль. И я сказала, что у слепых член гораздо больше, чем у видящих. И, по-моему, они повелись.

– Серьёзно? – Кир всё же ловит мою волну, и мы смеёмся вместе.

– Не переживай, – продолжаю я. – Я защитила честь мундира, и сказала что в интимном плане ты – бог. Твоя репутация не пострадала.

Всё ещё смеясь, он подходит ближе, садится на кровать, где я, уютно устроившись с ногами, читала до его прихода книгу, и обнимает меня, так же прислонившись к стене спи-

ной:

– Откуда такая уверенность в моих способностях?

– Никакой уверенности, Кир. Просто не могла же я не показать им их место, – что-то мне уже не так смешно.

– Тебе стоит только попросить, – шепчет на ухо. – И я с радостью продемонстрирую все свои способности. На будущее. Чтобы ты могла оперировать исключительно голыми фактами, – голыми? Я судорожно сглатываю, представив обнажённого Кира во всей красе. Нет, нет, нет.

Отстраняюсь от него, выныривая из-под руки, с трудом собираю в кучу растёкшийся лужицей у его ног самоконтроль, и говорю твёрдое «нет» вслух.

Со вздохом он встаёт и меняет тему:

– Завтра возьму выходной, поедem покупать тебе яхту.

С этими словами Кир выходит, не дав мне возразить.

КИРАМ

Когда я спокойно отжимаюсь у себя в комнате, чтобы совсем уж не растерять форму, звонит Рашид.

– Здорово, божество с огромным членом, – ржёт друг и я, честно, совсем не догоняю прикол. – Я, собственно, звоню узнать, когда вечеринка.

– Какая вечеринка? – спрашиваю насторожённо.

– На твоей яхте, конечно, брат, – не унимается Рашид. – Брось, весь город уже знает, что ты подарил своей бейгали

яхту. Она сама сегодня Амине сказала, – если сказать, что я в ступоре, это всё равно, что ничего не сказать. Бред какой-то. Мари хвасталась несуществующей яхтой едва знакомой девушке? Что-то не верится.

– Насчёт вечеринки пока ничего обещать не могу, – съезжаю с темы. Быстренько завершаю разговор и отправляюсь выяснять, в чём именно кроется подстава, к первоисточнику проблемы.

Выяснив подробности, не могу не рассмеяться. Повезло мне, что Мари у меня такая колючка и за словом в карман не лезет. То, как она заступилась за мою честь и достоинство (в буквальном смысле), приятно. И заставляет верить, что я для неё больше не посторонний. Прикинув за и против, решаю, что и правда имеет смысл купить яхту. Не обеднеем, а девочке моей будет приятно. Ну и нос сплетницам утрём.

И, конечно, не могу не попробовать снова и делаю предложение проверить лично, соответствует ли реальность её ожиданиям. Прижимать её к себе так уютно, с удовольствием остался бы в этой узкой и неудобной кровати до утра. Мари, впрочем, в который раз отшивает меня, но на этот раз не огорчаюсь. Ещё немного и дожду, уверен: слышу же, как сбивается дыхание, когда касаюсь её. А кроме прочего уже на днях должен реализоваться мой немудрёный план. Проверенный хакер разместит на крупных новостных порталах интересную новость про её БЫВШЕГО жениха, фотоподтверждение уже подготовлено. Обратный отсчёт: три-два-один и

прощай, красавчик Эванс. Да подло, конечно, но победитель может быть только один. А отступать я не привык, что моё – то моё.

МАРИ

Если мальчик хочет потратить немного миллионов, то кто я такая, чтобы ему мешать? С утра пораньше мы отправляемся в столицу, смотреть яхты. Заранее обговорив сумму, которую мы можем потратить на это удовольствие, Кир вручает мне бразды правления и велит выбирать то, что понравится. Исходя из того, что бюджет не такой уж большой, мы договариваемся на просмотр нескольких старых, но надёжных моделей, бывших в употреблении. И даже получается сэкономить, из ста выделенных миллионов тратим всего сорок на саму яхту и энную сумму на её дальнейшее обслуживание за год вперёд. Там же, не отходя от кассы, нанимаем капитана. Кир управлять естественно не сможет, а мои умения не распространяются столь далеко.

Выбранная «Морская линия» достаточно комфортная, хоть и старенькая. Пятнадцать метров в длину, три спальни, кают-компания и камбуз. То, что нужно для небольших прогулок. Не так хороша, как та, что есть у моего отца, но тоже вполне симпатичная. Кираму же, кажется, без разницы, что покупать. Подписав все необходимые документы, он вручает их мне и хитро щурится.

– Что? – не выдерживаю я.

– Мне нравится, как ты тратишь деньги, – говорит с улыбкой.

– Вообще-то, это была твоя идея, – напоминаю ему.

– О, нет, солнце, идея как раз твоя. А я, как раб лампы, не могу противиться пожеланиям своей госпожи, – выражается витиевато и напыщенно, а сам смеётся.

– Дурак, – хлопаю его по плечу.

– Уж какой есть, – отвечает Кир, любит, чтобы последнее слово всегда оставалось за ним.

Он договаривается, чтобы ласточку перегнали на пристань нашего городка к субботе, и мы возвращаемся домой. По дороге перебрасываемся необходимыми колкостями, и, кажется, находим взаимопонимание.

К выходным я получаю поздравления с новой «движимостью», не только от Дины, но и от остальных знакомых девушек. И массу не очень тонких намёков, что неплохо бы показаться. Кир на это только посмеивается. В конце концов, он договаривается с друзьями о совместной морской прогулке на вечер субботы. Меня же терзает один вопрос:

– Кир, там тоже придётся ходить в никабе?

– Нет, почему? – удивляется он.

– Но там же будет капитан, – объясняю причину своего замешательства.

– Не переживай, – уверенно говорит парень, – в стандартном договоре найма есть пункт, что он обязуется не заходить в личные помещения, за исключением случаев, когда жизни

пассажиров угрожает опасность.

– Ясно, – киваю, успокоившись немного. Но потом уточняю еще один немаловажный нюанс. – На вечеринке мы будем купаться? Мне нужно взять этот чудный купальник, похожий на гидрокостюм?

Кир, до этого явно не задумывавшийся о подобных мелочах, кивает. Потом добавляет примирительно:

– Когда мы будем на яхте вдвоём, можешь плавать без купальника, – довольный своей шуткой, которая, кажется, во все и не шутка, он уходит к себе.

В субботу после того, как Кирам возвращается из офиса, мы сразу отправляемся на пристань. Кир с друзьями заносит на лодку всё новые ящики с напитками и закусками, я же в компании девушек прогуливаюсь по причалу.

– Эта яхта не такая уж новая, – не может сдержать своей привередливости Амина.

– Но она точно лучше твоей, – неожиданно вступает за меня Мириам. И я бросаю в её сторону благодарный взгляд, потому что мой ответ точно был бы жёстче, а ругаться в самом начале вечера так себе план.

– У меня нет яхты, – огрызается девушка Рашида, и я, не удержавшись, закатываю глаза.

– В том и смысл, – задорно подмигивает мне Мириам. И я начинаю понимать, почему у них с Диной такие хорошие отношения.

Но вот наш кораблик готов к отплытию, и парни зовут

нас на борт. Там мы разбредаемся по спальням, чтобы переодеться в жуткие по самой своей сути купальники. В чём смысл купания, если ты не чувствуешь воду на своей коже?

Мы отходим довольно далеко от города, и капитан бросает якорь в живописной бухте. Какое-то время наслаждаемся солёной водой и солнцем, уже клонящимся к западу. Причем парни плавают с одной стороны от яхты, а девушки с другой. Даже среди тех, кто является ярким нарушителем традиций, такое разделение – норма. Вдоволь наплававшись, уже на закате, собираемся в кают-компани и продолжаем общаться. Звучит музыка, дымит кальян, мне на удивление хорошо в компании чужих и бесконечно далёких от меня по всем параметрам людей. Никто в этот раз алкоголь мне не предлагает, но я и сама не хочу. Напиться в компании Кира червато, как показала практика. Мне весело и уютно, я забываю про родину, про свои переживания, про всё. И даже Кир, сидящий рядом, не раздражает своим присутствием, наоборот, ощущается сейчас как защитник, как кто-то близкий. Странно. Он держит меня за руку, поглаживая ладонь, а я не спешу забирать её.

Тем не менее, вечеринка неизменно подходит к концу, и мы возвращаемся в город. Распрощавшись с ребятами, Кир предлагает остаться ночевать на яхте. И я нахожу эту мысль чрезвычайно заманчивой. Нас мерно покачивает на волнах, убаюканная извечной колыбельной моря, я засыпаю так сладко, как еще никогда не спала в Палере.

Наутро нам не надо никуда спешить, поэтому я сплю безумно долго, часов до восьми. А когда все же выбираюсь на палубу, удивлённо озираюсь вокруг. Мы уже не на приколе, а снова в той бухте, что были вчера. По всей видимости, я проспала появление капитана. Кир сидит расслабленно под навесом на низком диванчике и потягивает горячий чай. Как только сам сделал? Чего я до сих пор не могу понять, так это того, как местные пьют практически кипяток в любую жару. Я как-то предпочитаю что-нибудь со льдом. Много льда. Налив себе стакан холодного сока, присоединяюсь к Киру и желаю ему доброго утра. Он выглядит крайне благодушно и улыбается на мои слова. Предлагает разделить с ним завтрак – остатки вчерашнего пиршества, и я, само собой, не отказываюсь.

– Будешь купаться? – спрашивает он после того, как мы утоляем голод. – Лучше сделать это до десяти часов, потом жара станет невыносимой.

Тут я полностью согласна, лучше сделать это прямо сейчас.

– Мы же одни? – уточняю на всякий случай.

– Одни, – ухмыляется он. – И капитан.

– Но он же не будет подглядывать, так?

– Абсолютно верно, – соглашается Кир.

С радостным писком я сбрасываю платье, и даже белье. Море пустынно, и стесняться мне некого. А ходить в мокром после купания не хочется.

КИРАМ

Идея остаться ночевать на яхте была так себе. От постоянной качки толком не могу уснуть и ворочаюсь в новой непривычной кровати. Вспоминаю руку Мари в своей ладони. Она привыкает, больше не сбегает при малейшем прикосновении. Это такая малость, но и она наполняет сердце радостью. Засыпаю, размечтавшись, что совсем скоро буду делать это в её компании.

Уже ранним утром вызываю капитана, и мы отправляемся снова во вчерашнюю бухту. Мари же хотела поплавать без свидетелей. Я тоже не против освежиться – вчера так и не сделал этого, не хотелось показывать свою слабость перед парнями. А с Мари можно расслабиться, она не будет глумиться, если попрошу её следить, чтобы я далеко не отплывал от яхты. После завтрака предлагаю мой девочке искупаться и слышу, как она обрадовано сбрасывает платье, и, похоже, не только его. Это... восхищает.

– Ты собираешься плавать нагишом? – спрашиваю, стараюсь звучать непринуждённо.

– Почему нет? – привычно отвечает вопросом на вопрос. О, да, солнце мое, ещё какое да. Вопрос явно риторический, и вместо ответа я скидываю одежду полностью, как и она. Возможно, в том, что я не вижу, есть свои плюсы – разве решилась бы она вот так запросто раздеться, если бы я её

видел? Зря она рано сбрасывает меня со счетов – видеть не могу, но могу поймать.

– Эй, – пытается возмущаться. – Ты что делаешь?

– Почему тебе можно, а мне нельзя? – интересуюсь невинно.

– Потому что ты меня не видишь, а я тебя вполне, – возмущается Мари.

Ну, так любуйся, моё сердце, мне не жалко. Вместо этого говорю вслух другое:

– Согласен, очень жаль, что я тебя не вижу.

Слышу, как она подходит, но не ожидаю подвоха. И прежде, чем успеваю что-то сделать, лечу спиной в воду. Она что, столкнула меня? Вот зараза. Уловив рядом всплеск, ныряю навстречу звуку. Но там её уже нет. Какое-то время мы играем в жмурки, веселимся и брызгаемся. И это необыкновенное, забытое чувство. Почти как в детстве. В конце концов, мне удаётся изловить свою рыбку, и контакт обнажённых тел вышибает дух. Оба дышим тяжело после быстрого заплыва и от накативших ощущений. Нахожу её солёные губы и не могу оторваться. Она отвечает с не меньшей страстью. Мы целуемся бесконечно долго и нежно. Но, как и всегда, она сбегает, ускользает.

– Не надо, – шепчет, явно имея ввиду: «Продолжай». Отталкивает меня и ныряет, скрываясь в морской глубине. Моя девочка никак не может отпустить себя, и мне остаётся только ждать. С каменным стояком залезаю обратно на палубу

и скрываюсь в каюте, чтобы хоть немного облегчить свою участь в душе. Можно было бы настоять, она не удержалась бы. Но я твёрдо решил, что Мари должна выбрать меня совершенно добровольно, без сожалений. Так будет правильно.

Несколько позже мы сидим в тени под навесом, между нами неловкое молчание. Мари первой нарушает тишину:

– Знаешь. Я не понимаю, почему вы живёте у моря и так неохотно проводите время на воде.

Мне нечего на это сказать, я и сам не понимаю. Она же берет меня за руку, подводит к ограждению яхты и встаёт рядом.

– Я знаю, ты его не видишь, но ведь можешь почувствовать. Брызги на лице, вкус соли на губах, солнечные лучи и дыхание ветра. Вдохни океан, Кир. Он не может не понравиться.

И я абсолютно согласен. Ты – мой океан, и я не могу тобой надышаться.

МАРИ

Солнце и вода действуют на меня умиротворяюще, следующие несколько дней нахожусь в приподнятом настроении. Потому что знаю: как только Кир вернётся из офиса, мы отправимся на морскую прогулку. Это, наверное, самые счастливые дни из тех, что были у меня в Палере. Но их выпало на мою долю не так уж и много. Каждый вечер, окунаясь в тёплый ласковый океан, я чувствую себя живой и верю, что надо всего лишь немного потерпеть. Однажды я смогу отправиться домой. Кир больше не пристаёт, не пытается поцеловать или как-то иначе намекнуть на развитие наших отношений, чем радуется неимоверно. Мы просто общаемся и много времени проводим в воде. Да, без одежды, но он меня не видит и не касается, а я стараюсь игнорировать впечатляющее тело мальчишки. Даже почти получается.

В четверг, пока Кирам постигает тонкости управления корпорацией, я делаю то, о чём забыла на эти три дня – проверяю новости с родины. В первое мгновение, кажется, забываю, как дышать. Под заголовком, набранным огромными буквами – **НОВАЯ БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ АЛЕКСА ЭВАНСА** – несколько фотографий, каждая из которых как нож в спину. Алекс идёт за руку с незнакомой светловолосой де-

вушкой. Алекс обнимает все ту же девушку на какой-то вечеринке. И самая сногшибательная, в прямом смысле, – мой жених целует не меня в салоне хорошо знакомой мне машины. Мой бывший жених. Я сижу в оцепенении, не в силах ни заплакать, ни закричать, ни как-то иначе выразить свою боль. Окаменев.

Не знаю, сколько времени провожу так, сидя на холодном мраморном полу кухни. Из ступора меня выводит звонок мобильного. Это Кир. Не могу сейчас разговаривать. Не хочу. Перевожу телефон в беззвучный режим и отправляюсь в ванную. На автомате набираю горячую воду и, уже лёжа в ванне, рассматриваю лезвие безопасной бритвы – размышляю, насколько реально вскрыть вены этой штуковиной. Потом прихожу в ужас от не прошенной и гадкой мысли. Нет. Из-за какой-то глупости лишать себя жизни? Нет. Это не про меня. Я поплачу, и всё пройдет. Может, я буду плакать год, но я вернусь домой. Вернусь живой и здоровой, чтобы обрадовать родителей. Чтобы найти новую любовь. Папа всегда учил меня, что жизнь – это бесценный дар, коим нельзя жертвовать ни при каких обстоятельствах, то, что никак не отыграешь назад. И я цепляюсь за папины слова, чтобы не совершить непоправимую ошибку. Слезы, наконец, прорываются бесконечным потоком. Впрочем, не принося никакого облегчения. Кажется, я никогда не смогу выплакать их до дна. В какой-то момент замечаю, что вода уже остыла и неприятно холодит. В состоянии зомби выбираюсь из ванны,

натягиваю пижаму и с трудом дохожу до кровати, где, свернувшись комочком, впадаю в тяжелый сон без сновидений.

Просыпаюсь резко от того, что кто-то гладит меня по плечу.

– Уходи, – говорю со злостью. Он не слушается, и я срываюсь на крик. – УХОДИ!

– Нет, – отвечает просто. – Что случилось? Почему ты не брала трубку?

Наверное, в этот момент мне просто надо, жизненно необходимо, найти виновного во всех моих бедах. И кроме мальчишки здесь никого нет. В голову приходит только одно – всё из-за того, что я повелась на Кира. Целовала его. Хотела его. Алекс просто почувствовал, что я его отпускаю. Я во всём виновата. Я и Кир.

– Я хочу побыть одна. Уходи, – говорю с тяжелой усталостью.

– Я никуда не уйду, пока не объяснишь, в чём дело, – заявляет этот упёртый баран, ложится рядом и обнимает меня. Это срывает крышу окончательно.

Вскакиваю, вывернувшись из его рук, и ору, чтобы оставил меня в покое. Что я ненавижу его. Это уже натуральная истерика, из которой я не смогу выбраться. Он же с настырностью, достойной лучшего применения, подходит и снова заключает меня в объятия. Сковывает мои руки по швам, чтобы не могла бить его, чего мне в данную секунду хочется безумно. Ещё какое-то время стараюсь вырваться из же-

лезного захвата, но всё без толку, он гораздо сильнее. Снова бесполезные слёзы льются неконтролируемо по щекам.

– Что бы ни произошло, я буду рядом. Всегда, – говорит мне в макушку. Качаю отчаянно головой, отрицая всё и сразу.

– Просто уйди, – уже почти умоляю я. Но, не на того напала. В очереди за упрямым этот парень явно стоял в первых рядах. Мы не двигаемся, замерев, бесконечно долго. Слёзы снова иссыхают, и я перестаю чувствовать, что бы то ни было. Ни боли, ни тоски. Но и хорошего не чувствую тоже – внутри бездонная пустота. Заметив перемены, Кир спрашивает:

– Теперь расскажешь?

– Нет, – отвечаю тихо. Пытаюсь вырваться из захвата, и на этот раз он отпускает. Устало сажусь на кровать, устремив взгляд в никуда. Пустота приносит облегчение, и я не хочу шевелиться, боюсь спугнуть ее. На мгновение замешкавшись, Кир выходит из комнаты, но скоро возвращается – приносит зеленый чай. Садится передо мной на корточки, заставляя сделать хотя бы пару глотков. Затем притягивает меня к себе на колени, и мы сидим так, почти без движения до самой темноты. Он что-то говорит успокаивающее, но я не слышу, не понимаю слов. Потом уходит ненадолго куда-то, но снова приходит, чтобы остаться со мной на ночь, не пристаёт, просто обнимает. Мне без разницы. «Если не Алекс, то неважно кто» – возникает в сознании равнодуш-

ная мысль. И с этого момента я спокойна как робот. Всё наладится, я всё переживу.

КИРАМ

Три дня проходят волшебно, Мари становится живой и какой-то настоящей. Неужели настолько любит воду, и именно возможности плавать в океане ей так не хватало? Радуюсь, что решился на эту покупку, очень выгодное вложение оказалось. Мы целыми вечерами пропадем в море, наслаждаемся обществом друг друга. Когда моя девочка перестанет выпускать колючки по поводу и без, с ней интересно и весело. Стараюсь не прикасаться к ней, пусть расслабится, привыкнет, подпустит ближе. Но продолжаю провоцировать свою красавицу тем, что раздеваюсь полностью, хочу, чтобы она приучилась ко мне. И я знаю, что нравлюсь ей, пусть любит.

В четверг она не возвращается в трансляцию после перерыва, и я звоню, уточнить, что случилось. Мари не отвечает, чем ужасно меня нервирует. С трудом дожидаясь окончания рабочего дня. Я не могу знать наверняка, но похоже на то, что она все же обнаружила заготовленные для неё новости. Когда нахожу всю в слезах, сердце сжимается от жалости. Но лишь на секунду. Злое торжество охватывает меня – с Эвансом покончено! Удерживая рвущуюся из рук птичку, я дово-

лен своей выходкой. Я победил. Проходит время и она успокаивается в моих руках. И так должно быть всегда. В МОИХ руках. Мари отказывается говорить о том, что произошло. Правильно, здесь нечего обсуждать. Просто сотри его из памяти, солнце. Не прогоняет меня ночью, позволяя обнимать себя, и я уже планирую, как она переберётся в мою спальню. Но утром, я замечаю, произошедшие с ней перемены. Когда она равнодушно встаёт, забыв наругаться на то, что уснул в её постели, я ещё радуюсь, надеясь, что теперь-то её ничто не удерживает от того, чтобы быть со мной. Ловлю своё сердце уже у двери, желая доброго утра. Целую нежно. Всё с тем же равнодушием Мари реагирует и на мой поцелуй. Не отвечает и не сердится. Терпит. «Ты закончил?» – спрашивает со спокойствием зомби, стоит мне отстраниться, и, не дождав-шись ответа, уходит на кухню.

Проходит неделя, другая, и я уже не так рад содеянному. Моя девочка не приходит в себя. Всё что она делает, делает автоматически. Не ест, если не напомнить. Не плавает, когда я практически заставляю её отправиться кататься на яхте. Не хочет видеться с Диной. Не смеётся, как бы я ни старался. И, в общем-то, почти не разговаривает. Сложно описать, что я чувствую при этом. Азарт – сколько времени понадобится, чтобы вернуть её себе? Абсолютно точно – злость, что чувства к этому придурку оказались так сильны. Жалость – видеть мою девочку в таком сломленном состоянии невыносимо. И, совсем немного – раскаяние. Но злость и азарт го-

раздо сильнее. Сейчас, когда точно знаю, какой она может быть, я не планирую сдаваться. Она стала необходима мне как воздух. И я упорно каждое долбаное утро встречаю её чашкой кофе и цветами. Стараюсь почаще заманивать на яхту. Дразню её, находясь на связи, когда я в офисе. Она же ужасающе бесчувственна.

Говорят, время лечит. И мне остается только ждать и быть рядом.

МАРИ

В сонном равнодушии проходит лето. Говорят, оно было невыносимо жарким, но я не заметила, в основном проведя его в прохладе домашних стен. С удивлением отмечаю для себя, что на исходе август. Я уже полгода провела в плену, а кажется, как будто один бесконечно долгий, застывший во времени день. Ничего вокруг не меняется, и я не меняюсь тоже. Но это далеко не так. Одним далеко не прекрасным утром, взглянув в зеркало, застываю в изумлении – неужели это я? Щеки ввалились, под глазами темные круги, плечо, кажется, можно обхватить двумя пальцами. Если бы Кир мог меня видеть, думаю, отправил бы домой немедленно, зачем ему такая страшная наложница. Стараюсь припомнить, когда в последний раз ела, но в голове пустота. Словно стряхнув морок, берусь за ум и начинаю тщательно следить за своим рационом. Возвращаюсь к тренировкам, что даётся нелегко – мышцы будто атрофировались. Осталось немного, каких-то полгода и я смогу вернуться домой. Я должна быть в форме к этому времени. «Чтобы не пугать родителей», – думаю я. Но где-то на задворках сознания крутится мысль: «Чтобы показать ему, от чего отказался». Отгоняю её. Нельзя поддаваться соблазну впасть в депрессию снова.

Понемногу становится легче. Я снова чувствую вкус еды, испытываю удовольствие от плавания. Оживаю.

И однажды прошу Кира:

– Давай устроим пикник на яхте?

Он удивлённо улыбается, соглашается с готовностью. В этот вечер мы много разговариваем, и я с удивлением узнаю, что на днях у Кира начинается учебный год – он теперь будет учиться в университете, а работать во второй половине дня. Сквозь плотную вату отрешённости, окутавшую меня этим летом, до меня оказывается не дошла информация, что мы вскоре переезжаем жить в Палеру, ту, что столица. Университет находится там. А работать Кирам теперь будет в головном офисе. Мальчишка рассказывает, что он тренируется снова, но уже не планирует участвовать в боях без правил, просто не хочет терять форму. Мы общаемся, как давно не встречавшиеся друзья, много шутим, и это отогревает мою душу. Я с нетерпением жду завтра, чтобы отправиться в море.

Уже в семь часов мы на пристани, и я улыбаюсь солнечному утру, предвкушая провести целый день в воде. Благозной уже не такой невыносимый, держатся весьма комфортные для меня тридцать градусов. Кир тоже много улыбается. Видимо, жить с мрачной и депрессивной мной было совсем невыносимо, посмеиваюсь про себя, скосив на него глаза.

Скидываю абайю, как только отходим довольно далеко от пристани, и жмурюсь от удовольствия. Мои ожидания более

чем оправдываются: почти весь день мы проводим, плескаясь в море. Время от времени выбираемся на борт, чтобы перекусить и отдохнуть. Много смеёмся. И, да, мы делаем это всё, даже не думая одеваться. Наши отношения давно перешагнули тот рубеж, до которого люди стесняются друг друга. Впрочем, на мой взгляд, Киру даже слово такое – «стеснительность», незнакомо. Он тоже изменился за это лето, и теперь не находит нужным хотя бы делать вид, что мы друзья. Ясно даёт понять, на что рассчитывает. То и дело касается меня, обнимает. Я не знаю, как к этому относиться, но мне приятно. Почувствовать себя желанной приятно.

Наша яхта встала недалеко от безумно красивого песчаного пляжа, укрытого среди скал. Я подначиваю Кира отправиться туда вплавь, и он весьма предсказуемо соглашается. Уставшие и довольные мы выбираемся с прибоем на мелкий горячий песок. Кир хватает меня и кружит, пока я не теряю ориентацию в пространстве. С хохотом падаем. Одним неуправляемым движением Кир перекачивает нас, подминая меня под себя. Тяжесть его тела надо мной будоражит, посылает приятные мурашки вдоль спины. Он целует меня сначала нежно и тягуче, но чем дальше, тем сложнее ему сдерживаться. Поцелуй становится страстным и горячим, его язык в моем рту возбуждает до дрожи. Притягиваю его ещё ближе к себе, вплавляюсь в него всем телом. Чувствую, его впечатляющую эрекцию и это дарит ощущение триумфа. От губ Кир спускается к обнаженной груди и втягивает в рот

безумно чувствительный сосок, терзает его языком, прикусывает зубами. Прохладные волны накатывают на песок и ласкают босые ступни, руки моего мальчика обжигают нежную кожу низа живота, пальцы творят какие-то фантастические вещи с моим клитором. Я таю в ворохе невероятных ощущений, когда он оставляет следы от зубов на моей шее, будто помечает меня. Оторвавшись от поцелуев лишь на секунду, зависает надо мной, словно спрашивая разрешения на более решительные действия. Не в силах больше ждать, обвиваю его ногами и притягиваю к себе. Он входит медленно, плавно, намеренно растягивая удовольствие. Но уже очень скоро амплитуда толчков возрастает. И я вижу небо в алмазах – оргазм настолько сокрушительный, что я не в силах дышать. Кир догоняет меня стремительно, кончает со звериным почти стоном. Впивается в шею поцелуем. И мы долго еще лениво валяемся в облизывающих расслабленные тела волнах.

Но потом всю расслабленность смывает начисто при одной простой мысли – мы не предохранялись. И сейчас совсем неподходящий день цикла. Чёрт-чёрт-чёрт!

КИРАМ

Мой бог, это было что-то фантастическое и дикое. Как она откликается на каждое прикосновение, как идеально двигаются в едином ритме наши тела. Такого нереального оргазма

я не испытывал ни разу, да простит меня Мэй. Мари, моя сладкая девочка...

Чувствую, как она напрягается, и уверен, что в ее прелестной головке появилась очередная глупая мысль. Но, как оказывается, мысль не такая уж и нелепая. Когда говорит, что не пьет таблеток и шансы залететь сегодня слишком высоки, я сперва напрягаюсь. Заводить ребенка с бейгали не принято до появления наследника. Потом расслабляюсь – это одно из правил, на которые я готов плевать с высокой башни. Если у нас будет ребёнок, он привяжет её ко мне навеки. И я довольно ухмыляюсь, придя к такому выводу. Мари же мое радостное лицо только раздражает. Она бурчит, что я веду себя по-идиотски и требует отправиться обратно на яхту немедленно.

Уже на борту тут же отправляется в душ, а я делаю пару звонков и договариваюсь с капитаном, что мы остаёмся в этой бухте до завтра. Мне нужно время, чтобы закрепить результат. Мари выходит из своей каюты только пару часов спустя. Я даже уже начал переживать. Когда появляется в кают-компании, в каждом резком жесте чувствую – она злится. После всего проделанного нами пути это кажется сущей мелочью. Она садится довольно далеко от меня. Хватаю её за руку, притягиваю к себе и заваливаюсь на спину, удобно расположив мою малышку сверху. Одной рукой нежно поглаживаю по спине, какого-то чёрта снова затянутой в платье, второй ласкаю лицо, которое так мечтаю увидеть. Ощу-

пываю его, пытаюсь представить, как оно выглядит.

– Что ты делаешь? – спрашивает недовольно.

– Смотрю на тебя, – отвечаю, не задумываясь.

– Кир. Это совсем не смешно. Нам с тобой совершенно точно не нужен ребенок.

– Я не понимаю, почему ты паникуешь раньше времени, – говорю честно. – Я тоже думаю, что нам рановато заводить детей, но если получится – я буду рад. Особенно, если это будет маленькая вредная девчонка, похожая на мать.

Она со стоном утыкается мне в плечо.

– Не получится, твои гены будут доминировать в любом случае.

Жаль, я уж размечтался. Нащупываю застёжку платья, чтобы избавиться от него.

– Ты невыносим, – выдыхает мне в шею.

– Точно, – целую ее в ухо.

– Ты – чудовище.

– Согласен, – дотягиваюсь до уголка губ.

– Ты...

Она не успевает договорить. Потому что не даю ей такого шанса. Мы целуемся, и градус возбуждения всё нарастает, воздух буквально пропитан сексом. Садимся. Она, оседлав меня верхом, трётся грудью о мою обнаженную грудь, и я стягиваю совершенно лишнее в такой ситуации платье. Под платьем обнаруживается столь же лишний бюстгальтер, и я с рычанием разрываю лямки ненужной вещицы. В этот

раз она хочет быть сверху, и я с радостью предоставляю моей малышке такую возможность. Тонкое кружево трусиков раздражает возбужденную плоть, и трусы разделяют печальную участь бюстгальтера.

– Ты разоришься на моём белье, если будешь продолжать в том же духе, – шепчет, запрокинув голову Мари, словно подставляя шею для моих поцелуев.

– Это траты, на которые я готов выделить неограниченный бюджет, – отвечаю, покусывая её как вампир.

Дальше не остается места для слов, только сумасшедшая жажда и простые движения, возносящие на вершину.

Этой ночью Мари впервые остается в моей постели, и я зацеловываю ее всю, стирая следы прикосновений других мужчин. Она должна помнить только мои руки и губы. Я ждал этой ночи бесконечные полгода, и я вознагражден за ожидание сполна. Каждый изгиб её тела, как наркотик, вызывающий мгновенное привыкание. Каждый оргазм обращает меня в раба такой страстной, такой неземной, такой моей... Проникая в неё снова и снова, ловлю запредельные ощущения. Особенно, когда она, обвив своими стройными ногами мою талию, шепчет МОЁ имя. Когда, кончая, кричит МОЁ имя.

Под утро она засыпает в моих руках, потная и уставшая от безудержной страсти, и я чувствую, что нашёл своё место в мире.

МАРИ

Короткие выходные проходят как наваждение. Когда мы возвращаемся домой в понедельник вечером, Кир не отпускает меня к себе. Практически требует, чтобы отныне я ночевала у него. Это нервирует, к такому я не готова. Когда цитирую ему известную шутку про то, что постель не повод для знакомства, он просто хватает меня на руки и укладывает в свою кровать, блокируя всяческие попытки встать и уйти. И, надо признаться, он умеет убеждать. Как голодный волк, дорвавшийся до добычи, он не отпускает меня спать без парочки крышесносных оргазмов.

Но за ночью неизменно наступает утро, таков уж порядок вещей. И, когда он уходит, я не чувствую себя счастливой и влюблённой, как должна бы. Стоит признать простую истину – секс оказался просто сексом, пусть и умопомрачительным. А внутри всё та же глухая боль, теперь помноженная на два. Убеждаю себя, что теперь я свободная женщина и могу спать с тем, с кем захочу, но это не помогает. Я снова и снова ковыряюсь в едва начавшей заживать ране, вспоминая, что Алекс уже не мой. Всё что угодно, лишь бы заглушить зудящее внутри чувство вины. Несмотря на все аргументы разума, чувствую себя так, словно изменила ему.

Я слоняюсь по дому, собирая вещи, которые необходимо взять в новую квартиру и меня бросает из крайности в крайность. То скучаю по Киру, то страдаю по Алексу. Меня словно рвёт на части. Это чувство ненормальное, разрушающее по своей сути, приводит к тому, что я устаю очень быстро и забираюсь в СВОЮ кровать ещё до возвращения Кирама из офиса. Просыпаюсь лишь ночью от того, что мне жарко и неудобно. Сердито выдыхаю – мальчишка устроился рядом со мной прямо в одежде и спит, сложив на меня все свои конечности. Хотя, после всего, что между нами было, уместно ли называть его мальчишкой? Не желая размышлять над этим, просто ухожу в соседнюю спальню и там засыпаю снова, под песни Алекса и тихие, но от того не менее горькие, слёзы.

Наутро Кир никак не комментирует моё ночное бегство. Просит быть готовой к двум часам – мы едем смотреть новую квартиру. Когда возвращается из офиса, я уже жду его возле машины, и мы без лишних слов отправляемся в путь. Она пытается разговорить меня в дороге, но я лишь делаю громче музыку, намекая, что к беседам не расположена. Апартаменты, что приготовил для нас Самир, шикарны. Это высотное здание недалеко от побережья, из панорамных окон которого открывается захватывающий вид на океан. Интерьер в стиле минимализм куда больше соответствует моему душевному состоянию, нежели помпезный риад. И я рада, что теперь мы будем жить здесь. Жаль только, бассейна нет. По

знакомой уже схеме провожу Кира по дому, обозначая, что и где находится. Уже в субботу нам предстоит перебраться сюда, и я умираю от нетерпения, наивно надеясь, что смена обстановки отвлечёт меня от душевных терзаний.

Едва за помощником Самира закрывается дверь, Кир хватается меня на руки и требует подсказывать, в каком направлении спальня. А я не в настроении для постельных сцен от слова совсем.

– Не надо, – прошу тихо. – Не хочу сейчас.

Он ставит меня на ноги и интересуется, в чём дело. Впрочем, не выпуская из рук. О, боже. Закатив глаза, отвечаю, что просто не в настроении. Ну, да, забыла, с кем имею дело. Этот парень всегда прёт как танк.

– Я создам нужное настроение, не переживай, – шепчет на ухо голосом, от которого что-то сжимается внутри, даря вполне знакомое томление.

Чёрт, кажется, на ближайшие полгода моя жизнь превратится в сплошной секс-марафон. Хорошо, что большую часть дня он всё-таки будет занят. Естественно, я сдаюсь без боя – перед таким натиском сложно устоять.

А стоя в душе после близости, размазываю по щекам злые слезы. Ненавижу себя за слабость, его – за то, что ни во что не ставит моё мнение и чувства, Алекса – за предательство. Ну и жизнь в целом. Это пройдёт, убеждаю себя в который раз. Но сама себе не верю.

В субботу мы перевозим вещи в столицу, в воскресенье

разбираем их и начинаем потихоньку привыкать к новой жизни. Киру снова нужна моя «шпионская» помощь, и мы проводим последующие недели в тесном контакте. Правда, теперь у него не столько возможностей поболтать со мной. В университете, а как иначе, он занят лекциями, в перерывах заводит новые знакомства. На мой вопрос, почему там учатся только мужчины, Кир просто пожимает плечами, и, как само собой разумеющееся говорит, что для девушек отдельные учебные заведения. Ну, да, странно было бы. На работе он теперь тоже гораздо больше общается с коллегами, чем проводит в своём кабинете. Так что я превращаюсь в стороннего наблюдателя. Это не то чтобы напрягает, но непривычно. Вечерами Кир снова пропадает в спортзале, как минимум четыре дня в неделю. Так что я предоставлена сама себе. Знакомых девушек в Палере у меня нет, просто гулять по улицам я не могу – не с кем. Магазины не вызывают энтузиазма. Бассейн в квартире отсутствует. Единственное, что спасает меня – это книги. Оформив подписку в онлайн-библиотеке, я читаю всё, что попадётся под руку.

Моё вынужденное одиночество вовсе не тяготит, напротив, я нахожу в нём покой. К тому же это одиночество разбавляют весьма жаркие ночи. Я никак не могу определить своё отношение к мальчишке. Это не любовь, не дружба, но и не просто секс без обязательств. Что-то странное и томительное, когда хочется ещё и ещё. Он бесит меня своей самоуверенностью и упёртостью. Я им восхищаюсь, по той же

причине. Я без него больше не могу.

Дина с семьей навещает нас время от времени. Бэлла, её дочка, такая славная, что ей невозможно налюбоваться. Но это не значит, что я хочу собственного ребёнка. Не от Кира и не в этой стране. Беременность к счастью так и не наступает, и я теперь тщательно слежу за приёмом таблеток – сюрпризы мне вовсе ни к чему. Воскресенья мы всё так же проводим на яхте вдвоём, моя кожа становится почти такой же смуглой, как у Кира. И никаких проблем со следами от купальника.

Жизнь входит в свою колею и катится вперёд не спеша. В один из таких неторопливых дней я разбираю почту Кирама и нахожу в спаме письмо из клиники в Аране.

«Уважаемый господин Арафат, – гласит письмо. – Хотим известить Вас, что в нашей клинике доступна новейшая медицинская процедура по восстановлению зрения. Технология прошла все необходимые проверки и была запатентована. Исходя из Вашего диагноза, смеем надеяться на успех операции с гарантией в 95%. Просим связаться с клиникой, для дальнейшего обсуждения Вашего лечения. С уважением, доктор С.Т. Джонсон»

Сказать, что я в шоке – это не сказать ничего. Звучит просто невероятно. Не могу дождаться вечера, чтобы сообщить эту новость Киру лично.

Его реакция настолько отличается от того, что я ожидала увидеть, что я даже не могу подобрать слов. Кир яростно отказывается от поездки в Арану и требует немедленно дать

в клинику отрицательный ответ. Чувствую, что сейчас никакие аргументы он попросту не услышит, поэтому просто обнимаю его. Выждав минуту, всё же спрашиваю:

– Почему нет, Кир? Объясни, – он делает долгий раздражённый вдох, явно старается сдержаться и не накричать на меня. – Я не настаиваю. Просто хочу понять, почему ты так настроен.

Он в итоге снисходит до объяснений:

– Ты хоть представляешь, как это тяжело, жить ложными надеждами? Операция за операцией. А вместо исцеления только боль и разочарование.

– Но они дают гарантию девяносто пять процентов, – не унимаюсь.

– Не сто, – коротко отбрасывает меня этот невыносимый ба-ран и даёт понять, что на данную тему говорить больше не намерен.

– Я бы никогда не отказалась от своей мечты, даже если бы на удачу был один шанс из ста, – высказываю своё мнение.

Кир только корчит вредную гримасу на мои слова и весьма профессионально переводит все мои помыслы в горизонтальную плоскость.

КИРАМ

Новая жизнь в столице захватывает. Наверное, это и есть счастье. Днём у меня много общения: лекции, однокурсни-

ки и коллеги, новые знакомства в спортзале. Жизнь кипит. Тем приятнее возвращаться по вечерам в тишину нашей с Мари квартиры и предаваться любви. Это как безмятежный, не знающий бурь, островок в бушующем океане.

И Мари, кажется, тоже привыкла к такому ритму. По крайней мере, ведёт себя спокойно и не выказывает никакого недовольства. Иногда мне становится жаль её, что так много времени она вынуждена проводить в одиночестве. Но я быстро отмахиваюсь от этого чувства. Разве там дома было не то же самое? Часто дарю ей украшения, чтобы загладить вину за постоянное отсутствие – ведь так принято. Она благодарит, но не похоже, что в восторге от таких подарков. Гораздо больше моя девочка радуется цветам и книгам, которые заказываю специально для нее из Араны и Кирии.

Теперь я уверился, что Мари никуда не денется, останется со мной навсегда. Это наполняет душу удовлетворённым спокойствием. Просыпаться рядом с ней каждое утро, кажется, не надоест никогда. Отец не заговаривает о возможной свадьбе – вряд ли кто согласится отдать дочь за «убогого», и я рад этому. Мне больше никто не нужен. Нам хорошо вдвоём.

Когда она с надеждой в голосе рассказывает о письме из клиники, я не могу сдержаться, яростно отвергая это предложение. Понимаю, что моя девочка заботится обо мне, желает как лучше. Но, вспоминая череду разочарований от предыдущих попыток, намерен твёрдо отказаться от дальнейших

вмешательств в мою голову. Мари говорит, что она выбрала бы другой вариант, боролась бы до конца, и я испытываю острый укол злости – понимаю, что она всё ещё желает вернуться в Арану, ждёт этого. Спрашиваю прямо и схожу с ума, услышав ответ. Я ей не нужен. Поэтому она так спокойно переносит дни, наполненные одиночеством. Ей лучше без меня. Что ж, нам не помешает дополнительная попытка переубедить несносную девчонку. Отвлекаю её бесконечными поцелуями, время есть, она привыкнет настолько, что не сможет уйти.

МАРИ

Время летит вперёд, и зимние шторма отбирают у меня радость морских прогулок. Вместо этого по воскресеньям мы гуляем по городу, ездим навестить старых друзей Кира, либо остаёмся дома, что бывает чаще всего. На дворе уже февраль, когда он неожиданно сообщает, что мы приглашены в гости к его родителям. Оба. Кирам нечасто видится с ними, от силы раз в пару месяцев. И всегда ездит в отчий дом один, чему я несказанно рада. Но в этот раз что-то пошло не так и мне предстоит пережить, как я справедливо полагаю, вечер унижений и завалированных оскорблений.

В воскресенье Кир настаивает, что мне необходимо надеть что-то из подаренных им украшений. Это правила хорошего тона, показатель того, что он заботится о семье. Перебирая золотые побрякушки, впервые интересуюсь, кто же помогает ему выбирать всё это добро.

– Продавцы, – бесхитростно отвечает мальчишка, а мне так и хочется хлопнуть ладонью по лицу. Всё, что есть в наличии выглядит откровенно аляповато. Выбрав наименее эксцентричный вариант, долго не могу решиться, какое же платье подойдёт к такому великолепию. Останавливаюсь на простом чёрном шелке, покрытом таким же чёрным круже-

вом – это платье ещё осенью уговорила меня купить Дина, и с тех пор оно без дела висит в гардеробе. Вот и пригодилось. Неброский макияж с акцентом на глаза, гладко зачёсанные волосы и безвкусное кольцо теперь выглядит не так пошло, как могло бы.

Когда я наношу на кожу пару капель своих любимых духов, Кир жадно принимает:

– Почему ты обычно не пользуешься парфюмом? – интересуется, уткнувшись в изгиб шеи. – Тебе безумно идёт этот запах. Хочется плюнуть на всё и остаться дома.

– Духи, как вечернее платье, глупо носить его каждый день. Пропадает ощущение праздника, – я зарываюсь пальцами в снова отросшие волосы, наслаждаясь его прикосновениями. Но нам пора ехать, если не хотим опоздать. – Твой план чудо как хорош, только, боюсь, Самир не поймёт отказа, – вздыхаю.

Мы уже в холле, готовы к выходу. Я смотрю на наше отражение в огромном, во всю стену, зеркале и отмечаю, что вместе мы выглядим шикарно. Кир, как всегда, весь в чёрном, и я в кои-то веки выгляжу ему под стать.

– Почему ты носишь только чёрное? – интересуюсь впервые за прошедший год.

– Вопрос удобства. Выйдет глупо, если я как-нибудь приду на учёбу в зелёных штанах и оранжевой рубашке, – я хихикаю, представив его в столь шикарном виде, и получаю поцелуй в нос.

– Не смейся надо мной, – хмурится наигранно, а у самого губы расплываются в довольной усмешке.

– Надо заняться твоим гардеробом, – тяну многообещающе.

– Звучит как угроза, – выдыхает мне на ухо.

– Я просто разбавлю твой мрачный образ всеми оттенками розового, – не могу удержаться от шутки. За что тут же испытывает на себе весьма ощутимый укус моя многострадальная шея. Хорошо, что у этого платья высокий воротник.

– Порой мне кажется, что ты вампир и пьешь втихаря по ночам мою кровь, – хлопаю его по плечу. – Вообще, я всего лишь хотела предложить несколько белых рубашек, тебе пойдёт.

– Как скажешь, – отвечает несостоявшийся кровопийца, и весьма недвусмысленно потирается об меня уже готовым членом.

– Мы не успеем, – пытаюсь вразумить сумасшедшего мальчишку.

– Мы быстро, – парирует он, задирает подол платья и, подхватив меня под попу, усаживает на так кстати оказавшийся рядом столик.

Я люблюсь видом, который открывает мне зеркало: две готичные чёрные фигуры движутся в едином ритме, мои ноги в тонких чулках крепко обхватывают соблазнительные мужские ягодицы. Кончаю, кажется, от одного лишь развратного вида за его плечом.

Кир – уничтожитель белья, как я зову его порой в шутку, не дает мне заменить пострадавший предмет гардероба. С чувством, что я насквозь пропахла сексом, и в порядком помятом платье сажусь за руль, возмущенно шипя, что это кошмар и верх неприличия отправляться в гости в таком виде. На что он только смеётся беззаботно.

Я видела риад господина Самира лишь мельком, к тому же была не в состоянии оценить всей роскоши дома. Да и выводили меня через чёрный ход. Сейчас же он поражает своим убранством – уместить столько золота в одном пространстве и не скатиться в вульгарность ещё надо суметь. Здесь красиво как в музее, но дом не вызывает желания поселиться в нем. Слава богу, мне это не грозит.

У входа нас встречает Джахиза, обнимает сына и, как ни странно, меня. Предлагает мне снять уличную одежду и проводит в великолепную гостиную, где уже накрыт низкий столик. Вскоре к нам присоединяются Азра и Самир. Так же обнимают нас обоих, чем вызывают у меня чувство дикой неловкости. В целом, до определенного момента, ужин протекает вполне сносно. В беседе мы затрагиваем только нейтральные темы вроде учёбы Кирама и погоды. Когда подают кофе, Самир тем же неторопливым тоном, что вещал о вчерашнем ливне, говорит:

– Скоро твой день рождения сын. Ты доказал, что можешь быть самостоятельным. Помнишь моего друга Умара? – дождавшись кивка от Кира, Самир продолжает. – Мы виделись

с ним на днях. И обговорили твою женитьбу. У него есть дочь, Алия. Умница и красавица. Она будет хорошей партией. Свадьбу назначили на пятое марта, благоприятное число, к тому же суббота. Мать и Азра, конечно, переживают, что не успеют подготовить всё в срок. Но я думаю, что ты, Мария, с удовольствием поможешь им? – обращается уже ко мне.

Я сижу словно молнией поражённая. Я знала, что свадьба будет. Знала, что это необходимое условие моей свободы. Более того, ждала её с нетерпением. Но сейчас эта новость ощущается пеплом на языке. Я не могу выговорить ни слова и лишь киваю в ответ. Потом, сорвавшись с места без каких-либо извинений, убегаю в туалет. Нет, не плачу. Горько усмехаюсь своему отражению в помпезном золоченом зеркале: не судьба тебе, детка, быть единственной. Ни в одном из миров. Меня тошнит от таких новостей. В буквальном смысле. Умывшись, командую себе: «Соберись, тряпка». Я должна вернуться домой, и если это неотъемлемое испытание, я пройду его до конца. А Кир... Кир – всего лишь мальчишка, с которым мы не должны были встретиться. Осталось только самой в это поверить.

КИРАМ

Отец подобрал мне подходящую жену так же, как когда-то выбрал Мари. Но почему-то в этот раз я не испытываю радостного предвкушения, как год назад. Когда Мари срывает-

ся с места, первая реакция – броситься за ней. Но отец удерживает меня на месте своим властным голосом:

– Оставь. Ей нужно время привыкнуть, – чувствую, что поступаю в данный момент неправильно, но не могу ослушаться. Власть традиций и привычек слишком крепка в моей крови. Отец командует – я подчиняюсь.

– Ты как будто не рад, Кирам? – как ни в чем не бывало, продолжает он.

– Я благодарен за заботу, – отвечаю уклончиво.

– Само собой. Но я спрашиваю не о благодарности. Вижу, ты очень сильно привязался к своей бейгали. Но это не должно стать преградой, мой мальчик. Есть традиции, и есть долг перед семьёй. Нам сейчас жизненно необходим этот союз.

Всё, что могу, только кивнуть в ответ. Не ожидал, что он найдёт мне невесту так скоро. Надеялся, что вообще не найдёт. Чувство неправильности происходящего и какой-то неотвратимой катастрофы накрывает меня. Она не примет этого, знаю абсолютно точно. И, что со всем свалившимся на меня дерьмом делать, я ума не приложу. Мари возвращается нескоро. Извиняется, что плохо себя чувствует, просит поехать домой. Я склонен с ней согласиться. Отец настаивает, чтобы нас отвёз его водитель, и, скованные чужим присутствием, мы всю дорогу молчим. Я держу в руке её холодные, слегка подрагивающие пальцы, и постепенно осознаю глобальность накрывшей мой мир задницы.

Стоит нам зайти в квартиру, Мари скрывается в ванной

комнате. Я торчу как дурак под дверью, ожидая свой приговор. Спустя бесконечность она выходит спокойная, что не может не радовать. Ловлю свою девочку, прижимаю к стене, чтобы не сбежала:

– Мари, – шепчу отчаянно. – Это просто традиции и выгода семьи. В моём сердце только ты.

– Не имеет значения, Кир, – говорит отстраненно. – Мне же всё равно предстоит уехать.

Её слова, её безразличная интонация вышибают дух. Задыхаясь от боли, слышу как она, выпутавшись из моих рук, уходит в гостевую спальню. Нет. Не отпущу. Прости, солнце, но не в этой жизни.

МАРИ

По негласной договорённости мы больше не поднимаем тему свадьбы и моего отъезда. Оба так сильно стараемся сделать вид, что всё как обычно, что выгладим донельзя фальшиво. Но, опять же, не обсуждаем это. Кир почти не ходит на тренировки, предпочитая проводить вечера в моей компании. Хочется сказать ему, что перед смертью не надышишься, но в этом нет смысла, он не услышит. Придумывает, как отметить день рождения, и разрывается между нежеланием оставлять меня без присмотра и мальчишником. Чем больше я уговариваю, его пойти оторваться с парнями, тем больше он склоняется к вечеринке на яхте всей компанией. Действие от противного.

В наших ночах, раньше таких страстных, появляется какая-то небывалая нежность, словно мы прощаемся друг с другом. Хотя, почему словно? Это так и есть. Выбираю в сети подарок для Кира. Что-то такое, что могло бы поднять ему настроение, но никак не нахожу ничего подходящего. Джэхиза пару раз пытается привлечь меня к организации свадьбы, интересуется, что модно и принято у нас. Но, услышав мои ответы, непримиримо отвергает всё – у них так не заведено. Вскоре, поняв, что толку от меня мало, отстаёт. Я раду-

юсь, потому что планировать свадьбу собственного мужчины – это весьма изощрённое издевательство над собой. Кроме того мысли о свадьбе Кирама неизменно приводят меня к мыслям о собственной несостоявшейся свадьбе и к Алексу. Неожиданно для себя понимаю, что всё к лучшему. Если бы он отказался от меня уже после заветного «Да», это было бы в разы хуже. И, несмотря на свою боль и злость, я всё равно желаю ему счастья, где бы и с кем бы он сейчас не был. Я и Киру желаю только всего самого светлого, он заслуживает, как никто. Прекрасно понимаю, что мой мальчик разрывается между мной и волей отца, не смея нарушить его приказ. Его жизнь и его выбор. А моё собственное счастье где-то далеко, не здесь, его ещё только предстоит найти, уверяю себя.

Двадцать восьмое февраля наступает поразительно быстро. Просыпаюсь в таких знакомых объятьях от нежного поцелуя в шею. Извернувшись, тянусь за подарком, заранее спрятанным под кроватью, в то время как Кир недовольно ворчит и требует вернуть свой «завтрак». Вручаю ему небольшую коробку со словами:

– С днем рождения, Кир. Наконец, мой мальчик стал совсем взрослый. Подумать только, девятнадцать! – не могу отказать себе в удовольствии подразнить его. За что тут же получаю наказание. Кир откидывает коробку в сторону, заводит мои руки вверх над головой и, удерживая запястья, нещадно щекочет меня. Рычит, чтобы не смела обзывать его мелким. На что делаю удивлённые глаза и справедливо

замечаю, что назвала его большим. Я извиваюсь, стараюсь увернуться от щекотки, мы весело смеёмся и, конечно, как без этого, плавно переходим от детской возни к хорошему утреннему сексу. До подарка добираемся не скоро.

– Что это? – он вертит в руках коробку, не спеша вскрывать упаковку.

– Открой и узнаешь.

Шуршит упаковочная бумага, Кир ощупывает лежащий внутри предмет и выглядит озадаченно:

– Серьёзно? – спрашивает в недоумении. – Зачем мне это?

И мне приходится детально объяснять такому милому и в чём-то на удивление наивному мальчику, для чего взрослые дяди и тети используют в спальне наручники.

– Это лучший подарок в моей жизни, – шепчет хрипло, когда я, пользуясь неограниченной властью над его телом, спускаюсь всё ниже со своими поцелуями. Я впервые за всё время, проведённое вместе, позволяю себе целовать его так, как мне давно хочется. Сама ужасно завожусь от того, что делаю, и когда он с глухим стоном изливается мне в рот, сама достигаю кульминации, помогая себе рукой.

Как только получает свободу, Кир прижимает меня к себе, изловив. Я лежу на его груди, пойманная врасплох такими сильными руками, размышляя, как до изнеможения мне будет всего этого не хватать. Уже скоро. Не подозревая, что творится в моей голове, он находит мои губы, целует нежно.

– Спасибо, – шепчет с улыбкой. Потом выражение его ли-

да меняется, искажается болью. – Я не смогу отпустить тебя, Мари.

Я порываюсь встать, уйти, но это невозможно, когда Кир не в настроении расцепить руки. Наоборот, перекатывается так, чтобы оказаться сверху, чтобы вырваться было без шансов.

– Я не смогу без тебя. Твоё место рядом со мной, – продолжает настойчиво.

Всё что мне остаётся, только горько шутить:

– Я могу выбрать, с какой стороны кровати будет моё место, или у твоей жены приоритетное право?

– Справа, слева, подо мной и на мне. Все места твои, только твои, солнце.

У меня нет ни сил, ни желания спорить, я просто целую его, чтобы завершить этот нелепый и ненужный нам обоим разговор. С днём рождения, мой, пока ещё мой, мальчик.

После такого насыщенного утра нам, ожидаемо, приходится спешить. Мы снова опаздываем. Еду на предельно допустимой скорости и мы едва успеваем добраться до пристани раньше гостей. «Линия» уже готова отправляться в путь, погода сегодня благоприятствует, и вечер начинается весьма удачно.

Всё той же тесной компанией весело отмечаем день рождения Кира – второе совершеннолетие, как называют его здесь. Звучит много поздравлений, играет музыка. Жаль только для купания ещё пока рано – вода холодная. Когда я,

устан от шума, выхожу ненадолго подышать на палубу, Дина присоединяется ко мне. Какое-то время мы стоим молча. Потом она спрашивает тихо:

– Ты боишься? – и я прекрасно понимаю, о чём она. Мне требуется время, чтобы сформулировать свою мысль, поэтому несколько минут снова проводим в тишине и подруга терпеливо ждёт ответа.

– Боюсь, наверное, не то слово, Дина. У нас не принято делить любимого человека с кем-то. Мне больно, я злюсь. Понимаю, что это данность, но от этого не легче. Я ревную заранее, – и тут я сознаюсь в том, в чём ранее не решалась никогда. – Но, так или иначе, я всё равно собираюсь сбежать из Палеры. При первой же возможности. А он не предаст свою семью и страну и не последует за мной, я знаю. И когда я уйду, не хочу, чтобы он остался один. Поэтому я стараюсь принять эту свадьбу. По одной простой причине – я сама уже заранее предала его.

Дина обдумывает мои слова, вглядываясь в темноту над заливом, знаю, что не осуждает. Потом говорит, не поворачивая ко мне лица, словно тоже сознаётся в страшной тайне:

– Когда эта девочка придёт в твой дом, Мари, помни, пожалуйста, что ей тоже больно и страшно. Он уже твой, любит тебя, а она – товар по договору, – говорит с такой горечью, что я впервые задумываюсь, каково же ей живётся на самом деле. Порывисто обнимаю подругу, желая хоть немного смягчить её горе.

– Мне казалось, Джавад любит тебя, – говорю искренне.

– Любит, – соглашается она. – По-своему любит. Но не так, как Мириам.

Мы долго стоим, обнявшись, утешая друг друга. И за что я благодарна этой стране, так это за то, что подарила мне такую невероятную подругу.

КИРАМ

После известия о скорой свадьбе Мари стала как будто чужая, точно уже заранее простилась со мной. Стараюсь растормошить её, но ничего не получается. Я и сам, откровенно говоря, боюсь, того, что грядёт. Боюсь её реакции, когда поймёт, что не намерен отпускать. Поэтому молчу, оттягивая неприятный момент как можно дальше. Эгоистично, глупо, но по-другому не получится, она слишком нужна мне. Она привыкнет, уговариваю себя. Я буду любить её так, что простит, примет наши традиции, какими бы дикими они ей не казались.

Подарок, который получаю на день рождения от своей девочки, восхитителен. Одно только воспоминание об этом утра отдаётся внутри приятной дрожью. И, надеюсь, ночь тоже не подкачает.

Вечер с друзьями проходит оживлённо, но, как и все хорошее, быстро заканчивается. Сегодня мы не можем остаться ночевать на яхте – завтра рабочий день, поэтому возвра-

щаемся в квартиру. Мари говорит, что ужасно устала после долгой дороги, и скрывается в ванной. Следую за ней как привязанный – у нас осталось не так много ночей разделённых только на двоих. Не хочу даже думать, как моя девочка поведёт себя, когда Алия появится в нашем доме. И как быть мне? Я ведь должен в равной степени уделять внимание обеим женщинам, во всех смыслах. Мне кажется, я не смогу. Просто не смогу оторваться от Мари. Пока она смывает макияж, набираю горячую ванну и предлагаю расслабиться вместе. Она забирается в воду и ложится мне на грудь, такая тихая и грустная, что сердце щемит от нежности.

– Не грусти, – шепчу ей в волосы.

Мотает головой и отвечает еле слышно:

– Через пять дней я потеряю тебя, – столько в её голосе непрошибаемой уверенности, что слёзы наворачиваются на глаза. Мужики не плачут, одёргиваю себя. И, сморгнув непрошеную влагу, заверяю свою девочку, что я люблю только её, что всё будет хорошо. Сам прекрасно понимая, что не будет. Уже никогда нам вместе не будет хорошо. Бумеранг возвращается с леденящей душу неотвратимостью: три-два-один, прощай Кирам Арафат.

МАРИ

Свадьба будет проходить в доме Самира, поэтому уже в пятницу вечером мы едем туда. Джахиза отправляет нас в разные спальни – таковы традиции, утверждает она. Проглотив ком в горле, гордо удаляюсь в выделенную мне комнату, в то время как Кир закрывается с отцом в кабинете.

Я это переживу, шепчу сама себе, стоя в душе. Я сильнее, повторяю как мантру, когда забираюсь в одинокую кровать. Всё это необходимо, чтобы вернуться домой, убеждаю себя, не в силах уснуть. Сон бежит от меня, но и слёз к счастью нет. Только глухая тоска. Уже далеко за полночь тихонько скрипит дверь, и мгновением позже Кир забирается ко мне под одеяло. Притворяюсь, что сплю, – не хочу ничего обсуждать. Он обнимает меня так крепко, что сложно дышать, утыкается лицом в мои волосы и замирает.

Когда я просыпаюсь утром, его уже нет в комнате. То, что Кир все-таки приходил, выдаёт лишь запах его туалетной воды на подушке. Вместе с завтраком горничная приносит мне расшитую золотом абайю – верхнее платье, и не менее шикарное нижнее, позже приходят визажист и стилист. Я наряжаюсь, представляя, что возможно именно так провожали древних красавиц в последний путь, когда они были вынуж-

дены разделить судьбу слишком рано почившего мужа. Эти мысли, понятное дело, вгоняют в ещё большее уныние. Мне отведена не такая уж и большая роль во всей грядущей церемонии. Всё, что от меня требуется, тихонько стоять в толпе родственниц Кирама за спинами его матери и Азры. Весь праздник посвящён лишь одной девушке, это её день.

Кира до начала торжества я не вижу, и предпочитаю провести оставшееся время во внутреннем дворике, в тени финиковых пальм. Вчерашняя тоска отступает на время, на смену ей приходит такое знакомое равнодушие. Равнодушие, победить которое стоило мне больших усилий. Но сейчас – это благо. Не знаю, сколько времени сижу так в одиночестве на бортике изящного фонтана. Мое уединение прерывает Азра. Она протягивает мне горячий чай и какую-то таблетку.

– Что это? – интересуюсь насторожённо.

– Просто успокоительное, – помолчав, добавляет. – Знаю, что ты чувствуешь сейчас.

Отрицательно качаю головой.

– Спасибо, я в порядке, – и беру из ее рук только чашку чая, оставляя на подносе предложенное лекарство.

– Как скажешь, – говорит она. – Только не вздумай устроить концерт на свадьбе. Кирам итак сам не свой из-за тебя. Лучше бы успокоила мальчика.

– Каждый человек делает свой выбор сам. Он заварил эту кашу, ему и есть, – отвечаю холодно. Азра смотрит неодоб-

рительно и молча оставляет меня одну.

Вскоре меня зовут в сад, там, в лучших традициях восточных сказок, все сияет огнями и золотом. Там уже собираются гости, среди них мелькает и тонкая фигурка Дины. Но сейчас я не хочу видеть даже подругу. Боюсь, всего один жалостливый взгляд разрушит сооруженную мной вокруг собственного сердца ледяную стену.

Наконец появляются молодожёны. Кир выглядит в расши- том золотом костюме настолько непривычно и чуждо, что мне становится гораздо легче воспринимать происходящее. Это просто некий спектакль, который надо досмотреть до конца. Потом я напишу на него рецензию, отправлю в редак- цию и смогу благополучно забыть. Так и никак иначе.

Мероприятие идёт по установленному веками распоряд- ку. Благословление родителей, обмен семей подарками, со- провождающийся длинными речами, большую часть кото- рых я не понимаю. Затем подарки молодым дарят их бес- численные родственники и друзья. К концу этой череды по- здравлений я уже не чувствую ног и радуюсь, что надела кроссовки, вместо принесенных с утра золотых туфель на нескромном каблуке. Стараюсь смотреть куда угодно, только не на парочку, сидящую на резных креслах на высоком по- стаменте. Но взгляд то и дело возвращается к ним. Они слов- но сошли со страниц причудливой книги со сказками чуже- земных стран. На каждое новое поздравление Кир реагиру- ет, лишь слегка приподнимая уголок губ. Он может улыбаться

ся совершенно иначе, искренне. Но, видимо, не сегодня. Настолько изучила его за этот год, что понимаю по малейшим движениям, что сейчас он раздражён, устал и чем-то обеспокоен. И сегодня мне его не жаль. Девушка рядом с ним, как и все остальные присутствующие женщины, скрывает лицо за никабом. Но у неё огромные испуганные глаза, кажется, она готова в любое мгновение сорваться и убежать прочь. В любом случае, мы все выдерживаем это затянувшееся представление до конца.

После церемонии дарения Джахиза подходит к Киру, что-то говорит ему и передает поднос с финиками и молоком. Он должен накормить свою невесту, что, как я знаю, символизирует достаток в семье. Он аккуратно предлагает ей засахаренное лакомство с таким сосредоточенным лицом, что я не могу сдержать усмешки. Дальше следует мой, правда очень короткий, выход. Первое знакомство бейгали и жены. Я должна преподнести ей ключи – символ мира и гармонии. Азра уже стоит рядом, вручает мне небольшой золотой поднос с ключами от нашей с Киrom квартиры. Строго смотрит на меня, мол, только попробуй что-нибудь вытворить. Но устроить какую-либо выходку мне не дают вовсе не её холодные глаза, а собственная гордость. Спокойно подхожу к людям, с которыми мне теперь предстоит жить под одной крышей, протягиваю девчужке поднос. Она внимательно смотрит на меня, будто пытается понять, ждать ли от меня подвоха. Никакого подвоха, девочка. Вот тебе ключи от его до-

ма и сердца. Забирай, я больше не претендую. Замешкавшись на мгновение, берёт ключи и благодарит меня. Молча киваю. И не взглянув на Кира, сидящего так близко, скрываюсь за спинами гостей. Далее по программе следуют танцы и угощения. Но я думаю, что там вполне обойдутся без моего присутствия. Знаю, что Кира с женой привезет домой водитель на большом белом лимузине, поэтому с чистой совестью иду в свою временную комнату, переодеваюсь в собственную одежду и спешу уехать с чужого праздника. Не так уж и сложно. Это не моя жизнь.

Не могу сейчас сидеть в четырёх стенах, так что отправляюсь в единственное известное мне место, где я могу безнаказанно побыть в одиночестве. Тем более, что пляж дивов находится по дороге в столицу.

Уже стемнело и холодная вода в свете луны выглядит неприветливо. Волны шумят, торопятся рассказать мне, что всё пройдёт. Вечны только камни и вода. А я не каменная. Ледяная стена рушится, и я вдыхаю свой океан боли, оседая на мокрые студёные валуны. Мне требуется довольно много времени, чтобы хоть чуть-чуть прийти в себя. Продрогшая насквозь, забираюсь в салон машины, включаю печку и музыку. Музыка помогает пережить любые беды. Согревшись, убаюканная мелодией я засыпаю чутким тревожным сном прямо за рулем.

А просыпаюсь от того, что кто-то с силой стучит в окно машины.

КИРАМ

Как они торопятся разлучить меня с Мари. Даже комнаты выделяют разные. Отец и мать долго инструктируют меня, что и как будет происходить завтра. Конечно, я же не должен облажаться. Когда отпускают, понимаю, что Мари в моей спальне нет. Выловив служанку, требую, чтобы проводила меня к бейгали. На секунду застыв в дверях, определяю, с какой стороны раздаётся дыхание, и иду к своей девочке. Крепко обнимаю, не в силах ослабить хватку хоть немного. Знаю, чувствую по тому, как дышит, что она не спит. Но намёк понятен и я не тревожу её. Я боюсь завтрашнего дня, и бояться вдвоём чуть менее страшно.

А на рассвете я вынужден сбежать в свою комнату, чтобы начать этот адский день. Мы с отцом и друзьями едем в дом невесты, чтобы забрать её. Соблюдаем множество обрядов, которые выводят из себя. Вместо того, чтобы думать о том, что делаю, всё время возвращаюсь мыслями к Мари. Как она там? Джавад несказанно выручает, когда я неоднократно косячу, исполняя некоторые ритуалы. Когда никого нет поблизости, спрашивает, что со мной. А что я могу ответить кроме как «всё в порядке»? В конце концов, думаю, все списывают мои косяки на волнение. Так и есть. Только волнуюсь я о другой девочке.

Уже в отцовском доме немного расслабляюсь, чувствую

её присутствие где-то в толпе гостей. С трудом выдерживаю фарс, названный моей свадьбой, бесконечную церемонию вручения подарков и поздравительных речей. Когда Мари подносит Алие ключи от квартиры, мне безумно хочется схватить мою девочку и увезти подальше отсюда. Слышу в каждом её жесте, что она отказывается от меня. То, что для нас символ мира в семье, для неё значит совсем иное.

Вокруг уже звучит музыка, гости танцуют, едят, только мы с Алией всё так же сидим, как памятники самим себе. Нам тоже приносят угощение, но кусок не лезет в рот. В кармане звучит оповещение, прослушав которое я чуть не схожу с ума: объект движется на запад со скоростью сто пятьдесят километров в час. Не обращая внимания на гостей, звоню ей, но она не отвечает. Я уже почти в бешенстве, когда приходит новое сообщение – объект остановился, локация пляж дивов. Страх накрывает чёрной волной: она же ничего не делает с собой, правда? Снова звоню, на этот раз Джаваду. Он подходит ко мне, едва в трубке раздаются гудки.

– Отвези меня на пляж дивов. Сейчас, – говорю другу.

– Кирам, ты не можешь сейчас уехать, – произносит тот мне на ухо. – Это оскорбление невесты и её семьи.

– Мари на пляже, – говорю, осознавая всю мощь подставы.

– Я съезжу за ней, не переживай, – отвечает друг, на которого всегда можно положиться. Я уже однажды доверил ему Мари, и вынужден сделать это снова.

– Возьми с собой Дину, – прошу я. – Если с ней что-нибудь случится... – Это предложение окончить я не могу.

– Позвоню тебе, как только найду её, – заверяет Джавад и уходит.

Алия всё так же молчит, стесняется или боится, неважно. Все мои помыслы сейчас на тёмном и холодном пляже. «Только не делай глупостей», – прошу её мысленно.

По ощущениям, проходит вечность, прежде чем раздаётся звонок друга. Он нашёл мою девочку, с ней всё в порядке. Джавад обещает отвезти Мари домой и проводить до дверей, что немного успокаивает. Но расслабляться рано. Одна из самых кошмарных ночей в моей жизни только начинается.

В подтверждение этого, перед тем как мы с новоиспеченной женой можем уехать, меня отводит в сторону отец и говорит тихо:

– Знаю, у тебя на уме одна Мария, сын. Но консумация брака должна быть произведена. Не смей позорить имя семьи недостойными слухами.

Мне остается лишь скрипеть зубами и соглашаться, таковы традиции предков. Она же должна понять, правда?

МАРИ

В темноте за окном с трудом различаю силуэт Джавада. Луна зашла за тучи и темно так, что хоть глаза выколи.

– Что случилось? – спрашиваю, выходя из авто.

– Кирам просил отвезти тебя домой, – отвечает коротко.

– Ясно. Не беспокойся, я доеду сама.

Но Джавад настаивает, чтобы я пересела в его машину. Там меня встречает обеспокоенная Дина. Ловко, несмотря на неудобное одеяние, перебирается ко мне на заднее сиденье и крепко обнимает. Впервые за этот бесконечный день я плачу на плече у своей маленькой подружки. Потому что жалость разрушительна как ржавчина. Никогда никого не жалейте, в том числе себя, и будет вам счастье.

– Он любит тебя, Мари, ты же знаешь, – шепчет на ухо Дина. Я не знаю. Не хочу знать.

Друзья провожают меня до самой двери и уходят, только когда убеждаются, что я внутри. Машину обещают пригнать завтра.

Что мне необходимо сейчас, так это горячий душ и чашечка самого крепкого кофе, какой я только смогу сварить. Бесконечно стою под горячей водой, в голове снова божественно пусто. Ничто не имеет значения. Сна ни в одном глазу,

поэтому отправляюсь на кухню и, действуя строго по плану, варю себе кофе в турке, чтобы хоть чем-то занять руки. Я пью уже далеко не первую чашку кофе, вглядываясь в темноту за панорамным окном кухни, когда слышу, как открывается входная дверь. Всё внутри замирает, не знаю, как мне себя вести. Слышу, как Кир провожает свою жену в гостевую спальню и говорит ей пока располагаться, он скоро придет. Хлопает дверь в нашу комнату, не найдя меня там он идёт на кухню. Я же стараюсь даже не дышать, чтобы ничем не выдать своё присутствие. Но его трудно провести, у него чутье как у зверя.

– Мари, я знаю, что ты здесь, – говорит мальчишка. Нет, не мальчишка. Чужой муж, напоминаю себе. – Нам надо поговорить.

Он надвигается на меня неотвратно, и я снова боюсь его как когда-то, год назад. Словно уловив мой страх, Кир останавливается.

– Мари, пожалуйста, – просит с видом побитой собаки.

Он все еще в своём свадебном одеянии. Такой красивый и такой не мой больше.

– Тебя ждут, – всё же выдавливаю из себя слова.

– Пойми меня. Пожалуйста, солнце, – умоляет. – Это всего лишь традиции. Я просто должен.

Он ловит меня, не даёт вырваться. Я стою, не шевелясь, не хочу провоцировать его. Смотрю, как разливается коричневая лужа из разбитой вдребезги кофейной чашки.

– Так иди и делай, что должен, – говорю единственное, что приходит в голову.

– Прости, – шепчет мне в волосы. Резко отпускает и скрывается в глубине квартиры.

Хочется выть на снова показавшуюся из-за туч луну. Обняв себя руками, раздумываю, где мне лучше устроиться на ночь. В спальню возвращаться – не вариант. Да и спать всё равно не хочется. Не зажигая свет, устраиваюсь на огромном диване в гостиной, закутываюсь в плед и включаю случайный плейлист. Прячусь за наушниками от звуков, которые должны скоро наполнить квартиру. По иронии судьбы первой звучит песня Алекса. Я сначала растворяюсь в звуках такого родного голоса, но потом усмехаюсь невесело: просто ещё одно предательство, ничего личного. Не выдержав, швыряю наушники куда-то в темноту комнаты, дышу как после забега на длинную дистанцию. После самой тёмной ночи рассвет обязательно будет ярким, надо только его дожидаться.

К счастью, в этой квартире хорошая звукоизоляция, и я не слышу, что происходит в гостевой спальне. Но прекрасно слышу, как полчаса спустя Кир выходит оттуда. Он не заморачивается моими поисками и просто громко зовёт по имени. Я не собираюсь отвечать. Как раз наоборот, планирую играть в прятки так долго, как у меня получится. Методично обходя квартиру, Кир, наконец, добирается до гостиной. Он уже переоделся в привычный чёрный цвет, и я едва различаю его силуэт в темноте. Так мы с ним в практически равных

условиях. Это меня не устраивает, поэтому хлопаю в ладоши, включая свет. Как гончая взявшая след, парень вскидывается в моём направлении. Приближается медленно, словно боится спугнуть юркого зверька. Я же перебираюсь через спинку дивана, стремясь оставить между нами хоть какое-то препятствие. Знаю, нельзя подпускать его близко, ничем хорошим это не закончится. Мы ходим кругами вокруг дивана и ни один из нас не намерен сдаваться. Кир делает резкий выпад, в надежде поймать меня. Я отскакиваю, сшибая стулья и больно ударяясь ногой о каменный стол. Мы носимся, не произнося ни слова, громя всё вокруг, снося вазы и разбивая безумно дорогие статуэтки. Эти кошки-мышки порядком утомляют. Наконец, я не выдерживаю первой. Выбрав момент, когда между нами будет массивный обеденный стол, говорю:

– Ты пугаешь жену, Кир. Прекрати.

– Прекращу, как только поймаю тебя.

Что ж, в его упрямстве я не сомневалась. За моей спиной коридор, ведущий в гостевую ванную. Воспользовавшись преимуществом, выскальзываю в него и запираюсь там.

Когда же уже рассвет?

КИРАМ

Два часа дороги до дома тянутся бесконечно в жуткой тишине. Пытаюсь представить, как поведёт себя сейчас моя

бейгали. Будет кричать и требовать, чтобы остался с ней? Что-то из области фантастики, Мари никогда не позволит себе подобного. Будет рыдать и просить? Снова мимо. Нет, я знаю точно, что она будет холодна как льды её любимой Араны. Если у неё и были припасены для меня слёзы, их она оставила там, на пляже. Иногда мне кажется, что она любит меня, переживает, заботиться. Порой я уверен, что абсолютно безразличен ей, и она просто терпит меня, как что-то неизбежное. И так ли я хочу знать правду?

Не нахожу Мари в спальне и начинаю злиться. Почему мне досталась не тихая девочка, которая покорно ждала бы меня в нашей кровати, пока я исполняю супружеский долг? Хотя, вопрос риторический, такую девочку я бы не полюбил. Эта же дикая кошка ни за что не хочет мириться с нашими устоями. Как будто я в восторге, что мне сейчас надо пойти и сделать ребёнку девушке, которую я не знаю, которую не хочу! Решив, что Мари достаточно в адеквате, чтобы дождаться меня и спокойно поговорить позже, отправляюсь к Алие.

Она сидит на кровати, дыхание её напряжённое как у испуганного зверька. Как в такой ситуации можно почувствовать хоть какое-то возбуждение? Наверное, мне стоит воспользоваться старым советом Мари и представить её на месте своей жены. Я изо всех сил стараюсь сдерживаться и не пугать бедную девушку ещё больше. Даже не раздеваюсь целиком. Думаю о своей девочке, как буду убеждать её простить меня. Как сомну податливое тело, и она покорится мо-

им ласкам и простит. Алия, конечно же, девственница, ей всего семнадцать. И лишая жену девственности, я представляю, что это Мари. Что я у неё первый, и больше не было и не будет никого. Только я.

Это не занимает много времени, на самом деле, и уже скоро я отправляюсь на поиски той, кого действительно хочу. Выбрасываю бедняжку-жену из головы: она знала, на что идёт. Это всего лишь договорной брак. Я ей – деньги и положение в обществе, она мне – наследника и, скорее всего, нехилое приданое. Этим вопросом я не интересовался. Мари меж тем не отзывается. Играет со мной. Но когда я отступал от намеченной цели? Обнаруживаю свою пропажу в гостиной. Вздрагиваю от резкого хлопка, когда она включает свет. Гонка, которую мы устроили, только больше раздражает меня. Есть лишь одно желание – поймать. Но хитрая bestия скрывается в ванной, раньше, чем успеваю ухватить подол ее платья.

– Мари, выходи, – прошу мягко, мне надо выманить её. Выманить и зацеловать так, что она забудет, из-за чего злилась. – Не сердись, прошу.

– Я не сержусь, – доносится из-за двери её тихий голос. – Мне просто противно, Кир. Не хочу, чтобы ты ко мне прикасался. У тебя есть жена, иди к ней.

Противно ей, б****! А мне не противно было представлять, что она думает всё время о своём чёртовом музыканте? Но даже, будучи в бешенстве, понимаю, что это не совсем

одно и то же. Мари же, кажется, поставила своей целью добить меня сегодня.

– Просто пора отпустить меня, Кир. Ты обещал.

– НЕТ! – я со злостью ударяю по двери, разделяющей нас. Пытаюсь выломать чёртову деревяшку, но она до обидного прочна. – Я не отпущу тебя никогда, – добавляю чуть тише. – Ты не выполнила второе условие. Ты сама не желаешь уезжать, – кого я хочу убедить этими словами? Её или себя?

Она не отвечает и не выходит. Я сажусь на пол, прислонившись к двери спиной, твёрдо намеренный взять её измором. Когда-нибудь наступит утро и ей придётся выйти.

МАРИ

С его упёртостью можно свернуть горы, пожалуй. Заблокировав выход из ванной комнаты, Кир вынуждает меня провести ночь на ледяном кафеле. Несколько полотенец, брошенных на пол, не сильно улучшают ситуацию. Поэтому к утру я зла как тысяча чертей. Должен же этот упрямец, наконец, отправиться в туалет? Помощь приходит с неожиданной стороны. На сцене появляется Алия и интересуется, почему Кир сидит на полу в коридоре. Парень что-то неразборчиво бурчит в ответ. Она же просит того помочь с вещами, которые только что привезли, и Кир вынужден покинуть место своей засады. С облегчением выскальзываю из опостылевшей гостевой ванной и иду на кухню. По здравом размышлении, я пришла к закономерному выводу, что прятаться вечно не выйдет при любом раскладе. Значит, мне нужно обезопасить себя посторонним присутствием. И моей подушкой безопасности будет Алия.

Привычно делаю кофе на нас обоих. И, когда не выспавшийся и жутко раздражённый Кир заходит на кухню, встречаю его чашкой примирительного напитка. Но его не так-то просто сбить с толку. Забрав из моих рук не только свой, но и мой кофе, ставит их на стол. Затем притягивает к себе и

обнимает. Не говорит ничего, да и к чему тут слова. Идиллическую картинку разрушает новый член нашей дружной «семьи». Алиа заходит на кухню и скромно интересуется, чья очередь готовить завтрак.

– Кухня в твоём полнейшем распоряжении, – ухмыляюсь ей. – Я не готовлю. Никогда.

Кир ехидно усмехается где-то в районе моей шеи. Даже не думает выпускать меня. Подхватив на руки, садится вместе со мной на диванчик у окна.

– Ты же простишь меня? – шепчет так пронзительно, что сложно не поверить в искренность его раскаяния.

– Нет, – отвечаю так же тихо. – Чтобы простить, надо обидеться. А я не обижалась, Кир, – я прекрасно понимаю его, то, что он слишком молод, что не может пойти против отца. Понимание не делает причинённую им боль меньше.

– Тогда, что это было ночью?

Закрыв глаза, собираюсь с мыслями. Но жена моего парня – звучит чудесно – снова выручает меня. С грохотом роняет какую-то кастрюлю, о существовании которой я даже не догадывалась, и беспомощным голоском милой Барби просит Кира помочь. И тот не может отказать. Да, думаю, у неё не займет много времени, чтобы поймать его. Совсем нерадостно улыбаясь своим мыслям, уйду в пока ещё нашу с Киром комнату. Ночью мне не удалось сомкнуть глаз, поэтому просто падаю на кровать, как была, в платье, и почти мгновенно засыпаю. Просыпаюсь уже ближе к вечеру, удобно устроив-

шись у него на груди. Кир не спит и легонько поглаживает меня по волосам.

– Я люблю тебя, – говорит тихо. Впервые.

– Когда любят, не трахают других, – озвучиваю, как чувствую.

– Тогда получается, что своего Алекса ты больше не любишь? – спрашивает с сарказмом.

Хочу встать, уйти, но он ожидаемо не даёт мне этого сделать.

– Я задал вопрос, – говорит зло. Хочешь правды? Да пожалуйте.

– Люблю. До боли люблю. Но он дал мне такое право, отпустив, – после паузы добавляю. – Я точно так же отпускаю тебя.

– Я вообще хоть что-нибудь для тебя значу? – рычит этот невообразимый идиот.

– Какой же ты дурак, Кир! Если б не значил, какое бы мне было дело до твоей жены?

Он вздыхает, как обречённый на казнь:

– Я так хочу, чтобы ты поняла.

– А я понимаю, Кир. Понимаю, что это ваши традиции, что так надо. Но Я так не хочу. Для меня это ненормально. Как тебе объяснить? Ну, не смогла бы я вот так, с первым встречным, ради каких-то давно устаревших обычаев. А ты смог.

– Знаешь, как я смог? Представлял тебя, иначе ничего не

выходило, – говорит горько.

– Меньше всего я желаю знать подробности, Кир. Если на то пошло, то каждый раз за эти чёртовы полгода, когда я была с тобой, то я была с тобой. Не представляя никого. Это подло. И по отношению ко мне, и к ней.

Мы долго молчим, но всё нужно решить, так или иначе.

– Я просто хочу домой. Я устала от Палеры и ваших традиций. Отпусти меня, – прошу снова. – Тебе всего девятнадцать, ты забудешь меня раньше, чем мой самолёт приземлится в Аране. Всё равно уже ничего не склеишь...

– Так ты считаешь? – голос его полон обиды. – А если не забуду? Как мне быть тогда?

Мне нечего на это ответить, потому что и сама не представляю, как буду жить без его сильных рук. Но я делаю осознанный выбор между несчастьем в чужих стенах и несчастьем дома.

Кир подпрыгивает с кровати, но очень скоро возвращается, что-то схватив в гардеробе.

– Хочешь, покажу тебе, каково это быть мной?

С этими словами он рывком поднимает меня с постели и завязывает на глазах один из своих галстуков. Я стою в полнейшей темноте и жду, что будет дальше. Он отходит, но потом приближается снова, уже со спины.

– Представь, – говорит тихо. – Что ты никогда не знаешь, кто рядом. Что он задумал.

С этими словами он обходит меня вокруг, нащупывает

мелкие пуговицы на лифе платья и начинает их расстёгивать одну за другой.

– Представь, что ты не можешь определить, что чувствует к тебе твой собеседник. Насмехается ли над тобой или говорит правду. Может, ты ему противен, а может наоборот.

Он стягивает верх платья, обнажая меня.

– Представь, что ты не можешь сделать самых элементарных вещей. Например, взять того, кто рядом, за руку. Попробуй, возьми.

Я пытаюсь и предсказуемо промахиваюсь. А он уже снова сзади. Отводит от шеи мои волосы и впивается в неё поцелуем.

– Представь, что то, что ты хочешь больше всего, всегда в недостижимости.

Он расстегивает лифчик и мучительно медленно стягивает его по плечам.

– Представь, что ты не можешь даже сделать себе чашечку кофе.

Он прижимается ко мне сзади, всё ещё полностью одетый, и накрывает руками грудь.

– Представь, что тебе надо попасть в какое-то новое место, но ты даже не можешь найти самостоятельно дверь. Ты не найдешь её даже в этой комнате.

Он раскручивает меня и предлагает найти вход в ванную. Я ступаю медленно, маленькими шажками, вытянув перед собой руки. И, естественно, вместо искомой двери натыка-

юсь на стену. Кир прижимает меня грудью к стене, его рука скользит вниз и сдёргивает на пол чудом не упавшее до конца платье.

– Представь, что ты не можешь найти свою одежду. А если и найдешь, то не узнаешь, как она выглядит и идёт ли тебе.

Он привычно разрывает на части, неизвестно какие по счету, трусики.

– Представь, что ты даже не можешь выбрать себе партнёра на ночь. Это кто-то сделает за тебя.

Он проводит пальцами по низу моего живота, сводя с ума, заставляя выгнуться назад.

– Представь, что ты не можешь узнать, хочет ли тебя понастоящему тот, кого ты любишь.

Разворачивает меня лицом к себе.

– Представь, что ты даже не можешь сесть за руль и уехать, куда глаза глядят, когда тебя раз за разом отвергает любимый человек.

Он склоняется к моему лицу, дышит мне прямо в губы, но не целует. Когда я сама тянусь к нему, резко отдаляется.

Мне надоела эта чёртова игра, и я протягиваю руки в попытке поймать его. Но там, где он только что был, уже пустота. Я хочу сорвать дурацкий галстук, но Кир уже тут как тут и перехватывает мои запястья.

– Подожди, ещё рано, – шепчет на ухо. – Я здесь, я твой и никуда не уйду. Но что теперь? Ты сможешь получить то, чего сейчас хочешь?

На этот раз он не уворачивается. Я легко справляюсь с его футболкой. С брюками приходится повозиться подольше, но и это мне удается.

– Отведёшь меня в кровать? – спрашивает Кир, оставшись в одном белье. В этот раз он позволяет мне легко найти его руку, и я делаю нерешительный шаг туда, где по моим расчетам она должна быть.

– Неверно, – шепчет он на ухо. Разворачивает меня на девяносто градусов и подталкивает вперёд. С его помощью я всё же нахожу край кровати. Сажусь и тяну его за собой. Он укладывает меня на спину, чувствую, как нависает сверху, но не имею понятия, что собирается сделать дальше.

– Угадай, где я тебя поцелую, – говорит хрипло, явно сам едва сдерживаясь от возбуждения.

– Губы, – шепчу в ответ.

– Не угадала, – и он целует грудь, резко втягивая сосок. От неожиданности и того, что не вижу его, все ощущения в десятки раз острее.

– А теперь? – спрашивает настойчиво.

– Шея? – говорю полувопросительно. Меня захватила эта странная игра.

– И снова мимо.

Чувствую его обжигающее дыхание в промежности. Он нежно проводит языком по складочкам и я почти взрываюсь от такой простой ласки. Он разводит мои ноги в стороны, и я ожидаю продолжения волшебного поцелуя. Но вме-

сто этого он резко входит в меня на всю длину. Задохнувшись от внезапности и полноты ощущений, я ловлю полноценный оргазм с одного лишь движения. Задыхаюсь в его руках, кричу его имя. А он продолжает разрывать меня на части, даря невероятные по своей силе эмоции. Когда кончается, не спешит выходить из меня, просто перекачивается на спину, устроив меня сверху.

– На ощупь почти невозможно найти своё счастье, Мари. А если уж нашёл, то не выпускай из рук.

– Я люблю тебя, Кир, – шепчу неожиданно даже для себя. «Но это не значит, что смирюсь со всем», – продолжаю уже мысленно.

КИРАМ

Сказанные шёпотом слова эхом отдаются в голове. Любит. Если любит – примет таким, какой есть, так ведь? Стягиваю с Мари уже ненужный галстук. Нежно целую в местах, где остались следы от слишком тугий повязки.

– Я не могу ничего изменить в ситуации с Алией, пойми, пожалуйста, – говорю ей тихо. – Эти традиции сильнее меня. Нам просто не дадут жизни в противном случае.

– Даже твой собственный отец?

– Особенно мой отец, – вздыхаю я.

– Это очень удобно, прикрываться традициями, – говорит ядовито.

Закрыв глаза, выдыхаю. Как же ей доказать, что мне нужна она одна? Понимаю с запозданием, что большую роль в этом недоверии сыграла состряпанная мной же ситуация с её женихом. Она боится доверять. Тем более, когда всё, что она считает изменой, происходит прямо перед её глазами.

– У меня не получится дружить с твоей женой, – говорит резко. – Точно нет. Сначала она заберёт наши ночи. Потом она забеременеет и привяжет тебя к себе ребенком. Ты сам не заметишь, как она проникнет в твоё сердце. А я не могу этого видеть, не хочу. Я сдохну от ревности ещё до окончания весны, Кир.

Признание, что она ревнует, как бальзам на сердце. Но я не хочу, чтобы ей было больно и выхода из ситуации не вижу.

– Как только Алиа забеременеет, я отправлю её жить в риад. Подальше от нас, – пытаюсь найти решение, которое устроило бы её.

– Разве твой отец допустит такой позор в своей семье? – её голос наполнен едкостью. И она как всегда права. Это недопустимо с точки зрения общепринятых норм.

– Отпусти меня, – просит уже в который раз за сутки. А я прижимаю её к себе ещё сильнее.

– Дай мне шанс, – прошу с надрывом в голосе. – Мы справимся, Мари.

– Мы можем уехать вдвоём. В Арану, в Кио – неважно. Только ты и я. Ты оставишь всё ради меня?

Я молчу, потому что это не так. Я не готов поставить на

карту всю свою жизнь, свои отношения с семьей.

– Ты просишь от меня того, на что сам не готов, Кирам.

Мое полное имя в её устах режет слух. За этот год она ни разу не назвала меня так, даже когда злилась. И это как удар под дых. Она всё решила.

МАРИ

Каждый из нас так и остаётся при своем. Мы из разных миров, не могли и не должны были встретиться, но вот уже год как вынуждены делить кров. Он хочет оставить меня в своей золотой клетке навечно. И чем сильнее он этого хочет, тем больше я горю желанием вырваться. Пусть этим и сделаю больно нам обоим. Беда в том, что нам уже больно. Так какая тогда разница?

Новый человек в доме разрушает понемногу всё, к чему мы привыкли за год. Вместо ресторанных доставок на нашей кухне теперь пахнет домашней едой. Я отказываюсь от её стряпни: либо всё так же заказываю свой обед, либо питаюсь овощами и фруктами. Кир же рад и не видит ничего страшного в том, чтобы есть приготовленное женой. Сложно признаться даже себе, что это ранит. Казалось бы мелочь. Но эта мелочь как ещё одно крошечное предательство. Алие всего семнадцать, но она хитра как лиса и твёрдо решила добиться расположения мужа. Могу ли я винить её за это? Она постоянно отвлекает его внимание на себя, щебечет тонким голоском милые глупости, то и дело просит о помощи. А он сам не замечает, как попадает в эту ловушку, всё больше позволяя ей. Почему бы и нет? Она молоденькая, хорошенькая

и подходит Киру куда больше, чем я. Иногда я чувствую себя старой умудрённой жизнью тёткой, которую заставили жить с двумя подростками. И мне бы радоваться, в надежде, что, выбрав её, Кир отпустит меня. Но я не могу. Это больно. Да, он больше не посещает её спальню, но видеть, как она каждый день увивается вокруг него, невыносимо. Остается лишь одна запретная для маленькой нахалки территория – моя «Линия». И я стараюсь как можно больше времени проводить там.

Март уходит, унося с собой прохладу и бури, позволяя мне снова вернуться в океан, что так приветливо распахивает свои волны. Кир неизменно составляет мне компанию. Наша такая грустная любовь, словно натянутая струна, которая вот-вот порвётся. Неважно, плаваем ли мы, разговариваем, занимаемся сексом – между нами пропасть.

В один из дней, Кир возвращается из офиса гораздо более злой, чем можно было ожидать. Сегодня он виделся с Самиром. Меня они отключили от трансляции и, о чём шла речь, я не знаю, но эта беседа явно вывела моего мальчика из себя.

Увязавшись за ним в ванную, пытаюсь вызнать, что случилось. Он затягивает меня к себе под тропический душ и долго целует, прежде чем хоть немного успокоиться.

– Помнишь, ты напилась, и разделась прямо в душе? – спрашивает, отвлекая меня. – Мне так хотелось поймать тебя. Это было гадко с твоей стороны, так дразнить бедного меня.

– Можем переиграть, – предлагаю с готовностью и стягиваю с себя мокрое, уже ненужное платье.

Потоки тёплой воды струятся по нашим телам, пока мы жадно гладим друг друга везде, где только можем дотянуться. Я должна была бы отказать ему раз и навсегда ещё тогда, после свадьбы. Но я слишком слаба для этого, а он чересчур настойчив. И где-то на заднем плане бьётся мысль, что, поддаваясь, я выиграю скорее. Тем более в этот плен так сладко сдаваться. Мы не впервые занимаемся любовью в душе, но этот раз западает в сердце, настолько он пронзителен.

А после Кир говорит, что нам надо переехать в гостевую спальню. Меня разбирает приступ злого смеха. Так вот, о чём беседовал с ним отец. Наша крошка пожаловалась кому-то, что её права ущемляют. А Кир, поджав хвост, готов выполнять требования семьи. Слухи и сторонние домыслы ведь важнее, не так ли?

– Ты можешь остаться здесь, – говорю зло. – Я просто поменяюсь с ней местами.

– Не начинай, Мари. Я буду жить с тобой, и это не обсуждается, – он тоже в ярости, но в его голосе всё же больше усталости, чем злости.

– Прости, – утыкаюсь лбом в его грудь. Подумав, добавляю. – Но ведь не из-за комнаты же ты так разозлился? Какие у нас еще плохие новости?

Кир рвано выдыхает, явно не хочет говорить. Но я и так приблизительно догадываюсь, о чём речь.

– Я не знаю, как мне быть, Мари, – впервые вижу слёзы на его глазах. Но он быстро смаргивает их.

– Я не могу решать за тебя. Но ты знаешь, чего хочу я, – отвечаю глухо.

– У отца какие-то важные переговоры с семьёй Алии. Он требует, чтобы она понесла как можно скорее, ему необходим этот контракт и что-то ещё. Связанное с политикой.

– Это твоя жизнь и твой выбор, – выходит как-то уж слишком грустно, но иначе никак.

– Ты говорила, что есть какие-то дни, в которые зачатие наиболее вероятно. Я мог бы, ну... Только в эти дни.

– О, нет, Кир! Даже звучит как бред! Можно я буду трахаться с твоим другом Джавадом исключительно по воскресеньям?! Остальные шесть дней в неделю я буду только твоя! – я в бешенстве от его предложения. – Это торг с дьяволом.

– Ты хочешь Джавада? – тут же рычит на меня Кир.

– Ты знаешь, кого я хочу. Это был просто пример. Не самый приятный, согласишься?

– Никогда не делай таких примеров, – он затыкает мне рот поцелуем, будто боится, что я скажу ещё какую-нибудь гадость.

Мы больше не обсуждаем эту тему. Я собираю вещи и сразу пакую их в мусорные пакеты, ничего мне нужно. Да, это по-детски. Но хотя бы так я могу выплеснуть свою злость. Жаль, он не может видеть злорадного торжества на

лице такой славной девчушки, когда она перебирается в мастер-спальню.

А ночью он уходит к ней. Ненадолго. Но этого вполне достаточно для меня и моего разорванного в клочья сердца. Вернувшись, Кир обнимает меня, ласкает, вымаливает прощение. А мне настолько тошно от рук, только что трогавших другую, что я впервые за всё это время не хочу его. Просто лежу и жду, когда он закончит.

– Прости, – шепчут губы, которым больше не верю. А я лечу в бездонную пропасть, настолько глубокую, что со дна не видно звёзд.

КИРАМ

Отец ставит меня перед невозможным выбором. Я ненавижу себя за то, что делаю, но подчиняюсь. Просто поиметь собственную жену, ничего же такого? Сложно. Невыносимо. Не тот запах, не тот звук, всё не то. Да и сама Алия как неживая подо мной. Даже не дотрагивается до меня, и я рад этому. Механические движения без капли души. Долго отмываюсь в гостевой ванной после, прежде, чем вернуться к моей девочке. Руки дрожат. Зайти в нашу спальню страшно, стою перед дверью, не решаясь открыть её, уговариваю себя, что ничего страшного не произошло. Это просто секс, она поймёт. Расплата настигает мгновенно – в моих руках словно кукла, вместо живой девушки. И что бы я ни говорил, она не

реагирует. Такая же неживая, как и Алиа полчаса назад.

Утром Мари не встаёт проводить меня, и я надеюсь, что ей просто нужно время. Когда в университете подключаю трансляцию, вместо нежного голоса моей девочки слышу опостылевший слащавый голосок жены.

– Где Мари и откуда у тебя микрофон? – спрашиваю грубо.

– Она сама дала мне, – говорит испуганно.

Отключаю связь, лучше уж справлюсь сам. Ответ на второй вопрос не заставляет себя ждать. Система слежения сигнализирует, что Мари едет на яхту. Хочется бросить всё и догнать её. Но я не могу. Очередное моё «не могу» между нами. А вместе с ними множество её «не хочу». И вот мы уже на разных берегах. Когда этот адский день подходит к концу, машина Мари всё ещё на пристани. Велю Турабу ехать из офиса туда. Наверное, это хороший вариант, пожить пока на яхте. Развести этих кошек по углам. А там, глядишь, Алиа забеременеет, Мари простит меня. И всё наладится.

Поднимаясь на борт, размышляю, что нужно сделать, чтобы вернуть всё как было. Она же не устояла один раз, значит, сдастся снова. Я умею ждать. Нахожу свою девочку, свернувшуюся клубочком на кровати. И мы возвращаемся к исходной точке нашего путешествия:

– Уходи, – говорит она тихо. Неужели, правда, надеется, что отделается от меня так просто?

Я чертовски устал, хочу есть, но вместо тихого семейного

ужина вынужден решать семейные драмы и это бесит.

– Повернись ко мне, – командую, как не делал ни разу до этого. И она неожиданно подчиняется.

– Ты моя, Мари, и так будет всегда. Запомни, – рычу ей в губы. Беру её, не заботясь о том, хочет ли она этого. Жёстко, как никогда раньше, имею свою нежную девочку и мне не стыдно. Она должна подчиниться, понять, кто здесь главный. Держу так крепко, что наверняка оставляю синяки на тонких запястьях. Но она и не думает вырваться. Просто терпит меня. И я впервые не могу кончить с ней. Не так. Всё не так.

Всё снова как прошлым летом. Она замкнулась в себе. Только на этот раз всё гораздо хуже, потому что на этот раз она оплакивает меня.

МАРИ

Остаток весны провожу на яхте. Кир неизменно приезжает ближе к ночи, знаю, что проводит вечер с женой. Он старается вести себя, как ни в чём не бывало, но у него отвратительно выходит. Всё разбито вдребезги, не склеить. Правда, секс всё так же хорош. Он слишком искусный любовник, чтобы я долго могла оставаться равнодушной к его ласкам. И прекрасно знает все мои чувствительные места. Он больше не позволяет себе насилия, как в тот вечер, а я не позволяю себе слёз. Потому что действительно простила его. Простила и простилась. Больше не больно. Почти.

Его присутствие на борту тяготит меня: я с нетерпением жду утра, когда ему надо уезжать, и с трудом переношу воскресенья, которые он полностью проводит со мной.

Сейчас, как никогда за эти полтора года, ощущаю себя в тюрьме, настолько мне тоскливо. Снова приходит лето и приносит с собой день моего рождения. Это среда. Кир уже уехал на работу. Я, конечно, получила положенный в таких случаях букет, но подарок он обещал привезти вечером.

Днём приезжает Дина, чтобы устроить скромный девичник на двоих. Она дарит мне чудесный золотой браслет и желает поскорее перестать грустить. Мы общаемся на отвлече-

чёрные темы, не затрагивая ничего, что могло бы ранить одну из нас. Дина как-то странно поглядывает на меня. В конце концов, не выдерживает и предлагает кое-что посмотреть. Достает свой планшет, включает видео, которое приковывает моё внимание с первых кадров. Клип начинается с планов, отснятых в нашей с Алексом квартире. Вот моя любимая кружка на столе, вот картина, которую мы вместе купили на блошином рынке. Вот наш любимый парк, где мы часто бродили, держась за руки. Девушка со светлыми волосами в моём платье, лица не видно, но причёска как у меня. Множество отсылок к такому счастливому и недостижимому уже прошлому наполняют видеоряд. Песня очень мелодичная и грустная. Это новая песня, я не слышала её раньше. И она обо мне, абсолютно точно. Замираю, вглядываясь в любимое лицо, и слёзы текут сами собой. Но как же? Когда видео заканчивается, я поворачиваюсь к Дине, спрашиваю её:

– Как это возможно? – будто она может знать ответ.

– Я могу только догадываться, что произошло. Но я сопоставила некоторые факты, – извиняющимся тоном произносит Дина. – Твоя депрессия в прошлом году, она совпала с новостями о новой девушке твоего... Алекса. Потом был ряд опровержений от него, он судился с издательствами за порочащие его имя статьи. Но к тому моменту, мне показалось, что вы нашли своё счастье с Киrom, я не решилась тебя тревожить. И мне очень жаль, следовало сказать ещё тогда, – корит себя подруга.

Я быстро набираю в поисковике запрос, но всё, что нахожу, это, информация, что статья удалена и редакция приносит свои извинения за ложные сведения.

– Представителям сайтов удалось доказать, что это была хакерская атака, статьи не принадлежат им, – осторожно продолжает Дина.

И я, чёрт побери, догадываюсь, чьих рук это дело. Боже, какая же я дура!

– Твоего... Алекса, – снова запинаясь Дина. – Опять положили в рехаб. Он утверждает, что ты жива. Собственно, песня тому подтверждение. Окружающие считают, что он свихнулся и никак не может пережить твоей смерти, отпустить, поэтому ему необходимо лечение.

Всё сказанное не укладывается в голове.

– Я считаю, что он просто чувствует тебя, – добавляет она.

Мозг взрывается от вороха мыслей. В основном это гнев на Кира и себя. Как просто оказалось свернуть меня с истинного пути. Одновременно я чувствую и облегчение от того, что Алекс не предавал меня. И неизмеримую тоску – я-то его предала. Мне никогда не отмыться. И, несмотря ни на что, это лучший подарок, который я только могла получить сегодня.

Выплакавшись на плече у подруги, прогоняю ее. Скоро придет Кир, и ей ни к чему присутствовать при наших разборках. Моя милая Дина всё понимает. Крепко обняв меня на прощание, желает мне самого главного – вернуться к себе.

О, да, обязательно. Я совсем забыла, какая я на самом деле. Самое время вспомнить. Не домохозяйка, покорно ожидающая супруга на кухне. Не служанка, не имеющая собственного мнения. Не тихая девочка, страдающая от невнимания мальчика. Взрослая, уверенная в себе женщина, которая знает, чего хочет. Всего две вещи. Отомстить и домой.

КИРАМ

Это была отвратительная весна, слава богу, она закончилась. Необходимость ездить каждый вечер к Алие высосала из меня какие бы то ни было положительные эмоции. Впрочем, необходимость общаться с Мари, которая, совсем моему присутствию не рада, тоже этому способствовала. Люблю себя на мысли, что не так уж хочу видеть её сегодня. Её депрессия зашла слишком далеко и выносит мне мозг. Но сдаваться не в моих правилах. Вспоминаю, какой она может быть: беззаботной, ироничной, язвительной и нескромной. И я так скучаю по этому. По нашим беседам обо всём и ни о чём, по нашим играм и веселью. Даже язвительность куда-то спряталась, Мари ведёт себя как кукла. Но сегодня у моей девочки день рождения и я твёрдо намерен растормошить её в этот вечер.

Приезжаю к ней сразу из офиса, особо не надеясь застать вкусный ужин и прочие маленькие мужские радости. Но она умеет удивлять. На яхте сервирован стол на двоих. Мари об-

нимает меня, ласкается. На ней надето что-то кружевное, и она заманчиво пахнет моими любимыми духами.

Сегодня моя девочка гораздо больше похожа на прежнюю себя, и я радуюсь тому, что всё начинает приходить в норму. Пока мы идём к излюбленной бухте, наслаждаемся изысканным ужином и впервые за долго время нормально общаемся. Когда бросаем якорь, Мари, как раньше, легко скидывает с себя всю одежду и помогает мне избавиться от моей. Мы много плаваем, брызгаемся, целуемся. Дьявол, как же, оказывается, мне всего этого не хватало! Когда нам надоедает купаться, я всё-таки вспоминаю о приготовленном подарке. Опасливо ожидаю, понравится ли ей. Это ключи от нового дома, где мы будем только вдвоём. Алия, наконец, забеременела, и я думаю оставить её жить с ребенком в старой квартире. Да, так не принято, но хоть что-то я могу сделать для нас с Мари, а не для окружающих? Я выполнил требование отца, почти разрушил из-за этого свои отношения с девушкой, которую люблю, он обязан пойти на уступки.

В папке с ключами лежат документы на дом и его фото, пока она разглядывает их, обнимаю нежно и говорю на ушко:

– Этот дом только для нас. Ты, я и наши дети. Ты же родишь мне дочку?

Из всего сказанного она, как всегда впрочем, легко считывает то, что лежит между строк.

– Алия беременна? – интересуется как бы невзначай.

Я киваю, не скрывая радости.

– Не стоит думать обо мне хуже, чем я есть, Мари. Мне не доставляло удовольствия бывать с ней.

Она только фыркает и переводит тему. Неужели вот так просто? И я смею надеяться, что всё станет как раньше. Солнце село, судя по тому, как потянуло свежестью, и мы не спешим укрываться в каюте. Смакуем этот вечер как глоток живительной влаги. В итоге Мари сама тянет меня в спальню. Прижимается так, что я готов на любые подвиги. Один на один, только я и она. Она включает ненавязчивую музыку, чарующая мелодия заполняет каюту. Мы любим друг друга нежно и страстно одновременно, как будто не виделись вечность, а не расстались только сегодня утром. Когда я уже близок к финалу что-то неуловимо меняется. Новый трек. Голос, который терпеть не могу, поет о том, что хочет забрать мою девочку. И, кончая подо мной, содрогаясь в конвульсиях, она шепчет:

– Алекс...

Я замираю, не могу продолжить даже под страхом смертной казни. «Как она могла?» – рефреном крутится в голове.

А мелодия уже меняется на механический звук голосового помощника: Редакция «Глобал Ньюз» приносит извинения за статьи порочащие честь и достоинство Александра Эванса, размещённые на сайте компании в июне текущего года. Так же представитель компании отмечает, что статьи не принадлежат компании и были размещены на сайте в результате хакерской атаки.

– Как тебе мой подарок? – интересуется невинно. Как всё просто, действительно. Единственная причина, по которой она так мила сегодня – месть. Я так обрадовался, что не распознал подделки.

– Как давно ты знаешь? – спрашиваю, будто это имеет значение.

– Какая разница, – бросает зло. – За что ты так со мной, Кир? Что я тебе сделала, что ты так играючи сломал мою жизнь?

И мне нечего ответить кроме очевидного:

– Я люблю тебя.

Но этого, конечно, не достаточно. Как и всегда.

– Так не любят, Кир. Когда любят, желают человеку счастья.

МАРИ

Мне хотелось причинить ему боль соразмерную моей. Но нельзя, втапывая кого-то в грязь, самому остаться чистым. Мечь не приносит никакого удовлетворения. Напротив, чувствую себя намного хуже, ведь, несмотря на всё сотворённое им дерьмо, что-то в моей душе так же отзывается на Кира, как и раньше.

Он вскакивает, натягивает брюки и практически выбегает из каюты. Возвращается минут пятнадцать спустя, уже спокойный.

– Одевайся, – говорит отстранённо. – Как причалим, поедем в новый дом. Получишь свой подарок.

И выходит. Даже не думаю подчиняться, лежу голая в разорённой постели и в голове ни единой мысли: пусто-то-та. Спустя какое-то время чувствую, как яхта мягко ударяется о причал. Тут же в спальню заходит Кир.

– Пойдём.

– Я останусь здесь, – говорю буднично.

Кир подходит ближе, наклоняется и хватает меня за руку, выдёргивая из кровати. Раздувает ноздри, поняв, что я всё ещё не одета. Выдыхает в безнадёжной попытке успокоиться.

– Если ты сейчас же не оденешься, то пойдёшь до машины

в таком виде.

Разглядываю его, наклонив голову к плечу. До чего же хорош мерзавец, даже после всего, что было, он мне нравится. И это раздражает до ужаса. Он сильнее, явно настроен выполнить свою угрозу, и я в очередной раз подчиняюсь.

За рулём сегодня Тураб, я же сижу ледяной статуей на заднем сидении, не представляя, куда мы едем. Мы больше не держимся за руки. Это не надо ни одному из нас. Тем лучше.

Подъезжаем к большому, что видно даже в темноте, дому. У меня нет желания его рассматривать, но этого никто и не требует. Кир за руку ведёт меня куда-то вглубь, не включая свет. Он ориентируется здесь, значит, был уже до этого. Интересно с кем? Мысль мелькает раньше, чем успеваю её приструнить. Неинтересно. Должно быть.

Судя по всему, мы заходим в спальню. Он всё так же держит меня за руку, не отходит и ничего не говорит. Спустя пять бесконечных минут, тяжело вздыхает и, резко прижав к себе, обнимает. Нет ни сил, ни желания сопротивляться.

– Ты хотела сделать мне больно, и у тебя получилось, – шепчет поверх моей головы. – Лучше всего у нас выходит ранить друг друга, всегда. Почему так? – не получив ответа, он продолжает. – Я просто люблю тебя, что бы ты ни говорила, и хочу, чтобы была рядом. Если это то, что ты чувствовала, когда я был с Алией, то мне бесконечно жаль, Мари, – его весьма волнует то, что я упомянула Алекса, имитируя оргазм, но он даже не думает извиняться за свой собствен-

ный обман. Считает, что это нормально?

– Это даже не близко, Кир, – говорю устало.

– Наверное, ты права, – его голос снова наполняется злым ядом. – Даже не близко. Потому что её я трахаю, но не люблю. А ты спишь со мной, но любишь его. Что в нём такого, чего нет во мне? – он же не хочет, в самом деле, услышать ответ? Видимо хочет, потому что настаивает. – Отвечай.

Говорить об Алексее с Киrom странно, и в то же время поговорить о нём хоть с кем-то заманчиво:

– Он никогда не сделал бы мне больно. Ни физически, ни как-то иначе. Они с Диной чем-то похожи, знаешь? Своей верой в людей, наверное. В нашей религии есть такое понятие как ангелы и демоны. Слышал? – Кир кивает. – Так вот, по одному из поверий за правым плечом у каждого человека стоит свой ангел, а за левым демон, и склоняют его на сторону света или тьмы соответственно. Вы с ним как мои персональные ангел и демон. Просто диаметрально противоположные. И знаешь, что больше всего меня бесит? Что, несмотря на всё, что ты со мной сотворил, Кир, я всё равно люблю тебя. Даже зная, про обман, зная, что между мной и чужой девушкой выбрал её, всё равно люблю.

– Если я сейчас поцелую тебя, ты будешь со мной? Или в твоей голове только Эванс? – говорит хрипло, он меня вообще слышал сейчас?

Усмехаюсь:

– Вас невозможно спутать. И если я целую тебя, Кир, то

целую именно тебя. У меня не так хорошо с воображением, как можно подумать.

Больше мы не разговариваем, у нас осталось немного времени до утра. Наедине и в темноте так легко представить, что есть только мы. Этой ночью мы миримся окончательно. Кир теперь живёт со мной, общаясь с женой лишь по необходимости и по телефону.

Но именно с этой ночи я начинаю видеть изматывающие кошмары. Расскажи кому, что именно мне снится, только покрутят пальцем у виска и скажут: что здесь страшного? Я же просыпаюсь вся в поту, сердце колотится как сумасшедшее от необъяснимого страха и мне требуется немало времени, чтобы успокоиться. Эта изощрённая пытка преследует меня каждую ночь, без выходных и праздников. Мне снится, что я занимаюсь любовью, неизменно звучит новая песня Алекса. Но не могу разобрать, с кем я. Лицо моего партнера все время меняется, мои мальчики сменяют друг друга, порой их лица сливаются в одно, так, что под конец я перестаю различать их. Именно этот момент и ввергает меня в неподдельный ужас.

Кир, каждый раз убаюкивает меня, уговаривает, что сон – всего лишь сон. Наверное, он прав, я же не могу их перепутать...

КИРАМ

Я всегда добиваюсь своего. В этот раз тоже. Искушение просто уйти, хлопнув дверью, огромное. Но это отнюдь не мужской поступок. И останавливает то, что, возможно, именно этого Мари и добивается. Собрав в кулак всю силу воли, начинаю переговоры. Мне важно понять, что у неё в голове. Хочет ли она быть со мной хоть немного. В какой уже раз называет меня демоном. Исчадием ада. Что она вкладывает в это понятие? Но моё сердце говорит, что любит меня, и я слышу, что она верит в свои слова. Это самое главное. Если она меня любит, со всем остальным я разберусь.

Всё возвращается в норму, насколько вообще наши отношения могут быть нормальны. С Алией мы достигли определённых договорённостей, и она почти не беспокоит нас. За немаленькую сумму, конечно. Экзамены остались позади, в университете каникулы, и у меня появилось больше времени, чтобы проводить его с Мари. Лето пролетает с безумной скоростью, лёжа на пляже и, держа в объятьях своё сокровище, я чувствую мир и покой. И мне хочется порадовать её. Я на полном серьёзе размышляю о поездке к родителям Мари. Знаю, её тяготит то, что её считают без вести пропавшей. Но я боюсь этого шага и оттягиваю его. Всё ещё не уверен, что, имея выбор, она выберет меня. Она прерывает мои ленивые мысли крайне неожиданной просьбой:

– Научи меня драться.

– Ты серьёзно? – я, конечно, знаю, что для её страны в этом нет ничего удивительного, но у нас девушки не занима-

ются ничем подобным.

– Более чем. Хочу знать хотя бы основы самообороны.

– Ты же понимаешь, что от кого-то вроде меня никакие основы не помогут?

Она тут же фыркает:

– От тебя вообще ничего не поможет, Кир. Ты всегда прёшь как танк.

– Буду считать, что это комплимент, – улыбаюсь. – Но, если честно, не понимаю, зачем тебе это. У нас в стране нулевой процент нападения на женщин. В отличие от Араны, – и тут я понимаю, что сам ответил на свой вопрос. – Ты всё ещё хочешь сбежать от меня? – сердце пропускает удар в ожидании ответа.

Замявшись на мгновение, она отвечает:

– Нет, не сбежать. Хочу убедить тебя отпустить. И когда ты мне дашь свободу, я смогу честно выбрать тебя. Понимаешь? – но в воздухе повисает и второй возможный вариант развития событий – или не выбрать. Как же всё между нами сложно.

– Понимаю. Но это слишком тяжело. Дай мне время.

Тем не менее, с того дня мы начинаем совместные тренировки. И это оказывается куда веселее, чем можно было предположить. В новом доме большой и круто оборудованный спортзал, мы подолгу зависаем в нём, пережидая дневную жару. В очередной раз, укладывая свою девочку на лопатки, обязательно смягчаю удар поцелуем. И стараюсь по-

чаще поддаваться, потому что она весьма забавно радуется своим удачам.

Сегодня Мари настроена решительно «завалить меня хоть раз по-честному» и требует не поддаваться. Смешная такая. Я, конечно, растерял форму за последний год нерегулярных тренировок, но не настолько же. И всё-таки ей удаётся сбить меня с ног. На ринге такой приём, само собой, не прокатит, но надо отдать должное её хитрости. Она отвлекает меня поцелуем и, дождавшись, когда я полностью расслаблен, делает подсечку. Я смеюсь и тяну её на себя, размышляя, что как раз в зале мы еще ничем таким интересным не занимались.

На самом интересном месте нас прерывает звонок телефона, оставленного на окне. Без задней мысли команду соединить по громкой связи. Это Алия:

– Кирам. Я в больнице. У меня угроза прерывания беременности.

МАРИ

– В какой ты клинике? – подрывается Кир, оставляя меня лежать на холодных матах. Хватает телефон и выходит из зала. Что ж, разве не чего-то подобного я и ожидала? Пытаюсь воззвать к своей совести – ведь речь о детской жизни. Но, по правде говоря, мне плевать на чужого ребёнка. Ребёнка, которого он якобы не хотел. Кир заглядывает снова, просит меня одеться и поехать с ним. Не заморачиваясь, накидываю верхнее платье прямо на спортивный топ и леггинсы. Всё равно же никто не увидит. Пока едем в больницу, в машине царит напряжённая тишина.

– Поговори со мной, – прошу, когда мы уже на парковке госпиталя.

– О чём? – Кир до ужаса отстранён.

– О ребёнке. О твоём ребёнке.

– Что ты хочешь услышать?

– Ты довольно быстро собрался для человека, который этого ребёнка не хотел, – наверное, мой голос звучит несколько обвиняюще.

– Даже если я его не хотел, от этого он не перестает быть моим сыном.

– Это мальчик? – про пол ребенка я слышу впервые, мы

вообще в разговорах стараемся избегать всего, что связано с Алией и её беременностью. Кир кивает.

– Да, Джамиль. Это значит красивый.

– Вы уже и имя выбрали. Мило.

– Мари, не начинай, – требует он.

– Пойдём, – говорю устало. – Узнаем, что там с твоим сыном.

В приёмном покое находим врача, который с готовностью провожает нас к Алие. По дороге он что-то рассказывает Киру, но там слишком много терминологии и я мало что понимаю. А вот фразу про покой и уход я вполне разобрала. Ну, вот и кончились мои каникулы.

Когда заходим в палату, она не может сдержать раздражённого взгляда, заметив меня. Но к Киру обращается приятным голосом милой девочки:

– Как хорошо, что ты пришел. Кирам, мне очень тяжело объяснять людям, почему рядом со мной нет отца ребенка.

Её речь звучит настолько фальшиво, что меня, кажется, вот-вот стошнит. Не знаю, ведётся ли Кир, но он подходит к ней и берёт за руку. Уговаривает, что всё будет хорошо. Лицо его смягчается, он явно переживает о них. По крайней мере о ребенке. А Алиа взирает на меня поверх его плеча с победоносным видом.

Чтобы не смотреть на милое воссоединение семейства, отхожу к окну. Жаль, за ним не находится ничего, что могло бы меня отвлечь от происходящего в этой комнате. К счастью,

мы находимся там недолго. Кир обещает жене, что приедет за ней завтра утром, и берёт меня за руку, готовый покинуть больницу.

Уже в машине, откинувшись на сидении, он задаёт вопрос, которого я боялась и ждала:

– Ты же не против пожить в квартире какое-то время? Ей нужен уход.

Мне хочется ему высказать всё, что я думаю о его предложении, но понимаю, что это не принесёт ничего, кроме новой ссоры. А нам нельзя ссориться. Я должна дожать его и вернуться домой. Только тогда кончится этот затяжной кошмар, не отпускающий меня уже полтора года. И вместо истерики, которую так и тянет устроить, я спокойно отвечаю:

– Конечно. Это же твой ребёнок.

– Мари, – Кир поворачивается ко мне и кладет свою руку поверх моей, лежащей на ручке коробки передач. – Когда ты будешь носить нашего ребёнка под сердцем, я не оставлю тебя ни на минуту.

– Я не хочу детей, – говорю честно. – Так что можешь не переживать.

– Я думаю, ты всё же родишь мне дочку, – заявляет этот самоуверенный болван. – Назовём её Рада и будем баловать до бесконечности. Возможно, я буду любить её даже больше, чем тебя, – заканчивает шутливо.

Только меня такие шуточки что-то совсем не радуют. Не надо меня любить, пожалуйста!

– Сначала разберись с одним младенцем, – перевожу тему. Завожу двигатель и еду домой.

Уже следующим утром мы возвращаемся в некогда мою любимую, а теперь выводящую из себя, квартиру. От стильного минимализма не осталось и следа – много золота, пёстрых картин и ковров. Класс. Жизнь, если и не стала похожа на ад, то на чистилище точно. Алия вечно требует к себе повышенного внимания, которое Кир ей с готовностью предоставляет. Я с каким-то всё возрастающим мазохизмом наблюдаю за этой парочкой. Возможно, не появись я на их пути, из них вышла бы хорошая семья. Только вот моей вины во всём происходящем нет. Приходится напоминать себе об этом почаще. С одной стороны, я безумно хочу вырваться из этой страны, оставить позади Кира и всё, что с ним связано. С другой, мне необъяснимо больно от одной мысли, что я могу больше никогда его не увидеть. И сны, бесконечные сны, где Алекс улыбается мне и зовёт к себе. Но Кир присутствует в них в равной мере. И они рвут меня на части во сне и наяву. Здравствуй, осенняя депрессия.

В одно далеко не прекрасное утро я застаю на кухне картинку, от которой сводит зубы. Кир стоит на коленях перед женой и целует уже прилично округлившийся живот. Горько усмехаясь, ухожу незамеченной. Вот и произошло. Он окончательно определился. Мне же остается только одно – подтолкнуть его к правильному решению.

Прошу его провести это воскресенье со мной на яхте. В

последние месяцы мы почти не делали этого, чтобы не оставлять Алию одну. Но в этот раз он соглашается. Мы лениво наслаждаемся осенним солнышком на палубе, и я рассказываю моему-чужому мальчику заранее заготовленную сказку.

– Знаешь историю про русалочку? – как бы невзначай интересуюсь.

– Русалки – это девушки с рыбьими хвостами? – уточняет Кир. – Что за история?

– В прекрасном дворце на самом дне моря жила маленькая принцесса-русалочка, – начинаю я всем хорошо известную сказку. – Она влюбилось в человеческого мальчика, естественно, тоже принца. И пришла к морской колдунье с просьбой подарить ей ножки, такие же, как у людей. Колдунья согласилась, но потребовала себе взамен голос русалочки. И вот, немая и обнажённая пришла она в мир людей. Каждый шаг новеньких человеческих ног отдавался болью, словно русалочка шла по битому стеклу.

– А потом встретила своего принца, и они жили долго и счастливо? – с саркастичной улыбкой интересуется он.

– Не совсем, – отвечаю мягко. – Важным условием колдуньи было то, что принц должен полюбить русалочку и жениться на ней. В обратном же случае ей предстояло умереть и стать пеной морской. Принц очень хорошо относился к ней, но русалочка никак не могла рассказать ему обо всём – ведь её голос остался у злой колдуньи. И он женился на другой. А на рассвете в день свадьбы русалочка пошла на берег

моря и вернулась домой. Только уже не русалкой, а хлопьями белой пены.

Мы какое-то время молчим, я даю ему переварить историю, провести аналогии.

– Я уже почти пена, Кир, – говорю грустно.

Не желаю слышать его оправданий и заверений в том, что моя ревность беспочвенна. Я встаю и ныряю в бесконечную синеву. Ныряю настолько глубоко, насколько позволяют мои лёгкие. Здесь довольно большая глубина, поэтому их начинает жечь гораздо раньше, чем я могу достигнуть дна. На последнем дыхании выныриваю, отфыркиваясь от всё же попавшей в нос воды. И тут же попадаю в объятия Кира.

– Сумасшедшая! – орёт он на меня. – Ты что творишь, Мари?!

Смотрю на него, не понимая, почему он переполошился. Он же обнимает меня так крепко, что, скорее всего, на коже останутся синяки.

– Эй, я просто ныряла, – целую его, пытаюсь успокоить. – Всё в порядке.

Но он не внемлет и настойчиво выталкивает меня из воды. Остаток дня мы проводим в каюте. О чём я совершенно не жалею. Ведь мой мальчик дьявольски хорош в этом деле.

КИРАМ

Ярываюсь между двумя девушками, не в силах остано-

вить их молчаливое противостояние. Я понимаю, что Алиа отстаивает права своего ещё не рождённого ребенка, поэтому требует к себе всяческого внимания. Понимаю, что Мари неприятно наблюдать за всем происходящим. Но не могу ничего изменить. И потом, это же мой сын. Когда-нибудь Мари станет матерью и поймёт меня. Когда рассказывал ей про дочку, вовсе не шутил. Я, правда, хочу, чтобы она родила мне маленькую девчушку, похожую на маму. Уверен, её слова про то, что не хочет детей, лишь защитная реакция на неприятную ситуацию. Забеременеет и успокоится. Отец, кстати, тоже советует не затягивать со вторым ребёнком. Говорит, когда у женщин заняты руки, им некогда воевать. Осталось только дожить до этого чудного момента.

Жаль, у нас редко получается остаться только вдвоём. Поэтому, зная, что Алиа в этот день едет к родителям, с радостью соглашаюсь провести воскресенье на яхте. После напряжённой недели просто загорать на палубе прекрасно. Мари рассказывает романтическую сказку, конец которой мне совершенно не нравится. И она явно ассоциирует себя с этой русалкой. Я так устал доказывать ей, что она самое важное, что есть в моей жизни. Собираюсь с мыслями, чтобы пойти на новый круг уговоров в её исключительности для меня, но слышу, что она встаёт и ныряет с борта. Ныряю вслед за ней, чтобы изловить и поцелуями прогнать из её прелестной головки всякие глупые мысли. Но, когда я уже в воде, она всё ещё не появляется на поверхности. Дьявол, я даже не могу

увидеть, в каком направлении нырять. Собственная беспомощность бесит. Проходит бесконечная минута, прежде чем я слышу плеск рядом с собой. За эту минуту в моей голове проносится столько страшных мыслей, что от переизбытка эмоций я кричу на нее. Да, я до чёртиков испугался, что она может сделать с собой это... Если её не будет, то мне незачем жить, понимаю вдруг совершенно ясно. Вытаскиваю Мари на яхту и увожу в каюту от греха подальше. Мы любим друг друга, словно это последний день перед концом света. Отчаянно. Сладко. Тела переплетаются, идеально подходящие друг другу, словно половинки инь и ян. И я не знаю, где заканчиваюсь я, и начинается она. Мы единое целое, и так должно быть всегда.

МАРИ

Уже первые числа ноября, а я пока ни на йоту не ближе к своей цели. Кир явно успокоился, его всё устраивает в его двоежёнстве. Этого следовало ожидать. Целыми днями предоставленная сама себе, я постоянно раздумываю, как же мне ещё подтолкнуть его к нужному мне решению.

Однажды, после особо неприятного столкновения с Алией, которая уже в открытую начинает качать права, заявляя, что она здесь жена и законная хозяйка, я срываюсь и уезжаю на нежно любимый мной секретный пляж. Одна. В этот раз Кир даже не звонит мне. Неужели доверяет? Зря. До сих пор достаточно тепло и желание окунуться в воду просто непреодолимое. Я скидываю одежду – пляж пустынен, как и всегда. Аккуратно, ежеминутно поскальзываясь на осклизлых камнях, захожу в воду. На самом деле здесь действительно опасно плавать, волны бьются об огромные валуны, закручиваясь с небывалой силой. Но это меня не останавливает – немного экстрима никому не повредит, правда же? Плаваю долго, уже порядком устав, забираюсь на спину ближайшего «дива» и прошу его исполнить моё самое заветное желание. Медитирую, разглядывая такую безмятежную морскую гладь, и незаметно для себя засыпаю. Просыпаюсь резко от

громких криков. Недоумеваю, кто бы это мог быть, осторожно выглядываю из своего укрытия. Я лежу на пологом склоне скалы и с берега меня не видно. Увидев, что это всего лишь Кир в сопровождении водителя, выбираюсь из своего укрытия и плыву назад на берег. На мне только чёрное кружевное белье, поэтому с опаской поглядываю на Тураба, прежде чем выйти из воды. Он понятливо отворачивается, и я с немалыми усилиями выбираюсь на песок. Кир страшно зол, это понятно по тому, как нервно дергаются его ноздри и по шумному дыханию. Я же спокойно одеваюсь и подхожу к нему. Ну не убьёт ведь он меня, в самом деле?

– Ты хоть представляешь, что я почувствовал, когда мы нашли здесь только твою одежду? – шипит на меня яростно, схватив за предплечье.

– В квартире нет бассейна, а мне захотелось поплавать, – отвечаю как можно беззаботнее, в то время как мои глаза жгут злые слёзы.

– Про то, что можно пойти в спа и поплавать там, ты, конечно же, забыла... – устало говорит он, обнимая меня. Я киваю, и одна непрошенная слезинка все-таки срывается с ресниц, размазываясь по нашим щекам.

– Не плачь, – просит Кир, пальцем стирая её подружку. – Что она тебе сказала?

– Ничего нового. Всё в порядке.

Он только тяжело вздыхает, и мы покидаем моё убежище. За рулём я успокаиваюсь и к моменту, когда возвращаемся в

город, могу мыслить более или менее трезво. Останавливаясь на парковке у дома, не глушу двигатель.

– Кир, я хочу жить в доме или на яхте. Можно в риале. Но не здесь.

– Мари, ты же понимаешь...

– Я все понимаю, Кир. Я так и сказала: Я хочу. Не мы. Ты можешь остаться с ней.

– Это только до родов, – бесконечно грустно говорит он.

– Конечно, – невесело усмехаясь, отвечаю ему в тон. Мы оба знаем, что это навсегда.

Кир, поцеловав меня на прощание, выходит из машины, я же какое-то время раздумываю, куда податься. Решившись, резко стартую с места, подрезаю маленькую красную машинку, возмущенно засигналившую в ответ. Я еду в риал. Как можно дальше от них, от него.

Риал встречает пустотой и пылью, здесь явно требуется нехилая уборка. И это как раз то, что мне сейчас нужно. Возьмусь с тряпками и средствами для мытья, освобождая голову от хоровода депрессивных мыслей. Методично отмываю кухню, свою старую спальню. Когда раздумываю, стоит ли приступать к тренажёрке, или оставить до завтра, раздаётся звонок в дверь. Я никого не жду, поэтому приходится надеть никаб и абайю, прежде чем выйти к воротам. С удивлением нахожу там всё того же паренька-доставщика, который исправно носил нам еду, когда мы ещё жили здесь с Киром. Он кивает мне с задорной улыбкой, как старой знакомой, и

вручает пакет с горячим обедом. Кирам всё так же заботится обо мне... И от этого в разы хуже, чем если бы он просто забыл о моём существовании. Миллионы «если бы» и сожаление о возможном, но так и не наступившем счастье, разрывают сердце.

Несколько последующих дней протекают в унынии и одиночестве. Но потом я собираюсь с мыслями и силами. Он отпустил меня. Пока что недалеко, но отпустил. Осталось дожить.

КИРАМ

Алия позвонила мне, когда я ехал из университета в офис. Требовала поговорить с Мари, якобы та унижает её и не даёт прохода. В то же время пришло сообщение о передвижениях Мари. Поняв, куда она едет, и, судя по скорости передвижения, в весьма взбешённом состоянии, я запаниковал. Велел Турабу отправляться вслед за ней. Когда мы спустились с водителем на пляж, и он сказал, что здесь её одежда, но её самой нет, в том числе в воде – это просто убило меня. Она раз за разом убивает меня. Я кричал как раненый зверь, оплакивая мою девочку, а она... Она просто плавала. Это невыносимое создание сделает меня седым уже к двадцати пяти. Но другую мне не надо, вот в чём беда.

Мне ничего не остаётся, кроме как отпустить её. И это дьявольски больно. Находясь дома, стараюсь закрываться

в своей комнате, чтобы как можно меньше пересекаться с Алией. Она до противного назойлива, ей постоянно требуется какая-то помощь. И я прекрасно отдаю себе отчёт, что это она сделала всё возможное, чтобы выжить мою бейгали из этого дома. А Мари слишком гордая для того, чтобы терпеть или вступать в разборки с беременной женщиной.

Когда понимаю, что из всех возможных вариантов она выбрала риад, иду в зал и долго колочу грушу, не надев бинты, разбивая в кровь костяшки. Риад, который ей никогда не нравился. Просто потому, что это максимально далеко отсюда. Это уничтожает меня. Вспоминаю, что Мари не умеет готовить. Боюсь, что опять доведёт себя до такого состояния, как прошлым летом, поэтому звоню в тот ресторанчик, что снабжал нас едой в первые полгода. Проходит несколько дней, и она даже не звонит мне. Только одно короткое голосовое со словом «спасибо», на этом всё. Сам я боюсь ей звонить, боюсь услышать очередное «отпусти меня». По ночам не могу найти себе места в слишком большой для одного кровати. Я привык к ее тёплому соблазнительному телу у себя под боком. К субботе я уже готов лезть на стены, меня ломает, словно наркомана без дозы. После работы велю Алие собираться, и мы едем к моим родителям.

Я рассчитываю оставить погостить у них жену и поехать к моей девочке. В конце концов, это они её выбрали, вот пусть и повозятся с ней. Но так просто, как я планировал не выходит. Отец ведёт меня к себе в кабинет для серьёзного разго-

вора. Речь, ожидаемо, идёт о Мари.

– Ты вообще не занимаешься своими женщинами, сын? – начинает издалека отец. Я молчу, потому что вопрос явно не подразумевает ответа, и жду продолжения. Которое не заставляет себя ждать. – То, в каком виде твоя бейгали была на пляже, одна... Это неприемлемо. К тому же её видел посторонний мужчина, – понимаю, что Тураб доложил обо всём отцу, и страшно злюсь на него. На них обоих, потому что это совершенно не их дело. Но отец, не обращая внимания на мои эмоции, продолжает. – Я, как глава совета старейшин, не могу оставить её выходы без внимания, Кирам. Но я сделаю скидку на то, что она чужеземка. На первый раз мы замнём это дело. Но подобное не должно повториться, сын. Так же как и жалобы твоей жены, их слишком много. В противном случае, последствия не понравятся вам обоим. Надеюсь, мы поняли друг друга?

– Конечно, отец, – отвечаю уважительно, как того требуют традиции. Скрывая свою ярость. Он сейчас открыто угрожает моей женщине, и я ничего не могу сделать. Мари не пережить, она совершенно точно попадёт в эту ловушку.

На самом деле могу. Это убьёт меня, но я могу защитить её. Приняв решение, я отправляюсь в риад.

Уже ночь, Мари, скорее всего, спит. С замиранием сердца открываю знакомую дверь. Двадцать шагов, десять налево, еще двадцать направо и снова налево. Вот и её спальня. Захожу без стука и прислушиваюсь. Уловив дыхание, улыба-

юсь и пробираюсь к ней под одеяло, предварительно раздевшись. Я не сомневался, что она предпочтёт свою крошечную комнату моей широкой кровати. Она приникает ко мне всем телом, таким бесстыдно обнажённым и родным. Душу рвёт отчаянная нежность. Мы бесконечно целуемся, не говоря ни слова, и мир снова становится целым. Я становлюсь целым. Пусть ненадолго. Но я сберегу эти мгновения в своём сердце как величайшую драгоценность...

МАРИ

Это одна из немногих ночей за последние полгода, когда я не вижу свой «излюбленный» кошмар. Сплю, как убитая. И первое, что вижу утром – это его улыбка. Снова невольно сравниваю его с Алексом, испытывая лёгкий укол совести. Не знаю, перед кем из них мне сейчас стыдно. Перед Алексом, что я оказалась совсем не заслуживающей его любви? Или перед Киrom, что думаю сейчас о другом? Оба варианта верны, конечно. Вспоминаю, как мой принц улыбается, всегда широко и открыто, словно вбирает в себя весь мир, заражает окружающих своим хорошим настроением. Улыбка Кира – это лишь лёгкое движение губ, скорее даже намёк на улыбку. Но она для меня бесценна. Целую его в уголок губ, пытаюсь поймать её, впитать в себя. Но она тут же ускользает. И, как будто не было целой ночи неземных ласк, мы начинаем сначала.

Выбираемся из постели только к обеду, когда раздаётся звонок доставщика. За едой обсуждаем какие-то мелочи: его учёбу, наши планы с Диной. Всё, что угодно, только не то, что действительно важно. После обеда валяемся у бассейна и плаваем, навёрстываем украденное у нас время. Потом Кир неожиданно предлагает потренироваться. И сегодня, я чув-

ствую разницу, – он учит меня по-настоящему, показывает наиболее уязвимые места человеческого тела. Раз за разом повторяем одни и те же движения. И это явно не какие-то единоборства, ближе к уличной драке или боям без правил, не знаю. Потому что все эти приёмы нечестные, направленные на достижение скорейшего результата и рассчитанные на то, чтобы я могла получить хоть какое-то преимущество перед заведомо более сильным противником. Впрочем, всё это бесполезно, у меня не получается ни черта.

– Отрабатывай их каждый день, хорошо? – просит Кир, когда мы уставшие падаем на маты. Он аккуратно разминает мои плечи и спину, которые ломит от бесконечных падений, нежно целует позвонки в основании шеи. – Ты же знаешь, как сильно я люблю тебя? – шепчет на ухо. Но разве это любовь? Болезненная привязанность, одержимость... Точно такая же, как у меня.

Переворачиваюсь на спину, провожу ладонью по его лицу, очерчиваю пальцем тонкую светлую полоску шрама. У моего мальчика вообще слишком много шрамов. Он прикрывает глаза, прижимаясь к моей ладони плотнее, выдыхает с бесконечной грустью. Притягиваю его голову к своей груди, целую в тёмную растрёпанную макушку:

– Знаю, Кир. Я люблю тебя.

Время уже к вечеру, я знаю, что ему скоро надо уезжать, и заранее чувствую одиночество, которое обрушится на меня, стоит хлопнуть входной двери. Поэтому в душ мы идём вме-

сте, растягивая мгновения, проведённые друг с другом. Когда стоим под тугими горячими струями, можно позволить себе незаметно поплакать. Хотя, кого я обманываю? Кажется, он может определить, что я чувствую, по одному лишь дыханию.

– Я решил рискнуть с той операцией, помнишь? – говорит Кир неожиданно, поглаживая мою уже намыленную спину. И если он хотел отвлечь меня от моей грусти, то у него это стопроцентно получилось.

– Правда? Это же здорово! – радуюсь я. Затем не могу удержаться от шутки. – Ну, вот. Увидишь меня, какая я старая для тебя, и разлюбишь.

И да, я добиваюсь нужного эффекта – получасового заверения в моей молодости и привлекательности. Весьма, надо сказать, умелого и приятного заверения.

Когда, наконец, выходим из душа, я всё-таки задаю главный вопрос:

– Когда ты летишь?

– Мы. Мы летим, Мари. Когда – не знаю, я займусь документами – разрешением на вылет, организую самолет. А тебе надо будет связаться с клиникой и обсудить все нюансы, когда они смогут нас принять, – помолчав минуту, добавляет. – И узнай, пожалуйста, побольше о самой операции. Хотелось бы знать, к чему готовиться.

– Мог бы не уточнять, – я обнимаю его, прижимаясь так крепко, как только позволяют мои слабые женские руки. Мы

оба понимаем, что осталось несказанным: он отпускает меня. Это билет домой.

КИРАМ

Я принял решение, но как же сложно его озвучить. Целый день собираюсь с силами и не решаюсь – слишком боюсь почувствовать её радость от скорой разлуки. Вместо этого пытаюсь научить хоть каким-то элементам самообороны – там, где она будет жить, не самое безопасное место для женщины. Тем более для моей девочки, с её тягой к приключениям. Как-то же она жила до меня, вклинивается ехидный голосок ревности. И там будет, кому её защитить. Как бы больно это не было, я действительно хочу, чтобы рядом с Мари был кто-то, кто удержит от безумных поступков. Пусть даже это будет чёртов Эванс. Но внутри всё равно теплится надежда, что она не вернётся к нему. Что дождётся меня. Я найду способ, как обезопасить её здесь, обязательно.

Когда слова уже сказаны и нет обратного пути, я с удивлением понимаю, что она рада за меня. Тому, что улетает, безусловно, рада тоже. Но, кажется, моему возможному прозрению больше. И это греет. Боится, что не понравится мне, когда увижу, глупая. Говорит вроде как в шутку, но я же чувствую, что есть у неё сомнения на этот счет. Как будто то, что есть между нами, зависит от таких мелочей, как цвет глаз и ранние морщины...

– Я мечтаю увидеть тебя, солнце, – говорю ей, целуя. – Когда снишься мне, стараюсь увидеть твоё лицо, но ты прячешь его от меня, – провожу большим пальцем по её носу, спускаюсь к губам. – У тебя чудесный вздёрнутый носик, безумно притягательные губы, ты не можешь мне не понравиться. И давай будем откровенны – у тебя не карие глаза, – улыбаюсь, дотрагиваясь губами до её век.

Слышу, как улыбается в ответ:

– Серые. Самые обычные.

– В тебе ни ничего обычного, Мари. Ты моё чудо, – одними словами мне её не убедить, и я перехожу к гораздо более действенным методам.

Время летит с бешеной скоростью, уже слишком поздно, а мне ещё забирать Алию от родителей, плюс двухчасовой путь в город. К тому же, хотелось бы обсудить мою операцию с отцом сегодня, не откладывая в долгий ящик. Мари отвозит меня к риаду отца, но даже не выходит из машины. И я её понимаю, сам страшно не хочу идти туда. Но есть долги, которые мы вынуждены отдавать всю жизнь. Прощаюсь с ней до следующей субботы и спешу в свой персональный ад.

Отец на удивление благожелательно воспринимает моё желание испытать судьбу с восстановлением зрения. Обещает поспособствовать в скорейшем вылете в Арану. Мать тоже рада. А вот Алиа начинает тонко намекать, что должна поехать со мной. Я не желаю, чтобы она была со мной в столь важный и, будем откровенны, страшный момент моей жиз-

ни. Есть только один человек, с которым я в равной степени готов разделить как успех, так и поражение. И это не моя жена. Но прежде, чем я успеваю отшить её, вклинивается отец и велит не говорить глупостей – на столь позднем сроке беременности дальнейшие перелёты абсолютно под запретом. Всю обратную дорогу она дуется и молчит, и я воспринимаю это как бесценный дар.

Благодаря связям отца все вопросы решаются в кратчайшие сроки. Через две недели мы улетаем. Наплевав на все традиции и условности, я беру отпуск на работе, договариваюсь об академическом отпуске в университете, сплавливаю жену к родителям и провожу эти две недели там, где сердце. И это непростительно короткие две недели.

МАРИ

Всё складывается наилучшим образом. В понедельник я позвонила в клинику и выяснила, когда возможна операция, как именно она будет происходить. Если бы это была местная больница – клянусь, я бы ни слова не поняла из сказанного, так как говорили по-арански, общую суть я с трудом, но уловила. Переживала, как воспримет эту информацию Кир, поскольку предполагается прямое вмешательство в мозг, а не только на глаза. Но он на удивление покладисто отреагировал. Повторил, что готов рискнуть. Доктор Джонсон оказался весьма любезным мужчиной и заверил меня, что риски минимальны – за последние два года они провели десятки подобных операций и все с благополучным исходом. Предварительно согласовав всё с Киrom, назначила госпитализацию через две недели.

И вот теперь, казалось бы, самое время завести тот самый адвент-календарь, о котором думала два бесконечных года назад. И я рада, очень рада, что возвращаюсь домой. Но вместе с радостью меня объял иррациональный страх. Я даже толком сама не понимаю, чего боюсь. Того ли, что увижу дома – ведь всё, наверняка, изменилось за столь немаленький срок? Того ли, что я сама изменилась так сильно, что не впи-

шусь в свой старый мир? Или того, что оставляю позади кусочек себя? Скорее всего, и то, и другое, и третье.

Уже во вторник Кир приезжает за мной и забирает на яхту. Время перед отъездом мы проводим только вдвоём, никого не впуская в наш маленький мир. Мир солнца, бирюзовых волн и сладко-горьких поцелуев. Ни разу мы не поднимаем вопрос о том, что произойдет после операции. В равной степени не обсуждаем и возможную неудачу со зрением, и мой последующий уход. То, что я останусь с Киrom до конца, даже не обсуждается. В такие моменты человека нельзя оставлять одного, тем более, это же Кир, мой мальчик... Единственный раз за две недели нарушаем наше уединение, чтобы встретиться с Джавадом и Диной. Правда, встреча выходит какой-то скомканной и скоротечной. На прощание Джавад желает Киру удачи. Дина же крепко обнимает меня, шепчет, чтобы не забывала её. И это то, что я могу обещать с уверенностью. Ещё один кусочек моего сердца останется в Палере, с моей маленькой и чуткой подружкой.

В последний день перед отлётом воздух между нами звенит от непролитых слёз. Мы приезжаем на мой излюбленный пляж дивов, я хочу загадать одно последнее желание. Когда выходим из машины, Кир протягивает мне неизвестно откуда появившийся старинный полароид.

– Сделаем пару фото на память? – улыбается мне. – У нас ведь нет ни одной.

Раньше я с удовольствием вела соцсети, в моём телефоне

были тысячи фотографий. За эти два года я не сделала ни одной.

– Сделаем, – отвечаю, проглатывая вставший в горле комок, и забираю из его рук громоздкую технику.

Требуется время, прежде чем получается разобраться с диковинным механизмом. В итоге всё же делаем несколько совместных фотографий, только вот выходят они излишне грустными. Но, как уж есть.

После пляжа едем в уже не мой столичный дом, где проводим бессонную ночь, полную нашего пока что общего огня, одного на двоих. Кир. Шепчу его имя снова и снова. И он откликается всем своим естеством, потому что сейчас мы единое целое. Пусть ненадолго. Но в сердце навсегда.

Уже утром небольшая, но очень комфортная, «сессна» уносит нас прочь из так и не ставшей моей сказочной страны. Шесть часов в воздухе пролетают незаметно. Возможно потому, что провожу их, практически не слезая с его колен. И вот она – моя Арана. Я и забыла, какой неприветливо холодной и пасмурной она бывает в ноябре. Бортпроводник выдает нам заранее приготовленные пальто. Но, даже не смотря на них и то, что до ожидающей машины бежать всего сто метров, я успеваю продрогнуть до мозга костей. Вспоминаю, как зверски мёрзла здесь в первые годы после переезда. Но потом привыкла. Привыкну снова. Или вовсе вернусь в Кио.

Из аэропорта едем прямо в клинику, где для нас приготовлена совместная палата. Кир снова отстранён и мрачен,

но крепко сжимает мои пальцы своей сухой и горячей ладонью. Вспоминаю, как испугалась этой самой ладони при нашей первой встрече. Усмехаюсь – кто бы мог подумать, что она окажется такой нежной.

Уже в больнице предупредительный персонал провожает нас в выделенную палату и удаляется, давая время освоиться. Комната небольшая, но в ней есть всё необходимое, включая ванную комнату и мини-кухню. И большую кровать. Кир падает на неё прямо в пальто, словно из него вдруг выкачали все силы. Осторожно сажусь рядом, беру его за руку. Он притягивает меня к себе в подмышку и тихо признаётся:

– Я боюсь.

– Ничего не бойся, я с тобой, – отвечаю, обвивая рукой его талию. Он только горько ухмыляется и зарывается лицом в мои волосы.

В этот день нас навещает доктор Джонсон, приятный мужчина лет сорока с хвостиком, обрисовывает план дальнейших действий. Сегодня мы отдыхаем и привыкаем, а уже завтра Кира ждёт множество обследований. И, если всё в порядке, то в пятницу можно будет провести операцию. Просто, складно, легко запомнить. Уже в субботу я, возможно, буду дома. И от этого сводит дыхание.

Несколько дней, наполненных анализами, рентгенами и прочими МРТ, пролетают незаметно. Кир нервничает, но старается держать себя в руках. В пятницу, когда его забира-

ют в операционную, я остаюсь в палате и тихонько молюсь: «Господи, пусть у него всё будет хорошо».

КИРАМ

Ожидание операции растягивается в целую вечность. С момента, как мы поднимаемся на борт самолёта, я нахожусь в постоянном напряжении. Совсем скоро моя жизнь изменится окончательно и бесповоротно. Безусловно, я переживаю за исход операции, вновь обрести зрение так заманчиво. Но уход Мари висит надо мной как дамоклов меч, и этот страх гораздо сильнее того, что несёт неудачная попытка хирургов. В конце концов, к жизни в темноте я уже привык, а как привыкнуть к жизни без воздуха, которым стала для меня моя девочка? Бесконечные обследования выматывают. Но, когда док объявляет, что противопоказаний для хирургического вмешательства не видит и прогноз благоприятный, я выдыхаю. Назад пути нет, всё получится, уверяю себя. Мари нежно целует меня на прощание, говорит, что, пожалуйста, накрасится для нашей первой встречи. И мне становится гораздо легче. Нервный и голодный иду в операционную своими ногами, наотрез отказавшись от инвалидного кресла. Иголлка капельницы, писк датчиков и я теряю связь с реальностью.

Прихожу в себя уже, судя по всему, в палате, потому что чувствую рядом присутствие Мари. Глаза не открываются,

вскидываю руку, чтобы проверить, что с ними. Но её тут же перехватывают хрупкие пальцы.

– Тшш, – говорит Мари. – На глазах повязка. Доктор Джонсон сказал, что всё прошло успешно. Я пойду, позову его.

Она целует меня и выходит за дверь. Не удержавшись, ощупываю не только глаза, но и голову. Убеждаюсь в том, что сейчас, скорее всего, похож на мумию. Как же не терпится узнать, получилось ли. И так страшно разочароваться.

Наконец, в комнату заходит док вместе с Мари. Проверяет показания каких-то датчиков, прикрепленных ко мне, рефлексы. Мне помогают сесть в кровати, не повредив тянущиеся от меня куда-то в сторону проводки. И момент истины наступает. Медсестра аккуратно разматывает бинты, я моргаю, и глаза вспыхивают болью от неожиданности. Потому что я вижу. Впервые за десять лет. Палата наполнена очень тусклым светом, видимо, чтобы не ранить непривыкшие ещё глаза. Рассматриваю в шоке свои руки, совсем не такие, какими я их запомнил. Поднимаю взгляд, вижу перед собой врача так чётко, что могу рассмотреть каждую морщинку на его лице. Перевожу свой взор дальше и там, за плечом дока, стоит самая прекрасная девушка, какую я только мог вообразить. Она улыбается мне, прикусив губу и это до ужаса мило.

– Ты не покрасилась, – выдаю первое, что приходит в голову. И она смеётся. А я не могу не улыбнуться в ответ.

Док проверяет мои рефлексы снова, светит фонариком в зрачки. Затем велит медсестре отключить все датчики, поздравляет меня с удачной операцией и прощается до завтра. Только когда за ним закрывается дверь, понимаю, что даже не поблагодарил мужика, вернувшего мне зрение и веру в чудеса. Мари понимает меня с полувзгляда, кажется, потому что подходит ко мне и говорит:

– Ничего страшного, успеешь ещё поблагодарить.

Садится тихо рядом со мной, гладит по щеке, и слёзы льются из её удивительных серых глаз.

– Не плачь, всё же хорошо, – успокаиваю мою девочку, не обращая внимания на спящую рядом с нами девушку-сестричку.

– Я от радости, – улыбается моя невозможная, невероятная, самая лучшая в мире женщина. Мы держимся за руки, и я не могу насмотреться на нее.

– Что, всё-таки стоило накраситься? – как только берёт себя в руки, тут же начинает язвить Мари.

Качаю головой – нет. Точно нет.

– Ты как мечта, ставшая реальностью, – говорю, что думаю. «Жаль ненадолго», – добавляю про себя. Но отправляю эту мысль на задворки сознания, не желая портить такой чудесный момент. Впитываю в себя её образ и улыбаюсь как дурак.

МАРИ

Кир снова видит и от осознания победы кровь наполняется бурлящими пузырьками восторга. Как же я рада за него! Мы сидим в палате и просто разговариваем, обнявшись. Но перенесённый наркоз вкупе с лавиной эмоций накрывают Кира, и он засыпает задолго до наступления ночи.

Так сложно оторваться от него, но, оставив на его щеке легкий поцелуй, отправляюсь в больничное кафе – с утра кусок в горло не лез и теперь страшно хочется есть. Беру первый попавшийся салат, утоляю голод и размышляю, как быть дальше. У меня нет моих собственных, не палерских, документов. Те, что лежат у Кира, мне не нужны – на пластиковой карточке фото девушки в никабе, различимы только глаза. Изображение явно сделано в программе, меня никогда не фотографировали на документы там, но глаза мои. Фамилия этой девушки Арафат. Чужие документы и чужая жизнь. Карту Кира я тоже брать с собой не планирую, его деньги – это его деньги. Ситуация не то чтобы весёлая. Здесь у меня, конечно, есть друзья. Но не их я хочу увидеть первыми, вернувшись домой после такого долгого отсутствия. Про то, чтобы связаться с Алексом, и речи не идёт. После всего, что я натворила, назад к нему дороги нет, как бы больно это не

было. Я не смогу врать, а он... Он будет прав, отказавшись от меня. Поэтому решаю, что звонить надо папе. Кому же ещё? В общем-то, на память я знаю только его номер и Алекса, так что выбор в любом случае невелик.

Но уйти вот так, сегодня, я не могу. Кир проведёт в клинике минимум три дня, и я решаю остаться ненадолго, продлить агонию. «Поддержать его», – убеждаю себя. Но сама знаю, что вру.

В расстроенных чувствах возвращаюсь в палату к моему мальчику, который уже не спит, смотрит на меня внимательно, потом приглашающе распахивает одеяло. Он ещё в больничной рубашке, в которой был на операции. В любой другой ситуации я бы вдоволь похихикала над его видом, но сегодня обстоятельства не располагают. Я просто тесно прижимаюсь к нему и, уткнувшись в подмышку, роняю пару слезинок.

– Как ты себя чувствуешь? – спрашиваю глухо.

– Череп немного саднит, но в целом нормально, – негромко отвечает он.

– Тебе и рёбра когда сломали, было нормально, – иронизирую я.

– Признайся, ты уже тогда хотела остаться в моей спальне, – поддевает с усмешкой.

– Хотела, – к чему теперь отпираться. – Кстати, доктор Джонсон сказал, что в ближайший год нежелательно заниматься единоборствами. А дальше надо будет снова пройти

обследование и уже по обстоятельствам.

– Ясно, – кивает Кир. Он всё ещё слаб, мы просто обнимаемся и потихоньку обсуждаем, как много всего ему предстоит увидеть.

В конце концов, не выдерживаю, прохожусь по его забавному внешнему виду. Кир хмурится, стягивает с себя рубашку, заодно и меня избавляет от одежды.

– Ты должна восхищаться мной, а не смеяться, – заявляет, оставляя меня без последней детали гардероба.

– Одно другому не мешает, Кир. Расслабься, ты идеален, – провожу рукой по безупречному прессу. Нет, мы не занимаемся любовью, просто засыпаем, прижавшись друг к другу. Кожа к коже. Время ускользает от нас.

На следующее утро ему делают кучу тестов, но уже после обеда мой мальчик свободен и даже может передвигаться по палате самостоятельно. Свет в комнате остаётся приглушённым, и в коридор, где яркие дневные лампы, выходить не рекомендую. Несколько раз уточнив у медсестры, не побеспокоят ли нас снова, и, получив отрицательный ответ, Кир запирает за ней дверь. Он поворачивается ко мне с горящими глазами, и я таю под его взглядом, наполненным восхищением.

КИРАМ

В первое мгновение, после пробуждения не понимаю, что

происходит. Мозг медленно реагирует на возникшую картинку. Вспоминаю, что снова вижу, и ликование заполняет меня, когда обвожу взглядом комнату. В следующую минуту оно сменяется липким страхом. Неужели она ушла вот так, даже не попрощавшись? Оглядываю окружающее пространство снова, на этот раз, выискивая признаки её присутствия. Вслушиваюсь, не течёт ли вода в ванной. Впрочем, обманывать себя ни к чему, я знаю, что она не возьмёт не единой чёртовой вещи, кроме того, что будет надето на ней. Сотрёт меня из памяти и будет жить дальше. От холодящей душу безысходности отвлекает входящий вызов. Звонит отец. Коротко сообщаю ему о том, что операция прошла успешно, он поздравляет меня. Интересуется: «Когда вас ждать назад?». Вас – как ножом по сердцу. Знаю, что полечу домой один. Но отцу говорить об этом ни к чему. Заверяю, что сообщу ему, когда нужен перелёт, и сворачиваю разговор. Минуты тянутся нескончаемо. Звоню ей, но телефон отзывается откуда-то из шкафа. Не могу поверить, что это уже конец, задыхаясь от боли. Может, вышла поговорить с врачом или пообедать? Бесконечность спустя, открывается дверь и Мари заполняет собой пространство. Или это пространство сужается лишь до одной интересующей меня точки? Не вижу ничего кроме неё. Она залезает ко мне под одеяло так уютно и знакомо, что страхи отступают на задний план, прячутся до завтрашнего утра. Вдыхаю её запах, обнимаю и понимаю, что такой в моей жизни уже никогда не будет.

На следующий день, после дьявольской кучи анализов и тестов нас, наконец, оставляют в покое. Я чувствую себя уже вполне сносно и у меня на этот вечер далеко идущие планы. Закрыв за медсестрой дверь, подхожу к Мари, устроившейся с ногами в глубоком кресле, сажусь перед ней на корточки и не могу отвести взгляд от бесконечно любимого лица. Она не выдерживает первой, наклоняется и целует меня так, что кровь закипает в жилах. Хочу поднять на руки, чтобы унести в постель, но она вырывается, со словами, что дойдет сама. Точно, мне же нельзя тяжести пока, вспоминаю отстранённо. Все мысли сейчас о другом. Мари тянет меня за руку к кровати, ложится, и я оказываюсь сверху. Сегодня она не в платье – вернувшись в свой мир, Мари поразительно быстро возвращается и к старым привычкам. На ней спортивная футболка с длинными рукавами и штаны, но даже в таком простеньком виде она меня заводит. Может быть, в таком виде даже больше. Стягиваю с неё обычную белую майку с неземным удовольствием. Потом летят на пол штаны. Она лежит передо мной в крошечных белых кружевных трусиках и бюстгальтере, такая вся аппетитная, что я даже не знаю, с чего начать. Да, её тонкая шейка – мой фетиш, и я сначала покусываю её, постепенно спускаясь всё ниже и ниже. Привычным уже жестом снимаю ненужное бельё и наслаждаюсь открывшимся мне видом небольшой упругой груди с розовыми торчащими сосками. Облизываю один, втягиваю в рот, наблюдая, как её кожа покрывается мурашка-

ми удовольствия. Сегодня столько всего в первый раз. Маленькая родинка рядом с пупком, гладко выбритые нижние губки. Сегодня это всё только моё. Зацеловываю её всю, изучаю заново. Каждый изгиб, такой знакомый на ощупь, нужно совместить в голове с этим новым знанием о том, как выглядит её тело. Сегодня делаю всё так медленно, как только позволяет моя выдержка. Когда вхожу в неё, вижу, как широко раскрываются от удовольствия её глаза, как изгибаются в гримасе восторга пухлые губы. От новых ощущений дрожь оргазма сотрясает меня гораздо раньше, чем я планировал. Но у нас впереди весь вечер и ночь. И сегодня она не уйдёт, я уверен. Чтобы не оставлять свою девочку без сладкого, спускаюсь вниз и довожу её до экстаза губами и языком. Впиваюсь глазами в лицо, когда, кончая, она шепчет: «Пожалуйста, Кир». Это то, что я хочу запомнить. Прости, что не смог уберечь тебя. Прости, что испортил твою жизнь. Прости, что больше не смогу заботиться о тебе так, как мне бы хотелось и как ты того заслуживаешь.

Сотни тысяч «прости» этой ночью. Сотни тысяч «прощай». Это самое сладкое расставание, какое только может быть. Ночь бесконечна и ночь коротка. Засыпая с рассветом, целую Мари в висок и в последний раз говорю, как сильно люблю её.

МАРИ

После ночи полной любви Кир, наконец, засыпает, у меня же сна ни в одном глазу. Полюбовавшись на безмятежное лицо моего мальчика, я тихонько выхожу из комнаты. Свершилось. Я могу уходить хоть сейчас, но что-то держит, как на поводке. Он всё-таки посадил меня на цепь, пусть и невидимую. Заставляю себя припомнить все прелести той жизни, что ожидает меня, стоит вернуться в Палеру. Вспоминаю о родителях. Есть вещи, которые мы просто должны сделать. Собравшись с мыслями, подхожу к улыбчивой женщине за стойкой регистрации и прошу у неё телефон. В Кио, в отличие от Араны, ещё не начался рабочий день, но я, не боясь разбудить, набираю номер, который знаю наизусть с тех пор, как только узнала, что такое цифры:

– Привет, пап. Мне нужна твоя помощь, – на том конце тишина, и я тороплюсь вывалить как можно больше информации, прежде чем меня запишут в мошенницы. – Я в Аране, Клиника Джонсона. У меня нет документов и денег, – слышу, как папа издаёт хриплый вздох, добавляю быстро. – Со мной всё в порядке. Просто забери меня отсюда, пожалуйста.

Мой самый лучший в мире папа быстро берёт себя в руки:

– Мари, малыш. За тобой приедут в течение часа. Ты в

безопасности сейчас?

– Да, всё хорошо.

Объясняю отцу, что это чужой телефон. Он понимает, откладывает расспросы до лучших времен, и мы прощаемся.

– Я так сильно люблю тебя, папа.

– Я люблю тебя, Мари. Жди.

Тихонько возвращаюсь в палату, чтобы забрать из шкафа зимнее пальто и мой старый добрый планшет. Кир хмурится во сне, словно чувствует, что я сбегаяю. Я легко касаюсь плеча своего мальчика, успокаивая, лицо его тут же разглаживается. В последний раз целую такие притягательные губы, роняя на его щёку прозрачную слезинку. Вспомнив, перекидываю из сумки в карман пальто один из наших снимков, на другом оставляю короткое послание и кладу на тумбочку у кровати. Вот и всё.

КИРАМ

Просыпаюсь, когда в комнату после короткого стука заходит знакомая уже медсестра. Она что-то шепчет о предстоящих процедурах, я же оглядываюсь, ощущая навалившуюся со всех сторон пустоту. Понимаю со всё подавляющей ясностью, что в этот раз Мари действительно ушла. Насовсем. Сажу в кровати, обхватив голову руками, чем вызываю тревогу у сестрички.

– Что-то не так? У вас болит голова, господин Арафат? –

бросается ко мне та.

Мотаю головой, с трудом нахожу в себе силы, чтобы ответить:

– Нет, ничего не болит, всё хорошо, – не объяснять же, что душу рвёт словно тысячью кинжалов. От такого здесь не лечат. Девушка выбегает, что-то пробормотав о том, что приведет врача.

Размышляю, что оказался здесь, в этой клинике, и вернул зрение только благодаря ей. Но, вернув мне возможность видеть этот мир, она забрала смысл на него смотреть. Оглядевшись, словно во сне, замечаю на столике наше фото, которого точно не было там вчера. С фотографии своими большими грустными глазами на меня смотрит мечта, которую я потерял. На белой кромке синей ручкой выведено всего два слова. Её прощание. И я вдыхаю свой океан боли.